

Валерий Сопов

**За тысячи лет до
АРМАГЕДДОНА**

Вместо того, чтобы превратиться в плазму вместе со всем человечеством, вследствие катастрофы, последовавшей после залпа звездолета инопланетян по направлению Земли, я в компании двух других долбодятлов, по совместительству научных сотрудников, оказался в прошлом, в темпоральной петле протяженностью в десять тысяч лет. К тому же физический фортель наделил нас таким эрзацем бессмертия. Испытывая определенное чувство антипатии к зеленым человечкам, отягощенное отсутствием другой достойной цели, наша троица поставили перед собой задачу: форсировать прогресс человеческой цивилизации, с тем, чтобы при следующем контакте с представителями внеземных рас, встретить их во всеоружии. Предварительно создав то ли Звезду Смерти, то ли переносной генератора Черных дыр для утилизации отдельных галактик. И все бы хорошо. Вот только неандертальцы, кроманьонцы и атланты оказались не слишком благодарным материалом для проведения экспериментов.

Глава первая. О бренности бытия

Глава первая. О бренности бытия.

В которой главный герой задает сам себе вопрос из категории: «Тайн бытия», а именно: «Как он докатился до такой жизни?», но вместо того, чтобы дать правдивый ответ впадает в размышления относительно достоинств и недостатков отдельных особей женского пола, жалуется на жару и приходит к заключению, что бессмертие это зло, а потом решает спасти человечество от инопланетян.

Похоже, что на этот раз я попал. Причем попал не в смысле: «попал во что-то», а в смысле: «попал куда-то». Конкретно в эпоху то ли позднего палеолита, то ли раннего неолита. Причем попал не сам по себе, а в обществе еще двух долбо@ебов: Юрки Пичугина и Жеки Серединцева.

Все-таки права была Олеся, когда послала меня по сексуально пешеходному маршруту, к тому же навсегда, аргументируя свой поступок тем, что, что у меня: «Все не как у людей». Правда говорила она это по другому поводу. Больше напирая на то, что я дожив до своих сорок так и не защитил докторскую. Можно подумать, что среди ее знакомых исключительно академические светочи числятся. Хотя, с другой стороны, диссер и научный талант это категории, которые слабо между собой коррелируют. Помню, тогда я даже несколько расстроился, поскольку найти адекватную замену такой фемине как Олеся дело непростое, а размениваться на кого ни глядя не хотелось. Опять же девушка худо-бедно выполняла защитную функцию от Марго, которая демонстрировала по отношению ко мне самые агрессивные матримониальные планы. Защита так себе, Для чегонибудь посерьезнее требовалась разве что установка залпового огня, но все же лучше чем ничего.

С другой стороны и соблюдать целибат на протяжении недели, минимальное время, необходимое для поиска достойной кандидатуры на замену, было выше моих сил.

Вот только в нынешней ситуации все эти проблемы выглядят, мягко говоря, ну совсем никак. А тезис: «Все не как у людей», приобрел по отношению ко мне абсолютный смысл. Более того, в нынешней своей плачевной ситуации, я с теплом и ностальгией вспоминал те счастливые времена, когда самой большой проблемой для меня, как для и. о завлаба, было то, как списать излишки спирта в непомерных количествах выписываемых со склада моими зарвавшимися от вседозволенности сотрудниками. И Олесю вспоминаю с любовью, и Томку с Леной, и даже Марго. Все-таки женщины, регулярно делающие маникюр и эпиляцию, это несколько не то, с чем мне постоянно приходится сталкиваться в настоящее время, взвалив на себя тяжелую ношу шамана племени кроманьонцев. Со значительной прослойкой неандертальцев. А почему бы и нет. Мы же не расисты какие-нибудь. Я уж не говорю об эльфах, то бишь эльфийках. Численность которых как бы не больше, нежели неандерталок. Последние, то бишь эльфийки, а не неандерталки, являются многочисленными потомками, вернее потомками, Ахмета, который категорически отказывается числить себя Атлантом и после отчаянных дискуссий согласился называться эльфом. Аргументируя это решение наличием у себя заостренных ушей. При этом, если уж речь зашла о мифических существах, категорически игнорируя габариты, более приличествующую оркам, нежели эльфам, и волосатость, которой не всякий сатир может похвастаться.

Так вот, об институтских женщинах. Пожалуй с Марго перебор. Наверное солнце голову напекло. Все-таки, что бы там не утверждали яйцеголовые о том, что в эпоху раннего

неолита, ну или позднего палеолита, климат был идентичен современному, это наглая лож. Такую жару я ранее готов был терпеть разве что на турецком пляже в Марморисе, при условии что сервис предполагает: «all inclusive» и напитки бесплатные.

— Черт побери, надоело все до чертиков. И не надо меня обвинять в бедном словарном запасе. Типа: черт-до чертиков. Это все лексические повторы. Хочу и говорю: «Черт! Черт! Черт! Когда уже изобретут эти чертовы кондиционеры».

А нервы-то совсем распатались.

Тот редкий случай, когда я готов полностью признать правоту женщины. И определение: «Все не как у людей», снова лексический повтор, по отношению ко мне совершенно уместно.

Если быть совершенно корректным, то по отношению ко мне и еще двум долбое..., вернее неудачникам. Поскольку именно наша троица и вынуждена с помощью дубины и такой-то матери мотивировать первобытно общинное население к охоте на мамонтов, в то время, когда все остальное человечество благополучно испарилось с лица Земли. Вернее испарилось вместе с Землей. После того, как инопланетяне бортовым залпом звездолета убедительно продемонстрировали «превосходство белого человека», конкретно в нашем случае зеленых человечков, над дикарями.

Короче, они там все отправились по заранее оговоренным пунктам назначения, кто в рай, кто в ад, кто еще куда, ну а некоторые, самые ушлые, из числа моих прямых предков викингов, вообще с бабами в Валгаллу, круглосуточно пьянствовать.

А вот наша троица долбое..., вернее неудачников, вместо того, чтобы превратится в высокотемпературную плазму в хорошей компании, оказалась заброшена в прошлое, тысяч этак за десять лет до наступления того самого знаменательного момента — не слишком удачного для человечества первого и последнего контакта с внеземной цивилизацией.

Причем мы не просто оказались в прошлом. Но планида к тому же наградила нас таким эрзацем бессмертия, с возможностью отбросить ласты, врезать дуба, ну или погрузится в нирвану, как кому нравится, не ранее, чем нынешний временной поток достигнет той локальной точки, откуда мы портировались в прошлое. То есть через десять тысяч лет с хвостиком. Должен со всей ответственностью заявить, что из всего того плохого, что с нами случилось, бессмертие самая паршивая штука.

Каюсь, ни я, ни мои коллеги не сразу распознали потенциальную опасность. Сначала мы с энтузиазмом неофитов, одаренных благодатью вечной жизни, пытались понять в чем тут прикол и радовались неожиданному профиту. Как тут не вспомнить широко разрекламированное с помощью низкопробной литературы и не менее низкопробных блокбастеров утверждение, что бывших шпионов, они же бывшие спецназовцы, на худой конец ветераны локальных войн или просто менты, не бывает. Хотя я убежден, что тезис: «Бывших маньяков не бывает», не менее справедлив. А уж о том, что: «Бывших жен не бывает», вообще молчу. На собственной шкуре осознал. Так вот в этот ряд вполне вписывается: «Бывших научных сотрудников не бывает». А поскольку всю нашу троицу, включающую Юрку, Жеку и меня, на полном основании можно было причислить к этой категории, то мы и занялись изучением этого феномена, отложив другие проблемы на второй план. Все-таки, когда речь идет о собственной жизни, в прямом, а не в философском понимании этого слова, все остальное странным образом теряет свою значимость.

Тут требуется некоторое разъяснение. На самом деле нас не трое, а четверо. Я сам, Женя, Юра и примкнувший к нам Ахмед.

Когда-то давным-давно я услышал о некой антипартийной группировке, состоящей из Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова. Детское воображение тут же нарисовало бандитов в папах, которые гоняли по степи на тачанке с пулеметом, совсем как у Батьки Махно. Вот только никак не удавалось присобачить в эту картинку Шепилова. В конце-концов я определил ему место бегущим вслед за телегой и кричащим: «Погодите! Меня забыли!». Но не скажу, что меня удовлетворил полученный результат. Как-то все это с отставшим марафонцем выглядело несерьезно. Даже с точки зрения непритязательных детских фантазий. С тех пор термин: «примкнувший» сохранился у меня в голове несколько размытым и неопределенным. Теперь, с появлением Ахмета, все стало на свои места. Он и был тем самым классическим примкнувшим. Дело в том, что в отличие от нашей троицы, попавшей в прошлое из вполне цивилизованных мест, Ахмета занесло в нашу компанию прямо из Атлантиды. Той самой, которая утонула. Место, по утверждению ее последнего жителя, слова доброго не стоящего. Причем Атлант-Ахмет тоже числился условно бессмертным. Правда не на физическом, а на биологическом уровне. Но это не отметало тот факт, что проблемы, связанные с чрезмерной продолжительностью жизни, перед ним стояли идентичные нашим. И с не меньшей остротой.

Сначала немного теории. Все-таки Жека какой-никакой физик теоретик. Из числа тех, которые не от мира сего. Короче, из гениев.

Он-то и предположил, что на самом деле наша троица все еще прибываем там, в бывшем нашем настоящем, которое на самом деле для нас сейчас будущее. Эко я загнул. Самому на секунду стало непонятно. Хотя кому я вру. Ежели сотни раз пытаться обдумать одно и то же, то все вышесказанное приобретает хрустальную ясность и прозрачность.

Итак, возвращаясь к теории, сварганенной на коленке нашим гением. Причем, надо отметить, без использования любых измерительных приборов, способных подтвердить или опровергнуть его рассуждения. Да и о какой научной атрибутике может идти речь, когда даже бумагу и карандаш еще никто не удосужился изобрести. Не говоря о таблице логарифмов и большом андронном коллайдере.

Так что на нынешнем этапе познания окружающего мира мы, некогда научные сотрудники, скатились до уровня Кантовских идей Чистого Разума, это когда каждый может нести всяческую отсебятину, поскольку ни подтвердить, ни опровергнуть любую гипотезу практически невозможно. В силу наличия отсутствия необходимого инструментального обеспечения. А критерием истинности выступает внутренняя убежденность говорящего, подкрепленная умным видом и большими кулаками. Последний аргумент в научном споре оказывается решающим. В соответствии с принципом: «Прав тот, у кого больше прав». Недаром, одно время Ахмет числился в нашем уютном научном сообществе великим мудрецом. Вплоть до того момента, когда Жеке это не надоело и он назначил себя официальным вождем племени троглодитов, после чего, на этом основании, забрал у Ахмета его дубину железного дерева. На время поносить. Но я снова отвлекся.

Теория нашего переноса в прошлое, разработанная вождем племени, постулировала, что здесь и сейчас присутствует некая наша физическая проекция. Поэтому уничтожить в прошлом нас невозможно, до тех пор пока мы присутствуем в будущем, а уничтожить нас в будущем тоже невозможно, поскольку это самое будущее еще не наступило. Этаким парадокс получается, который, надеюсь, будет устранен, когда мы в текущем временном потоке достигнем точки погружения в прошлое. Так что физически пострадать, в том числе и умереть, нам никак не удастся. Другими словами мы заключены в некой темпоральной

петле, выход из которой расположен там же, где и вход. С обязательным условием: сколько публики внутрь вошло, столько и обязано покинуть бордель по окончании сеанса психотерапии.

Но это все так, абстрактная теория. Значительно веселее практика.

То, как в реальной жизни работает защита наших тушек. Если попытаться охарактеризовать одним словом, то ближе всего подходит — песня, если несколькими — бред сумасшедшего под воздействием сильнодействующих веществ.

Мы окрестили этот феномен — эффектом отрицательной энтропии. Один маленький пример. Когда Юрка, еще при троглодитах, экспериментировал, пытаясь придумать, как бы нас извести, он однажды провел целую серию с многотонной глыбой, которую бедные аборигены затаскивали на приличную такую по высоте горку, а потом сталкивали вниз, с тем, чтобы та скатилась по заранее вырезанному в камне желобу прямо на ожидающего ее внизу горе-экспериментатора. Потом по этим мотивам появилась легенда про Сизифа. Ахмет постарался. Любит он женщинам мозги пудрить занятными историями. Так вот, в первый раз глыба в самом конце, непосредственно перед столкновением с горе-экспериментатором, подскочила на какой-то кочке и аккуратно перелетела через Юркину голову, обрушившись на зевак из числа троглодитов, задействованных в опыте. Потеряли троих. Во второй раз, сразу после начала движения глыбы, произошло небольшое землетрясение, желоб деформировался и снес еще пятерых, Юрке естественно хоть бы хны. В следующий раз, прямо перед началом движения глыбы, где-то высоко в горах прорвало перемычку, удерживающую горное озеро. Водой смыло половину племени, Юрка не пострадал. Дабы сохранить остатки населения подшефного нам племени троглодитов, я потребовал немедленно прекратить опасные эксперименты. И слава богу! Жека потом вычислил что, реакция, мать ее за ногу, Вселенной возростала от случая к случаю по экспоненте, и на пятый раз мы вполне могли рассчитывать на столкновение Земли с астероидом и наступлением нового ледникового периода. Понятно, что с нами-то ничего бы не случилось, да вот только мало радости в том, чтобы постоянно мерзнуть и жрать мороженную мамонтьятину. Дело в том, что на сенсорный аппарат защита не распространяется, так что и голод и холод мы испытываем в полной мере. А вот сдохнуть от голода не удастся никак. Тот же Юрка однажды забурился в пустыню и перешел на диету из кузнечиков. Ну и что? За полгода даже килограмма в весе не потерял, зато так изголодался, что до сих пор жрет все, что ни попадя.

Короче, с точки зрения физического сохранения наших тушек проблемы нет никакой. За этот момент Вселенная несет персональную ответственность. Казалось бы вся Чики-Чики. Вот только в этой ложке меда оказалась зарыта огромная такая бочка с дегтем. Эту проблему мы условно окрестили феноменом эмоционального выгорания, или, в другой интерпретации, — парадоксом Вечного Жида.

Притча, посвященная этому фольклорному персонажу утверждает, что за полторы тысячи лет ему так опротивело жить, что он был готов пойти на любые жертвы, лишь бы прекратить свое земное существование. А ведь нам по прогнозам предстоит жить не жалкие полтора тысячелетия, а все десять — двенадцать. К сожалению до сих пор не удастся точно определить свои временные координаты по отношению к стартовой точке погружения. Вот отсюда и разброс.

Саму проблему, как и пути ее преодоления детально описал все тот же Ахмет. Не скажу, что метод лечения намного лучше самой болезни, но это тот самый случай, когда: «Хіба

хочеш — мусиш».

И теперь, периодически, каждые триста лет, а то и чаще, мы вынуждены впадать в детство, по методике разработанной Ахметом. И если бы не методика очищения сознания, давно бы ходили по миру пуская слюни и пугая окружающих безумным взглядом и заунывным воем. А так каждые триста лет забиваешься отшельником куданибудь в медвежий угол, впадаешь на пару десятилетий в этакое медитативное состояние и забываешь на девяносто процентов все, что с тобой приключилось в предыдущем цикле. Считай, что заново рождаешься. Без этого точно бы все давно с ума посходили.

Все это не могло отразиться на нашем отношении к инопланетянам, усилиями которых мы оказались в столь плачевной ситуации.

Будучи мотивированными именно такими соображениями, наша троица поставила перед собой задачу — форсировать развитие человеческой цивилизации в такой степени, чтобы при появлении зеленых человечков в округе Солнечной Системы не они нас, а мы их испарили. Вдребезги и пополам. Судя по всему, человечеству не хватило лет пятьсот, чтобы освоить технологии, которые бы позволили защитить Землю от супостатов. Но нужно брать с запасом.

Спрашивается, а нафига попу эта гармонь, если мы все по природе своей агностики. Живи себе в свое удовольствие и ни о чем не думай. Вот только, помимо всякого разного, в том числе и тяги к восстановлению вселенской справедливости, тот же Ахмет утверждает, что без великой цели, вернее Великой Цели с большой буквы, мы точно рано или поздно деградируем. На этом та же Атлантида и погорела.

Признаться, мысль повторить участь Агасфера, Вечного Жида, слюнявого идиота без цели и мысли в глазах веками слоняющегося среди людей и пугающего своим неухоженным видом окружающих граждан, меня до чертиков страшит.

Задача форсажа прогресса безусловно грандиозная, но ведь удавалось же в свое время выполнять пятилетку за три года. На этом фоне попытка всунуть двенадцать тысячелетий земной истории в десять, кажется не столь безнадежной. А лишних две тысячи лет развития, по прикидкам, человечеству вполне хватит на то, чтобы изобрести особо смертоносное оружие. Ну типа Звезды Смерти или переносной генератор Черных дыр для утилизации отдельных галактик.

Вот так плачевно и обстоят мои нынешние дела. А ведь совсем недавно ничего не предвещало подобного.

Глава вторая. Порочная любовь к сладкой жизни

Глава вторая. Порочная любовь к сладкой жизни.

В которой главный герой на протяжении многих лет подряд корит себя за любовь к чаю с сахаром, подозревает юного м.н.с. в диверсии и саботаже, занимается трудотерапией и становится жертвой косорукого монтажника, перемкнувшего не то и не там, после чего наблюдает картину удивительной красоты и в итоге приземляется на собственную задницу

По самым скромным прикидкам, я проклинал свою любовь к сладкому чаю не менее ста семидесяти лет чистого времени. Если считать по двадцать минут в день ежедневно и так на протяжении двенадцати тысяч лет. А ведь в первые три тысячи лет, я только о том и думал, как же меня угораздило обменять свою бессмертную душу на пять кусочков рафинада. Всего-то делов было, посидеть лишних полчаса в интернете, почитать новости, поработать в конце-концов, хотя работать с утра в институте считалось дурным тоном. А через некоторое время вместе со всеми и гаплык. В соответствии с естественным ходом развития событий, описываемых цепочкой: пространственно-временной прокол континуума — звездолет инопланетян — атака на Землю — высокотемпературная плазма — Аллилуйя. Тоже перспектива не из приятных, я вам скажу, зато в хорошей компании и совершенно безболезненно. Так нет же, решил с утра чайком побаловаться.

Стерва Лерочка, лаборантка ответственная в том числе и за чай, в первую очередь за чай, если быть объективным, и совершенно безответственная персона во всех отношениях, во всяком случае в период любовных томлений, которые на нее периодически накатывают по два-три раза в месяц, благополучно опаздывала. Остальные бездельники, числящиеся научными сотрудниками, поддались на уговоры зазывалы из отдела теории хаоса, соблазнившись будущим алаверды и манной небесной, а так же потенциальной карой господней со стороны заместителя директора института, он же руководитель теор. отдела, и поползли на четвертый этаж, создавать массовку на семинаре по прикладным аспектам теории хаоса.

Я же, ссылаясь на свое высокое руководящее положение и.о. завлаба и неотложную необходимость немедленно подготовить отчет чрезвычайной важности лично для «Самого», остался в лаборатории один. Оно мне надо, прикладные аспекты теории хаоса. Да у меня в квартире после ухода жены такой хаос, что ни одной теорией описать невозможно.

Красота, никто не заглядывает через плечо на экран монитора, хошь песню пой, хошь водку пей. Ну последнее так, для большей отчетливости перспектив. А так, в реальной жизни, хошь в преферанс гоняй, хошь порнушку качай. Благо оптоволокно и неограниченный трафик служат для подобного высокоинтеллектуального времяпровождения солидным подспорьем. Никто не советуется с шефом по поводу семейных неурядиц, гениальных идей или жалуется на то, что зарубежные снобы отказываются публиковать статью в *Reviews Modern Physics*.

Впрочем, на этот раз, я решил воспользоваться спокойной обстановкой и пересмотреть результаты вчерашних экспериментов. Графики демонстрировали нечто совершенно несуразное. Такое впечатление, что менялась энергетическая константа самого пространственно-временного континуума. Конечно, напрямую измерить этот параметр было невозможно. Вот только косвенные измерения свидетельствовали о том, что либо в

ближайшее время нашу Солнечную Систему ожидает большой Ба-Бах, либо вина таки лежит на Славе Кузнецове, который снова запустил свои шаловливые ручки в установку и что-то на что-то там поменял или подкрутил. Я, конечно, больше склонялся ко второму варианту. Смущал лишь тот факт, что изменения проистекали плавно на протяжении последних трех дней. Что не слишком-то вязалось с гипотезой о диверсии со стороны нашего юного дарования. Обычно тот все ломал сразу и надолго.

Отложив на потом допрос с пристрастием своего сотрудника, я начал фантазировать по первому варианту. Исходя из того нелепого предположения, что полученные результаты имеют некое, пусть и отдаленное отношение к окружающей реальности. И с удивлением обнаружил, что Ба-Бах таки нам не грозит, а вот появление пространственно-временного прокола по типу кротовой норы вполне реально. Такое впечатление, что кто-то, ну очень издалека и очень серьезный, собрался к нам в гости.

Чайник закипел, заварку нашел, а сахара нет. Мне бы дождаться Лерочки, она обычно больше чем на сорок минут не опаздывает. Так нет же, поднял свою задницу и поплелся к соседям за сахаром.

Добрая треть сотрудников института числит себя гениями. Возможно человека два-три, ваш слуга в том числе, и могли претендовать на этот титул. Долой ложную скромность. Остальные же, в соответствии с положением о том, что от безумия до гениальности один шаг, так этот шаг и не сделали. Короче, в институте много сумасшедших работало. Но в основном люди безобидные. Кто теорией увлекался, таких меньшинство, кто диссер клепал, кто регулярно напивался дармовым спиртом и обещал всем доказать.

К сожалению, на соседей это правило не распространялось. Группа Жеки Серединцева несомненно относилась к числу буйных, что они неоднократно подтверждали своими экспериментами.

Состояла группа из трех химиков органиков, одного биохимика и самого Жеки, моего университетского однокашника — физика теоретика. Им бы в соответствии с профессиональной ориентацией чего-нибудь тихонько в ретортах кипятить, всего-то вреда, если какая хренотень рванет, или новый наркотик получится. Так нет же, увлеклись Женькиными безумными идеями о дискретности временного континуума, образование-то не позволяет осознать всю несуразность теории, а вот бюджет хоздоговорной тематики, которую эти бестолочи шутя задней левой ногой выполняют в свободное от работы время, как раз позволяет заниматься всякой фигней. Сложившаяся ситуация ни для кого не являлась тайной. Даже заказчик одно время было возмутился, начал наезжать на руководство института.

— Как это, мы деньги несусветные платим, а ваши сотрудники занимаются черт знает чем.

Так бы и прихлопнули эту научную синектуру, не мудрствуя лукаво, да в последний момент оказалось, что заказчику не шашечки на машине нужны, ему ехать надо. А приличные результаты ни у кого, кроме Женькиной группы, не получаются. Проверено на практике. Заказчик сгоряча часть работы передал другим исполнителям и получил полный пшик. Прибежал назад, подписал акт о полной и безоговорочной капитуляции в виде дополнительного премиального фонда и больше в творческий процесс не вмешивался. А оборзевшие победители с фанатизмом неопитов перешли от этапа установочных экспериментов к практической реализации теоретических изысков. Как-то заказали всяких железок общим весом тон в пять и стали монтировать некую сюрреалистическую

конструкцию.

Меня по-соседски, опять же как Женькиного однокашника и приятеля, регулярно приглашали для консультаций по узкоспециализированным вопросам, типа: как получить магнитное поле с заданными пространственными характеристиками, или что случится с институтской подстанцией, после того когда проектируемая конструкция выйдет на рабочий режим. Я всегда бескорыстно, но за определенное моральное вознаграждение, делился с ближними своим светом научной премудрости. Короче, обмотку генератора с заданными характеристиками посчитал, а касательно подстанции предложил не беспокоиться, ежели их конструкция выйдет на заданный режим, объяснял я Тамаре, Жекиному заму и главной неуспокоенной, в смысле неуспокоенной, так вот в этом случае не то что от подстанции, от половины нашего города мало что останется в неизменном состоянии. Да только волноваться незачем, поскольку работать эта штука ну никак не может.

Я как-то обратил внимание, что зажечь народ можно только великими идеями, облеченными в схему простой технической реализации. Как с коммунистами было. Хочешь светлое будущее, всего-то и надо забрать все у богатых и разделить среди бедных. Или другой пример. Был у меня хороший знакомый, который еще до переворота работал помощником у одного руководителя страны. Так вот, он по просьбе другого хорошего человека пытался объяснить шефу, что надо бы в соответствии с научным прогрессом создать институт лазерных технологий. А шеф, старый маразматик, просто понять не может, что за такие лазеры, мазеры и Ванденберги. Пока Вовка не выдержал и говорит: «Николай Петрович, а вы подумайте, если танки со всех сторон попрут, а мы их лазером как шандарахним и в драбадан». И что вы думаете, через месяц решение Сов. Мина о создании института.

Так вот, Жека в своем мифотворчестве ни на йоту не отклонился от оптимальной схемы. Великая идея в наличии, это мечта романтично настроенной интеллигенции, изрядно засоренная прагматично-меркантильными соображениями — возможность путешествовать во времени. Касательно технической реализации, чего уж проще, создать вращающееся магнитное поле нужной интенсивности, этакий силовой диск. Ну а дальше совсем просто, когда линейная скорость на ободу диска превысит скорость света, произойдет квантовый временной скачек. Заморочить головы физически необразованным химикам с помощью ритуальных формул и сияющих перспектив оказалось делом двух недель. С тех пор Жекина группа уже пол года ваяет магнит с нужными параметрами. Самое смешное в этой истории, что сам Жека твердо убежден в правоте своей теории. Ну да флаг им в руки, а мне бы сахарку немного.

С начала рабочего дня не прошло и получаса, и уважающие себя люди должны были только приступить к обсуждению текущих политических событий, в крайнем случае смаковать вчерашний боксерский поединок.

Несмотря на это у соседей во всю кипела работа. Впрочем, что с этого контингента взять. Сумасшедший ученый физик Жека Серединцев, с горящими глазами и лбом Роденовского мыслителя. Две молоденькие симпатичные выпускницы химфака, Лена и Оленька, вместе с их старшей товаркой Томой, тридцатилетней жгучей брюнеткой восточного типа, все скопом безнадежно влюбленные в Жеку. И наконец Юра Пичугин, худой, сутулый и совершенно не от мира сего. По этому признаку он и Жеке стопроцентную фору даст. У Юры вообще нет стопоров, а голова варит так, что даже я иногда завидую. Именно Юру я числю вторым институтским гением.

Я иногда задумываюсь, а что бы было, ежели Жеке пришла бы в голову мысль построить из подручных материалов не машину времени, а ядерный космический двигатель. Где бы Юра плутоний доставал? А ведь придумал бы что-нибудь.

У него был только один, но весьма существенный как для научного сотрудника, недостаток. Легко мог увлечься чем-то совсем сторонним, так что основная работа сразу становилась побоку. Я припоминаю, как меня соседи привлекли на общественных началах к операции по спасению рядового Пичугина. В тот раз Юра начитался Кастанеду и начал экспериментировать с веществами. Ну этот-то момент особого опасения не вызывал. Не в первый раз. А вот когда коллега начал на голубом глазу цитировать ахиною типа: *«Каждый идет своим путём. Но все дороги всё равно идут в никуда. Значит, весь смысл в самой дороге, как по ней идти...»*, или того хуже: *«...И всё это лишь для того, чтобы понять, что в мире нет ничего, что действительно имело бы значение»*, соседи забеспокоились. Поскольку заподозрили, что подобное чтиво может негативно отразиться на мозговой деятельности и приведет к поражению подкорки. И тем самым повлияет на сроки выполнения очередного этапа хоз. договорной работы. Настороженность вызвал тезис про то, что ничего не имеет значения. А это как раз прямой намек на желание забить болт на работу.

К счастью, приступ удалось купировать, переключив внимание пациента на подпольный общеинститутский конкурс по самогоноварению.

Меня же во всей этой истории больше всего заинтересовали невзрачные, но чрезвычайно странные грибочки фиолетового цвета, микроплантацию которых, буквально в квадратный метр, Юра успел организовать прямо у себя на лабораторном столе. Уж больно затейливые звуки они издавали. Заинтересовали тем, что несмотря на отчаянные и продолжительные усилия с моей стороны, мне так и не удалось обнаружить ничего подобного ни в одном из справочников по грибам, мхам, лишайникам, низшим растениям, флоре в целом и даже тем, в которых описывались отдельные, наиболее одиозные представители фауны.

Сам же Юра на этот счет молчал как партизан, временно перейдя по этому вопросу в категорию тех, кто обещал: «Ужо я вам всем покажу. Вы у меня еще попляшите». Наверное, за Кастанеду обиделся.

Так вот, у соседей работа кипела. Конструкция, расположенная в центре лаборатории приобретала законченные контуры. По внешнему виду это напоминало ритуальную пентаграмму. Сходство усиливалось тем, что пол был размечен мелом, где помимо общего контура были прорисованы векторы силовых линий и прописаны заданные интенсивности поля. В узлах пентаграммы уже установили соленоиды, в центре, на время отладки, поставили рабочее место, стол, кресло, компьютер. Остальное место занимала мешанина из проводов, датчиков, преобразователей.

— О, Андрей пришел, — обрадовался мне Женька. — Помоги эту шгуку переставить. Мой приятель, норовил сдвинуть здоровенный цилиндр, с тем, чтобы тот стал ровно в середину нарисованного на полу круга.

— У нас сахар кончился, — пожаловался я, упираясь плечом в массивную болванку.

— Каждому в жизни чего-то не хватает, — философски подтвердил Юра, ковыряясь массивной отверткой в щитке электропитания. — Одним павлинов-мавлинов, другим сладкой жизни, а вот нам не хватает фазовой синхронизации. Не знаешь где взять килограмма два?

— Тома, отсыпь благодетелю сахарку, — скомандовал Женька, удовлетворенно рассматривая плоды нашей совместной деятельности по перемещению грузов.

— Андрей, а ты пока посмотри на мониторе диаграмму напряженности поля. Будешь мне командовать, а я точной регулировкой подстрою.

Я сел в кресло и начал рассматривать картинку на мониторе. Красивый пятилепестковый цветок медленно вращался на экране, временами вспыхивая россыпью бенгальских огней в узлах интерференции. Судя по всему, от этого фейерверка и необходимо было избавиться.

— А вы что, уже мощность подали? — поинтересовался я.

— Да нет, что ты, это тестовый сигнал, — просветила меня Тамара, выходя из подсобки. — С силовой частью Юрке еще недели две возиться. У нас и защита еще не смонтирована.

Армагеддон начался с вполне нейтрального вопроса Тома.

— Юра, ты куда сахар положил?

Тот повернул голову на голос и заорал нецензурное слово бя, отлетая от силового щита, из которого во все стороны полетели искры и повалил дым.

— Кажется, я что-то ненужное перемкнул, — добавил он контуженным тоном, недоуменно разглядывая у себя в руках рукоятку отвертки с расплавленным металлическим огрызком на конце.

Картинка на экране монитора радикально изменилась. Пятилепестковый узор начал стремительно расщепляться на острые грани. Скорость вращения все время увеличивалась, и пропорционально скорости возрастала громкость и высота звука, который возник неведь откуда. Я поднял голову от экрана. Соленоиды укутали столбы синего прозрачного пламени. Каждый цилиндр был связан с соседними шнуром малиновой плазмы, по которому пробегали зеленые огненные сгустки. Их количество все время увеличивалось в соответствии с громкостью звука, который уже достиг болезненного порога. Свет внутри пентаграммы начал темнеть. Это казалось тем более странным, если учесть, что снаружи все оставалось ярко освещенным, а на зеленые огненные сгустки можно было смотреть, только прищурив веки.

Потом бабахнуло, и я навернулся об землю с двухметровой высоты, больно при этом ушибши копчик.

Глава третья. Мечты сбываются

Глава третья. Мечты сбываются.

В которой главный герой путается как в истории, так и в географии, вспоминает Зигмунда Фрэйда, задумывается о перспективах, и знакомится с местным аборигеном, который оказался вовсе не местным, а из Атлантиды, и в заключение узнает, что Луны больше нет

Окружающая действительность мало чем соответствовала шумному мегаполису, в старом центре которого располагался наш институт. Все здорово напоминало детскую загадку — лес, поляна, бугор, яма обрыв, взрыв — по итогам которой незадачливый напарник получал тычок в подбородок. Только здесь все началось взрывом, а в итоге я валяюсь на холме посреди поляны с трех сторон обрамленной лесом. Четвертая сторона круто обрывалась к широкой реке. В эмоциональном плане я испытывал чувство глубокого недовольства, сродни возмущению. Это чувство проистекало из факта полного несоответствия апофеоза происшедшего, как никак совершил скачок во времени, а в этом я ни на секунду не усомнился с того самого момента, как огляделся вокруг, и отсутствия у себя выраженной эмоциональной реакции. Нет чтобы затравленно оглядываться по сторонам, стенать и протягивать руки к небу. Все-таки эпохальное событие. Даже Жеке в морду дать не хотелось.

— Наверное, у меня эмоциональный шок, — успокоил себя любимого, сорвал травинку для пожевать и начал внимательно оглядываться вокруг. Лес густой, лиственный, обыкновенный, одна штука. Река широкая, очень широкая, тоже обыкновенная. Солнце желтое, облака белые, дышу воздухом без затруднений. Короче, если вдоль обрыва соорудить парашют, землю замостить булыжником и дожидаться, когда зайдет солнце, то это место совершенно соответствует тому, куда всякий романтично настроенный житель нашего города в возрасте до 18 лет хотя бы однажды приводил любимую девушку, дабы целоваться при луне, а ежели выгорит, то и заняться кое-чем посерьезнее.

Правда, привычному пейзажу, помимо парашюта, брусчатки и влюбленных парочек не доставало мужика с крестом. Да и окружающий меня непролазный лес вырубил, судя по историческим хроникам, предположительно тысячи две лет тому назад, заменив его парковой зоной. Это ежели за точку отсчета принять тот самый момент, когда мне сладенького захотелось. А вот если отталкиваться от текущего состояния, то этой чащобе еще жить и жить.

Удивительно, но несмотря на всю нелепость происходящего — какой к черту скачок во времени — я моментально смирился с мыслью о том, что на прошлую жизнь можно поставить большой жирный крест. Тот самый, которого так не доставало, для того чтобы локализовать свое местонахождение. Привязав его к Владимирской Горке.

А вот интересно, если предположить, что я совершил скачок во времени, то почему оказался именно здесь. По прикидкам институт должен был располагаться километрах в пяти южнее. В районе Лысой Горы. Решив, что эти мелочи запросто можно списать то ли на вращение Земли, то ли на деформацию тектонических плит, обе гипотезы были одинаково несостоятельными. Я бы даже уточнил — совершенно призвездными. Какая к черту деформация, ежели, судя по окружающей растительности, скачек не должен превышать сто тысяч лет. За это время особых сдвигов в земной коре не должно произойти. Разве что на

пару десятков метров. А уж вращение Земли тут точно ни причем. Не в ту сторону она, милая, крутится.

Напрасно я обо всех этих глупостях задумался. Наверное, все-таки психоэмоциональный шок сказывается. От падения задницей на землю с двухметровой высоты. Этак еще немного, и надумаю, что оказался в параллельной вселенной, в которой все то же самое, кроме месторасположения института. Хорошо бы еще тут Марго не существовало, или она бы переехала на ПМЖ в Китай. Правда, последний вариант я тут же с негодованием отмел, как непатриотичный. Дабы не усугублять сущности.

Судя по бреду, творящемуся у меня в мозгах после переноса в прошлое, складывается впечатление, что я не на задницу приземлился, а головой тюкнулся. Марго-то тут каким боком затесалась. Вот и не верь после этого в дедушку Зигмунда Фрейда.

Надо все же думать о главном и срочно возвращаться к нашим баранам, вернее к перспективам.

Грядущие перспективы представлялись достаточно туманными, хотя по здравому размышлению и не то чтобы очень радужными. На самом деле все сводилось к трем-четырем основным вариантам. Исходя из того, что с помощью подручных средств, а к таковым я мог уверенно причислить разве что стволы и ветки окружающей растительности да валуны, предположительно гранитные, так вот, из подручных средств мне вряд ли удастся построить квантовый генератор, дабы с триумфом вернуться в институт и все-таки набить Жеке морду.

Остается найти свою экологическую нишу в местном биоценозе. При условии, что меня занесло не очень далеко, вернее не очень давно, и человек уже произошел от обезьяны, можно попытаться внедриться в племя местных троглодитов. Если не съедят сразу, то используя статус аксакала — средняя продолжительность жизни у троглодитов, если мне не изменяет память лет тридцать — и сделать карьеру шамана. От должности вождя я тут же заочно отказался. Оно мне надо — бегать по лесу, размахивая дубиной. При реализации этого варианта можно было бы рассчитывать на два-три десятка лет относительно сытой жизни.

Но это при условии, что человек уже состоялся как вид, но не успел продвинуться на пути прогресса достаточно далеко.

Крайние варианты вызвали большие опасения. Ежели людей на Земле еще нет, то карьера отшельника представлялась в самых мрачных тонах. Мало того, что я человек достаточно коммуникабельный, так еще отсутствие специфических навыков может здорово осложнить жизнь. Как прикажете разводить костер, когда закончится газ в зажигалке, не говоря о том, что самой крупной дичью, которую мне удалось собственноручно добыть, была семисотграммовая щучка, выловленная навороченным спиннингом с палубы шестиметровой яхты. И как прикажете прокормиться без спиннинга, яхты и хотя бы заурядного супермаркета.

Вариант с продвинутой цивилизацией тоже представлялся сомнительным. Опасения вызвали остаточные сведения из учебника древнего мира, в соответствии с которыми продвинутые культуры, вплоть до наступления эпохи феодализма, использовали случайных прохожих в основном в качестве предмета кровавого жертвоприношения. А судя по отсутствию зданий и сооружений на месте, где предполагается быть столице с двухтысячелетней историей, эпоха феодализма еще не наступила.

Размышляя таким образом, я сформулировал основные задачи. В краткосрочном плане,

обеспечить минимальные жизненные потребности, как-то место проживания, огонь, хлеб насущный, господи, как жрать хочется, наверное нервное, а что дальше-то будет, и чаю с утра не попил. В долгосрочном плане определиться с эпохой и попытаться наладить контакт с человечеством, при наличии оного. В стратегическом плане все-таки набить Жеке морду.

Вдохновленный плодами собственного гениального умствования я решил перебраться на берег реки, руководствуясь соображением, что в ближайшее время в плане пожрать можно рассчитывать только на рыбу, да и то ежели повезет. А к пище надо держаться поближе. Переход на чисто вегетарианскую диету, как-то грибы, ягоды и шишки, я предпочел максимально отсрочить.

Вторым не менее важным резонансом послужила шальная надежда, что пещера, вернее даже пещерка размером семь на восемь и высотой три пятьдесят — чем не полногабаритная квартира? — в которую лазили все местные пацаны до тех пор, пока служители культа объявили ее то ли местом отдохновения святого Августина, то ли запасником для хранения мощей и реликвий, и на этом основании здорово расширили территорию монастыря. Так вот, эта пещера вполне возможно присутствует и в настоящем времени. Если река не изменила русло радикальным образом, то вон та небольшая скала в полутора километрах, выступающая из земляной кручи, и содержит искомое. Через три часа, проклиная неустроенность девственного леса, буреломы, заросли ежевики и крутые спуски, большую часть которых пришлось преодолевать на пятой точке, я стоял на берегу великой реки, рассматривая полуметровую дыру в скале метрах в десяти у себя над головой. Скала существенно отличалась от той, с которой я имел дело в детстве. Она представляла собой вертикальный гладкий гранитный монолит без трещин и выступов, сверху оканчивающийся полутораметровым козырьком. Не имея определенных альпинистских навыков, забраться наверх представлялось проблематичным. Как бывший альпинист, я понимал, что с навыками задача не представляла ни малейшего труда, при условии, что к альпинистским навыкам прилагаются скальные крючья, шлямбуры, молоток, пяток карабинов и метров двадцать веревки сороковки.

Пока я размышлял над возникшей проблемой, из дыры высунулась растрепанная башка, раза в полтора превосходящая по размеру стандартную человеческую, окинула меня мутным взглядом и задала резонный вопрос.

— Слышь, мужик, выпить есть? — Ошарашенный дилеммой, так все-таки — выпить или есть? — я молча хлопал глазами, пялясь на аборигена.

Дополнительным раздражающим фактором послужило то, что башка заговорила со мной на великом и могучем. Нет, я конечно патриот родной речи, но не до такой же степени, чтобы без внутреннего сопротивления принять этот факт лингвистической нелепицы. Все-таки настроил себя при контакте с аборигенами на более простые словесные конструкции. Типа: «Ы-Ы-Ы! А-А-А! Ух! Ба-Бах!»

— Ладно, заходи, — кивнула башка, так и не дождавшись от меня адекватной реакции, и к моим ногам упал конец толстого каната, на котором через каждые полметра были завязаны узлы. Нифига себе, сказал я себе, прикинув какое здоровье надо иметь, чтобы завязать узелки на такой веревочке. Задача для терминатора. Да и весит такое устройство поди килограммов двести, не меньше. А если бы на ногу упало...

— Зато подниматься удобно, — утешил я себя, — как по лестнице, — бодро перебирая руками и ногами. Добрался до дыры и заглянул вовнутрь. В глубине пещеры потрескивал небольшой костер, на котором жарилось мясо. Запах доносился умопомрачительный. Вокруг

костра суетились двое, лохматый абориген такого размера, что на фоне исполинского роста и метрового разворота плеч голова шестидесятого размера производила вполне уместное впечатление. Вторая фигура, несмотря на вполне стандартные габариты, произвела на меня значительно большее впечатление. Что значит правильно сформулированные задачи. Всего за считанные часы решил бытовые проблемы, судя по всему, пища и кров мне обеспечены. Нашел представителей предположительно человеческой расы, а теперь можно приступить к реализации стратегического замысла, набить кое-кому морду.

Прежде, чем я успел перейти от мысли к делу, мой бывший однокашник ловким движением выхватил из огня кость с изрядным кусками нежного, сочного, жареного мяса и протянул мне со словами: «Держи, изголодался небось. Мы с Юркой первые четыре дня вообще на сухом пайке провели, пока капканы не научились ставить и местную рыбу ловить. Можешь представить, она сволочь на нашу блесну не клюет».

— А ты здесь давно уже ошиваешься?

— С утра, — невнятно пробурчал я, пытаюсь прожевать особо крупный кусок, решив отложить расправу до окончания трапезы.

— Ну Ахмед, ну ты и голова, — восторженно взвыл Женька, протягивая лохматому другую кость с мясом. — Он, Андрюха, третьего дня как грибов поганок нажрался, так все время вокруг костра и пропрыгал. Считай, двое суток без остановки и отвлечения на гигиенические процедуры. А сегодня ночью разбудил меня и говорит: «Пошли вашего друга встречать. Пора уже». Представляешь, а ты в это время в постельке еще дрых.

— Мужик, — включился в разговор Ахмед, осматривая меня пристальным взглядом старухи процентщицы, видно до сих пор от грибочков не отошел. — А у тебя совсем выпить нечего?

Осознав, что скудная одежда вряд ли могла скрыть что-либо крупнее пачки сигарет и зажигалки, раздраженно махнул рукой и, не дождавшись ответа, занялся мясом, судя по треску, пережевывая его вместе с костью.

— Ты на Ахмеда не обращай внимания, это у него отходняк после грибов. Скоро пройдет. А я здесь уже двадцать три года, — внезапно совершенно тоскливым голосом закончил Жека. От неожиданности я поперхнулся, а когда откашлялся, желание бить Женьку совершенно прошло.

Оказалось, что за те неполные шесть часов, которые по моим ощущения прошли с момента злосчастного эксперимента, на Земле многое изменилось. Рассказ Женьки занял почти всю ночь. Мы удобно развалились на шкурах, которые Ахмед толстым слоем разбросал по полу пещеры, предварительно извлеки два огромных тюка откуда-то из темного закутка.

— Это наш запасной командный пункт, — объяснил Женька, заметив мое удивление. — Раза два-три в год, когда все надоедает до чертиков, объявляем соплеменникам, что идем совещаться с богами, а сами сюда. Я там за вождя, а Ахмед шаманит потихоньку. Раньше Юрка третьим был, а последнее время вдвоем. Так, про жизнь поговорить, наметить перспективы.

— Вино, девочки и преферанс? — уточнил я.

— Чур меня, — поперхнулся Женька, а Ахмед радостно заржал. — Какие девочки, сам позже все поймешь. Насчет самогона не без этого. Ты же знаешь, Юрка — химик золотые руки. У нас ограничение по весу для скачка в прошлое всего-то двести кг оказалось. А больше генератор по энергетике не тянет. Моих восемьдесят живого веса, Юркиных

семьдесят и для припасов на все про все полтинник остался. Мы, когда список самого необходимого составляли, так он перегонную установку поставил на второе место, сразу после трех килограммов презервативов.

С презервативами мне как раз все было ясно. Вряд ли можно придумать другой такой универсальный предмет, пригодный для использования в самых различных бытовых приложениях, начиная от упаковки, перевязочного материала, и заканчивая изготовлением простейшего оружия.

— Только весь самогон выжрали на прошлой неделе, а новая бражка еще не вызрела, — продолжал мой однокашник. — Отмечали праздник весеннего равноденствия.

— Это в середине-то лета? — удивился я.

— А не один хрен, — резонно возразил Жека. — Тоскливо стало, мы посоветовались с богами, Ахмед и объявил массовые гулянья. Кто же знал, что ты в это время подвалишь.

— Ну, предположим, с самогонкой все ясно, — в отличие от моих собеседников, меня эта тема мало интересовала, и я решил перевести разговор в конструктивное русло. — А вот что за пургу ты гонишь насчет двадцати трех лет? Пятьдесят тебе ну никак не дашь. И кто вам запретил наладить постоянные поставки вино-водочной продукции сюда прямо из будущего? Девчонки наверняка с установкой сами справятся. А Томке надо только правильно сформулировать задачу. Ахмеда вы же сюда как-то доставили. Не будешь же ты меня убеждать, что он местный.

— Не-е, Ахмед не местный, — признал мою правоту Жека. — Он из Атлантиды. А Томки больше нету.

— Что, уволилась? — поразился я. Зная врожденный научный патриотизм, сродни идиотизму этой незаурядной натуры, я был неприятно удивлен. На этом фоне информация о контакте с легендарными жителями Атлантиды явно меркла. — Это что же такое должно было случиться, чтобы такой кадр отказался от проникновения в тайны бытия, неужели замуж выскочила?

— Не увольнялась, просто нету. И Оленьки с Леночкой нету. И Земли, наверное, тоже больше нету. Во всяком случае, Луны нету точно, это мы с Юркой еще застали.

Ну а дальше последовал обстоятельный монолог Женьки с повторами и уточнениями, который занял почти всю ночь.

Дорогие друзья. Обращаюсь к тем из вас, которым удалось прогрызть себе путь сквозь словесные конструкции и дочитать до конца третью главу. Не могли бы вы поставить лайки и накрапать комменты? Вам-то пофиг, а автору приятно. Очень мотивирует.

Глава четвертая. Цыганские истории

Глава четвертая. Цыганские истории.

В которой главный герой знакомится с триадой из арсенала цыганских гадалок, узнает не слишком приятные новости касательно судьбы человечества, осознает, что слова: «все вокруг сумасшедшие» — это не обязательно образное выражение и пытается вырастить в своей душе росток патриотизма, но подозревает, что полученный результат больше напоминает идиотизм

В течение первых двух часов я демонстративно хмыкал, подчеркивая свое полное неприятие очевидного бреда сивой кобылы в эмоциональном изложении моего однокашника. Потом проникся и замолчал. Уж больно внутренне непротиворечивая история у него получилась! Несмотря на полную нелепицу, мне так и не удалось обнаружить логических нестыковок в его рассказе.

Само повествование успешно укладывается в схему, украденную у цыганских гадалок. И состоит из трех логических блоков. Условно делящихся на следующие части: что было, что будет, на чем сердце успокоится.

По первому блоку, если вкратце, все сводилось к следующим перипетиям.

Не успел толком разгореться скандал, связанный с моим мистическим исчезновением, а так же фактом нарушения энергоснабжения в половине города, и следователь районной прокуратуры только-только приступил к изучению обстоятельств уголовного дела, открытого по факту гибели на рабочем месте в связи со злостным нарушением правил техники безопасности.

— Представляешь, Андрюха, — возмущался Жека, — этот козел обещал девчонкам срок скосить, если они признаются, куда я спрятал твое тело.

— Так вот, — продолжал Жека, — я едва успел расписаться в получении подписки о невыезде, как по телевизору сообщили, что НАСА обнаружило НЛО в районе орбиты Юпитера. Без обид, но тут всем резко стало не до тебя. Естественно, кроме самого следователя, который увидел в твоём исчезновении возможность сделать блестящий карьерный рывок. И в этой ситуации ему на всяких зеленых человечков было глубоко начхать. Все-таки истинные карьеристы — это отдельная ветвь Homo sapiens.

— Сначала все решили, что летающие тарелки — это очередная хохма, фейк социальных сетей, полностью вышедших из под контроля людей и живущих собственной интересной жизнью. Потом стали фотографии поступать, на которых Юпитер сначала плющит, а затем он на две части делится. Знаешь, как в фильме про размножение амёб. Одна половинка стала синей, а вторая зеленой. И обе летят в сторону Солнца. Вот тут-то всем резко стало не до шуток. Специалисты заявили, что когда эти половинки в Солнце врежутся, то от Земли одни головешки останутся. А судя по скорости, случится это прискорбное событие недели через две. Ну, народ на улицы и вышел. В мусульманских странах сплошные государственные перевороты. В христианских — никто работать не хочет. Сплошной разгул мародерства и религиозного фанатизма. Штаты объявили военное положение и пульнули ракетами с ядерными боеголовками в сторону пришельцев. ООН то к человечеству обращается, то с инопланетянами в контакт вступить пытается. А тем хоть бы хны. Каждый захудалый прорицатель норовит эрудицией блеснуть. Версий происходящего тьма. В необразованных массах доминирует мнение о Каре Господней. В околонучном мире две

основных гипотезы: первая, про зеленых человечков, которые остро нуждаются в жизненном пространстве, вторая, про особые физические законы, присущие Параллельной Вселенной. Там еще много всякого накручено, но все, в конечном итоге, сводится к тому, что произошло взаимное проникновение различных по своей природе континуумов, в силу чего Солнечная Система полностью лишилась перспектив к дальнейшему существованию. Короче полный бред, — раздраженно махнул Жека рукой и снова вернулся к фактологическому изложению событий.

— Не успели половинки Юпитера и четверти пути до Солнца пройти, как корабли пришельцев уже на орбите Земли. Знаешь, здоровенные такие, на морских ежах похожи. С Земли кажутся размером в апельсин. И много их, все разного цвета, так перед глазами и мельтешат.

— На этот раз зеленые человечки взялись за Луну. Изготовили из нее офигенную полосу, опять же, раскрасили поперек в разные цвета и начали размахивать в небе, типа танца с лентами в художественной гимнастике. Если абстрагироваться от потенциальной опасности, исходящей от этих самых ежиков, и приглушить панический страх, то надо признаться, что очень красиво все это на фоне ночного звездного неба смотрится. Естественно, на нашем шарике сплошные природные катаклизмы, вулканы взрываются один за другим, приливные волны метров сорок высотой, в небе одна сплошная озоновая дыра. С минуты на минуту ожидается, что магнитные полюса поменяются местами, а Земля сойдет со своей орбиты.

К этому времени у нас с Юркой уже все собрано было. Я еще когда материалы для беседы со следователем готовил, записи твоего скачка во времени пересчитал и ахнул. Ты, при той энергии потока, которую могла обеспечить городская подстанция, провалиться в прошлое должен был бы секунд на пять. А потом через две минуты вернуться назад. А по кривулям выходило, что ты ухнул на десять-двенадцать тысяч лет. И без внешнего воздействия равновесие восстановится не раньше, чем наше Солнышко погаснет по естественным причинам. То есть лет этак миллиардов через пять. Короче, я сразу заподозрил, что пространственно-временной континуум изменился. И заметь, сделал правильные выводы при минимуме информации. До того, как про инопланетян стало известно. А когда про пришельцев сообщили, так сразу все и прояснилось. Их это вражки происки.

— Сначала мы просто тебя вытащить хотели, наладить постоянный туннель, перебросить сюда оборудование. А когда вся эта катавасия с пришельцами заварилась, и стало понятно, что человечеству со дня на день гаплык придет, решили массово эмигрировать в прошлое. Прикинули, где тебя искать. Получилось плюс минус пятьдесят лет. Мы с Юркой первыми улетели, маяк установили и туннель для девчонок сформировали. Да только они так и не появились. А потом туннель сам по себе схлопнулся и, похоже, больше в будущем никого и ничего нету.

На этой печальной ноте закончилась трагическая часть повествования. Из раздела «что было».

Второй блок я условно окрестил бредово — сюрреалистическим. В основе лежала посылка о том, что своим вмешательством в окружающую действительность пришельцы чего-то напортачили с основными законами бытия. Вследствие этого в прошлом, в котором мы сейчас находимся, особых изменений не произошло, так, только некоторые несуразицы с точки зрения теории вероятности.

— Время от времени чудеса происходят, — пояснил Жека. — То рыба с неба падает, то вот Ахмед прорицает.

— Ну конечно, чуть что, вали все на Ахмеда, — возмутился житель Атлантиды, который, оказывается, прислушивался к нашему разговору, занимаясь при этом высокоинтеллектуальной деятельностью, как то художественным промыслом: с помощью огромного тесака — наверняка Юрка с собой из будущего прихватил, он такие штучки любит — пытался из деревяшки вырезать что-то, напоминающее ложку. Получалось, откровенно говоря, коряво.

— Я, между прочим, у себя на родине числился прорицателем четвертого посвящения. А это о-го-го.

— Так вашим же, прорицателям, пить запрещали, — удивился Женька, — ты же сам говорил. А у тебя не очень-то получается без спиртного.

— Поэтому и четвертого, — неохотно согласился Ахмед.

На этом тема с местными несуразностями и чудесами себя исчерпала, и выяснилось, что в будущем, к которому я с Юрой и Женькой имели непосредственное отношение, все обстояло значительно запуганнее. Получалось, что мы вроде бы здесь находимся в некой защитной капсуле. И вообще, мы находимся не совсем здесь. И радикальные изменения с нами, как то старение и смерть, могут проистекать только по месту основной прописки во времени. Здесь тоже на неприятности нарваться можно, фингал например получить или руку сломать. Но чем радикальнее возможное воздействие, тем больше вероятность того, что этому воздействию что-то помешает.

— Мы когда с Ахмедом впервые познакомились, — объяснял мне Женька на живом примере ситуацию с вероятностями, — так очень не понравились друг другу. Я грешным делом подумал, что на петикантропа напоролся. Ну Ахмед меня и решил по головке своей глубиной приголубить. А дубина у него была будь здоров.

— Из ствола дерева Кофир, — гордо подтвердил Ахмед. — Тяжелее камня и тверже железа.

— На лицо потенциально радикальное воздействие на голову, — согласился Женька. — И что ты думаешь отчебучила теория вероятности? Нет, чтобы какой корешок под ногу подсунуть, дабы клиент споткнулся, на худой конец женский образ явить посимпатичнее, в племени пару таких красавец есть, что одним взглядом парализовать могут, а Ахмед у нас натура увлекающаяся, вдруг драться бы и передумал.

— Кто бы говорил, — пробурчал Атлант.

— Так нет же. Ничего умнее, чем ниспослать с неба метеорит, да так точно, чтобы срезать большую часть дубины, окружающая действительность не придумала. Я когда услышал, как Ахмед матерится, хоть и на незнакомом языке, сразу понял — это не петикантроп. Так и живу здесь последние двадцать три года, продолжил Жека, не старею, не нервничаю, даже растолстеть не удастся, а если какая крупная неприятность возникает, так все само по себе и рассасывается. Лафа, только вот волком выть хочется. И заметь, в таком режиме предстоит перекантоваться сто двадцать столетий. Это тебе не какой-то убогий Вечный Жид, с его несчастными двумя тысячами лет. А ведь у старика, говорят, крыша поехала на пятой сотне. Мы когда с Юркой сообразили, в какую халепу влипли, так что только не делали. И ядами себя травили и голодом морили, и даже харакири пытались совершить. Ничего не берет.

— Это что же, — уточнил я, можно совсем ничего ни есть, ни пить, и жив останешься?

— Еще как останешься, — подтвердил Жека. — Даже не похудеешь. Но учти, жрать будет хотеться жутко.

— Ну, все не так и плохо, предположил я. Это же практическое бессмертие, мечта всего прогрессивного человечества. Все-таки я не понял, в чем подлянка. С женщинами что ли проблемы?

— Вот тут никаких проблем, — мгновенно отреагировал Жека. Даже дети регулярно рождаются. Видно, секс не попадает в категорию радикальных воздействий.

— Я когда в племя попал, — наябедничал Ахмед, — смотрю половина детей курчавые, как Женя, а вторая половина зеленоглазые, как Юрка.

— Зато сейчас дети меньше шести килограммов весом от рождения, практически не появляются, — парировал мой однокашник. — А проблема, Андрюха, в том, что если тело и готово продержаться двенадцать тысяч лет, то мозги на этот период совершенно не рассчитаны. И дело не в органических повреждениях, тут опасаться нечего. Дело в банальной психике. Ну не выдерживает она больше двухсот-трехсот лет. А что может быть ужасней, чем бессмертный слюнявый идиот. Тебе Ахмед расскажет. Они у себя в Атлантиде давно бессмертие придумали. Провели тотальную вакцинацию вирусом физического бессмертия. Судя по всему, что-то радикально перестраивающее способность к регенерации и блокирующее старение. Думаю, Ахмед под настроение тебе покажет. Ему если палец отрезать, то через три дня новый вырастет. А где-то через триста лет, крыша у всех Атлантов и поехала. Сначала атрофировалась детородная функция, и не то чтобы способности исчезли — интерес пропал. А потом повально все начали с ума сходить. Представляешь, целая нация сумасшедших. Пока друг дружку не извели, такого накуролесили. Но им проще было, если голову отбить, новая вырасти не успевает, да и без пищи они обходиться не умели. Все-таки против закона сохранения энергии не попрешь.

— Ты бровь удивленно не загибай, — отвлекся от основной темы Жека.

— Мы, конечно, без пищи можем обходиться, только знаешь, сколько в нас энергии при переходе закачалось. Пол города без света — это так, ерунда. Установка энергию прямо из континуума тянула.

— Короче, все вымерли, один Ахмед остался, — вернулся однокашник к теме безумных Атлантов. — Он у них с одной стороны поздний ребенок, ему и двухсот еще нет. Но дело, думаю, в другом. Скажу по секрету, Ахмед у нас припадочный.

— Сам ты припадочный и придурок, — возразил Ахмед.

Игнорируя гнусные инсинуации, Женька продолжил.

— Сравнительно регулярно, с интервалом лет в пятьдесят, Ахмед впадает недели на две в кому. А когда приходит в себя, почти ничего из прежней жизни не помнит. Он последний раз этот фокус исполнял уже в нашем с Юркой присутствии. Родной язык почти не помнит, так, отдельные слова, в основном матерные, зато по нашему видишь как шпарит. Этакая радикальная психическая клизма. Мы вот думаем, как себе нечто подобное устроить. Конечно информация теряется, считай, процентов на девяносто пять. Но только если основные события записывать, то жить можно.

— При условии, что кто-нибудь после процедуры тебя научит пить, курить и разговаривать, возразил я.

— Да, есть определенные сомнения организационного плана, — согласился Женька. — Но учти, у нас в запасе еще лет сто пятьдесят. Вполне можно выстроить работающую систему. Главное — разработать методику промывания мозгов.

Третий блок беседы, опять же в соответствии со стандартами классического гадания на картах, что было, что будет, на чем душа успокоится, был посвящен стратегическим перспективам. Оказывается, мои институтские коллеги не просто так слиняли в прошлое, спасаясь от пришельцев-агрессоров. Здесь они решили сформировать форпост будущего движения сопротивления, с тем, чтобы через двенадцать тысяч лет встретить врага всеми орудиями главного калибра. В качестве рабочей гипотезы было принято предположение, что ежели бы вторжение случилось на тысячу лет позже, то человечество к тому времени уже обладало бы знаниями и возможностями, способными обуздать агрессора. Цифра в тысячу лет, если я правильно понял, была выбрана совершенно условно, как среднепотолочная аппроксимация частоты научных открытий и магия цифры с тремя нулями. А фишка заключалась в том, чтобы силами трех научных сотрудников — меня заочно включили в команду — и одного Ахмеда, который в силу врожденного пофигизма не очень-то и возражал, форсировать развитие человеческой цивилизации и пройти путь в тринадцать тысяч лет, долой суеверия, за двенадцать тысячелетий. Уж, во всяком случае, арифметически легче, чем пятилетку в три года. Далее перешли к практической реализации. Как в соответствующем анекдоте. Сначала пустим вперед десять миллионов человек, а потом танки, танки, танки. Осталось решить проблему, пускать оба танка вместе или по одному. Коллективный разум склонился к решению — по одному. Исходя из этого решения, Юра, как наиболее продвинутый в области мистической культуры — в ранней юности увлекался йогой — отбыл пять лет тому назад на разведку в район Индостана, с задачей повсеместно развивать философию и внедрять в общественное сознание элементы индуизма, буддизма и конфуцианства. Жека с Ахмедом ожидали меня, с тем, чтобы передать местные наработки, а потом отправиться в район Средней Азии — условная территория арабского халифата. Задача — развитие астрономии, математики и научной методологии. На меня возлагался контроль за европейской ойкуменой и развитием производительных сил, в первую очередь добычей полезных ископаемых: уголь, железо, по возможности нефть. Опять же, развитие архитектуры и военного дела. Встреча через тридцать лет. В июне, в Крыму, в районе Балаклавы, это чтобы не заблудиться.

Глава пятая. Пойти туда, куда подальше

Глава пятая. Пойти туда, куда подальше

В которой главный герой сначала возмущается безалаберностью своих друзей, потом соглашается, что деваться некуда и в конце-концов пытается понять, а куда, собственно говоря его занесло. Но в заключении утешается шашлыками из осетрины.

Из всего бреда, произнесенного моим другом до настоящего момента, меня больше всего возмутило предложение заняться нефтедобычей на территории Европы. Хотел бы я понять, где я в Европе нефть найду? Нет, я конечно слышал, что Гитлер начал Вторую мировую ради того, чтобы захватить Румынские нефтяные скважины. А в Ивано-Франковске, в начале прошлого века, эту самую нефть ведрами из колодцев черпали. Только спрашивается, а почему сразу не начать осваивать запасы Персидского Залива. Ах да, забыл. Мы еще нефтеналивные танкеры построить не удосужились. Проектеры чертовы.

— К этому времени надо решить проблему, как прочищать собственные мозги, дабы не впасть в маразм и, конечно, повсеместно способствовать генетическому обновлению человечества, — продолжил вдохновенно излагать радужные перспективы мой однокашник.

Тут я совсем не въехал.

— Это как. А чем тебе, собственно говоря, нынешний человеческий генофонд не устраивает. По моим понятиям он еще не проявил в полной мере свой нереализованный потенциал, — возмутился я. — Хочу обратить твое внимание, что и Леонардо да Винчи и Галилей и Ньютон, не говоря уж о Мерлин Монро появились безо всякого вмешательства в эту интимную сферу. Евгеника, конечно, штука перспективная, с одной стороны, а с другой весьма стремная. От нее всего-то один шаг к национальной исключительности. Хотя при нынешнем отсутствии наций как таковых, эту угрозу на ближайшую тысячу лет можно игнорировать.

— Вот только не надо путать мягкое с кислым, — тут же отреагировал мой друг.

— Понимаешь, — пояснил Жека, — Юрка предположил, что за двенадцать тысяч лет, отделяющие наше время от нынешнего, наше в смысле то, в котором мы родились, произошли кое-какие полезные мутации. Поэтому головы у нас работают лучше, чем у троглодитов. И если мы передадим свои гены большому числу потомков, то, возможно, это стимулирует прогресс.

— Как же, — фыркнул из угла Ахмед. — Банальная попытка заменить работу головой на работу другим местом. Которое ниже пояса.

— Кстати, — демонстративно проигнорировал реплику Атланта Женя, — это еще один резон, для того, чтобы нам с Ахмедом поменять место дислокации. Здесь куда не плюнь, наши потомки. Так и на инбридинг нарваться можно.

— Все понял, планов громадье. Вы мужики. Уважаю. Поддерживаю, Постараюсь оправдать, — торжественно провозгласил я. — Можете на меня рассчитывать. Только кто вас, имбецилов и дегенератов, надоумил развивать научную методологию, производственные силы и философские концепции за семь тысяч лет до создания письменности. Про Атлантиду не знаю, вопросом не владею. А вы в курсе, что человечество еще не расселилось по территории Земного шара и в районе арабского халифата самые умные обитатели это дикие верблюды, а на территории Индостана бенгальские тигры?

— А почему не верблюды? — поинтересовался Ахмед.

— Потому что тигры верблюдов жрут, а не наоборот, — отрезал я.

— Я, конечно, местную специфику еще не освоил. Но есть у меня серьезное подозрение, что племя первобытных людей, которое вы тут встретили, единственное племя на территории всей Европы. И встретили вы его только потому, что ваша дефективная теория вероятности решила вам в очередной раз подыграть. Типа как в дурака на раздевание с симпатичной девушкой низкой социальной ответственности. Но и теорию вероятностей нельзя нагружать до бесконечности. Иначе она такого отчебучить может, что мало не покажется.

— Ахмед, вот ты когда сюда добирался, многих по дороге встречал?

— По правде говоря, — почесал в затылке Атлант, — я не очень хорошо помню. Так отрывочные картинки. Мне верховный жрец сказал — у него просветление случилось — садиться в лодку и плыви туда, где солнце восходит. Сказал, что скоро вся Атлантида уйдет на дно океана. Сказал, что я один выживу. Сначала я долго плыл на лодке. Уже далеко отплыл, когда страшный взрыв услышал. Волна громадная, метров сто высотой — только полагая очень — лодку подняла и потащила вперед. Быстро-быстро. Потом волна спала, а я дальше поплыл. Плыл все время на восход солнца. Лодка большая с парусом. Плыл очень долго. Ел одну рыбу и пил вино. Вина было кувшинов двадцать, каждый литров по пятьдесят. Выпил все. Потом долго мучила жажда, даже соленую воду пробовал пить. Потом выбросило на берег. Шел на восход солнца. Год шел, два шел, зима, лето, зима, лето. Из людей никого не встречал. Потом встретил Женьку. Хотел по голове ему настучать и остался без дубины. Из самой Атлантиды дубину тащил, жалко, — жалостливым тоном заныл Ахмед.

— Ну хотя бы стало понятно, что алкоголизм, которым страдает великан, не врожденный, а благоприобретенный. Это же надо, тонну вина вылакать за один заход. Практически не закусывая, — отметил я для себя.

Женьку же заинтересовал другой вопрос.

— Хорош из себя убогого корчить, — возмутился мой однокашник. — Как же, мы люди не местные, дяденька дай копейку. А что за шалман ты с собой в племя притащил? Человек в двадцать. Да ушлые все такие. Не успели обжиться, сразу же решили свои порядки навести. Пищу им на отдельном костре готовить. Из женщин подавай исключительно девственниц. Местным богам не поклоняйся. Юрка говорил, что пока первую пятерку на окружающих деревьях не перевешал, они все племя перебаламутили. Правда потом притихли. Мы их в качестве ударной силы во всех стремных ситуациях еще лет десять потом использовали. Пещерного медведя завалить, или грибочков незнакомых попробовать. Пока все почти и не вымерли. Один Абдула остался.

— Если ты про этих рыжебородых карликов рассказываешь, — уточнил Ахмед, — так они не со мной. Они за мной. Последние две недели след в след тащились и все норовили меня съесть. Я сразу понял, как только их в первый раз увидел, что они каннибалы. Я уже и ловушки ставил и засады организовывал, половину перебил, а остальные чуть было меня не завалили. Если бы Жеку не встретил, точно меня бы сожрали.

— Вот ведь когда правда открывается, — задумчиво протянул Ахмед, осознав, что на протяжении почитай двадцати лет пребывал в заблуждении. — Я-то думал, они ваши, местные. Помнишь, мы с тобой после знакомства в племя вернулись, через четыре дня. Я как увидел, что эти самые карлики на сучьях болтаются, еще подумал, хоть вы и каннибалы, но дисциплина у вас, почти как в Атлантиде. Решил долго не задерживаться, и при первой возможности сделать ноги. А потом пообвык немного. С особым экстремизмом больше не

сталкивался. Да и ты с Юркой, люди вроде интеллигентные. А потом, меня скрутило.

— Здравствуй, я ваша тетя, приехала из Ленинграда, — резюмировал я. — Как сгонять в Индостан за десять тысяч километров, посмотреть чего где плохо лежит, так это запросто. А выяснить, что под носом творится, что за подозрительные личности по окрестностям шляются, так не царское это дело.

— Не-е, Андрей, ты не моя тетя. У нас в Атлантиде тетя вообще не было.

— Вот и думай, — отметил я, — то ли великан напрочь лишен чувства юмора, то ли наоборот. Он так меня троллит.

— А с карликами действительно незадача вышла, — согласился Ахмед.

— Спишем все на неувязки организационного периода, — закрыл тему Женька. — Будем надеяться, что с Абдуллой в ближайшее время ничего не случится, вот мы его и порасспрашиваем.

— Итак, подведем итоги, — решил я высказать свою точку зрения касательно услышанного. По правде говоря, мне эти романтично-идиотические прожекты за два часа практически непрерывного монолога моего однокашника, успели изрядно надоесть. К своему стыду, сам я по жизни отличаюсь изрядным прагматизмом и не слишком уютно себя чувствую в обществе энтузиастов. Хотя определенное рациональное зерно я все же уловил в Женькиных рассуждениях.

— В целом, Жека, если закрыть глаза на то, что все сказанное тобой полный бред, я готов присоединиться к этому вашему проекту на добровольных началах. Тем более, что с учетом знаний, накопленных последующей человеческой цивилизацией, можно в десятки-сотни раз сократить время, необходимое для освоения тех же технологий. Вместо того, чтобы проходить тысячелетиями всю цепочку: медь — бронза — железо — сталь, можно за пару столетий попытаться соорудить доменную печь. И так практически по всем позициям. О той же химии вообще молчу. А сельское хозяйство, а та же легкая промышленность.

Внезапно, неожиданно для самого себя, я преисполнился энтузиазмом, осознав все перспективы, открывающиеся перед нами.

— Да с помощью обыкновенных справочников мы сможем не то что за десять тысяч лет, за пять, а то и быстрее достигнуть стадии первых полетов в космос. Ахмед, Гагариным будешь?

Судя по недоуменной физиономии Атланта, мои друзья так и не удосужились просветить Ахмеда, касательно истории покорения космоса и достижений землян в этом направлении. — Надо будет заняться просветительской деятельностью, — отметил я для себя. — Но это попозже.

— Позволь только прояснить один момент, — продолжил я допытываться у Жеки. — Каким образом вам удалось перебросит сюда всю необходимую литературу. Бумажные справочники они-то тяжелые. Ты же что-то говорил про ограничение по весу. Или вы ноуты с собой прихватили. Компьютеры это, конечно, лучше, чем макулатура, только как с питанием проблему решили? Неужели солнечные батареи четверть века подряд работают?

Признаться, гробовая тишина, послужившая мне ответом на мое естественное любопытство, мне здорово не понравилась. А когда Жека тяжело, очень тяжело вздохнул, я, на всякий случай, решил, что мне это показалось. Сугубо для того, чтобы проигнорировать мысль, возникшую у меня в голове. Проигнорировать не удалось.

— Вы что, идиоты, ни одного справочника с собой не взяли? Не может этого быть. Не верю!!!

— Очередной тяжелый вздох подтвердил мои самые ужасные предположения.

— Ну конечно, — внезапно успокоился я. — О каких справочниках может идти речь, если весь лимит веса был потрачен на предметы первой необходимости. В том числе на три килограмма резиботехнических средств контрацепции.

— Да ладно тебе, Андрей, будто мы сами ничего не понимаем. Просто собирались все самое нужное переправить вторым заходом. А сначала просто так. Разведка. Ну и не получилось.

Перипетии прошедших суток таки дали себя знать. С чувством выполненного долга мы с Женькой завалились спать, а Ахмед, сообщил, что он ни в одном глазу, поэтому по шастает по ближайшим окрестностям.

Утром меня разбудило Жекино мурлыканье: «Нас утро встречает прохладой, Нас ветром встречает река. Кудрявая, что ж ты не рада Веселому пенью гудка?». При этом однокашник безбожно фальшивил, проявляя незаурядный талант. Ему удавалось не попасть ни в одну ноту.

В этой песне неправильно было все. Рассчитывать на прохладу, глядя на раскаленный огненный шар подымающийся над горизонтом и прекрасно различимый сквозь дыру, служащую входом в пещеру, точно не приходилось. Река замерла полированным зеркалом, наглядно демонстрируя своим поведением полную неподвижность атмосферных масс. Осталось определиться с вопросом, а кто тут из присутствующих мужиков кудрявая, а самое главное, можно ли числить трубный рев, раздавшийся, как хотелось бы надеяться издали, и от которого затряслись стены пещеры, вырубленные в монолитном граните, за гудок. Судя по контексту — заводской.

— Это что? — вздрогнув от неожиданности поинтересовался я.

— А черт его знает, — отозвался приятель, продолжая невозмутимо разделявать огромную рыбину, судя по всему добытую с утра Ахмедом. Тут знаешь какие монстры бродят. Метров под десять высотой и с длинными шеями.

— Динозавры, что ли, — пошутил я. — Так они давно вымерли. Приблизительно сто миллионов лет назад.

— Может где и вымерли, а тут точно шляются. Причем живее всех живых, — не отвлекаясь от процесса нанизывания кусков жирной осетрины на деревянные спицы, выполняющие роль шампуров, — возразил Жека.

При виде сочного белого рыбьего мяса я буквально слюной захлебнулся. Как будто бы вчера не набил брюхо под завязку олениной — гриль. А ведь я раньше не верил, что в Днепре когда-то осетры водились. Причем в количестве достаточном для промышленного вылова. Гастрономические ощущение на время отвлекли меня от осознания того, что сказал только что мой однокашник. Правда через несколько секунд я спохватился.

— Надеюсь, ты так шутишь по поводу динозавров. Слышал, что в Африке, в наше время, существовала лягушка, которая орала так громко, что львы хвосты поджимали.

— Вроде как не в Африке, а в Австралии, — поправил меня Жека. — И знаешь, прекращай использовать это выражение: «Наше время» Нет никакого нашего и не нашего. Есть только нынешнее время. В котором мы тут и сейчас живем. Это я так говорю, в чисто профилактических целях. Иначе крыша поедет, если постоянно станешь к будущему, которое прошлое, аппретировать. Впрочем не важно, и сам все поймешь.

— А касательно динозавров, так все истинная правда. Встречаются они тут. Правда в основном мирные, травоядные. Ни с кем из хищных, типа Тираннозавра Рекса до сих пор не

сталкивались.

— Слушай, — возникло в голове очередное ужасное предположение, превосходящее по своей значимости то, когда оказалось, что эти долбодятлы не прихватили с собой ни одного справочника.

— А вы с Юркой точно определились со временем переноса? Вы уверены, что нас отбросило на двенадцать тысяч лет назад, плюс — минус лапоть, при условии, что лапоть не превосходит тысячу лет?

— Если честно, то мы толком и сами не знаем. Вроде сейчас голоцен. И климат и природа соответствуют. Во всяком случае сейчас не ледниковый период. Это точно. А то что людей мало, к тому же те, кто в наличии, каменными орудиями балуются, так это как раз и говорит, что мы в начале эпохи.

— Но ты, Андрей, пойми, палеонтологи мы с Юркой совсем никакие. Так, больше понаслышке. Да и в астрономии не сильны. Во всяком случае по периоду обращения Земли вокруг Солнца, точно ничего определить не удастся. Хотя бы до тех пор, пока атомные часы с разрешением в одну миллионную секунды заново не разработаем. Да и это не поможет. Поскольку эталон для самой секунды отсутствует. Те же физические замеры, которые делали после твоего исчезновения, вообще не о чем. Ну бухнула куда-то прорва энергии, а только об реальном количестве можно было только гадать.

Из общих соображений выбор небогатый. Или это голоцен, или микулинское межледниковье. Во втором случае вообще кисло. Поскольку при этом отбросило нас назад не на двенадцать, а на все сто двадцать тысяч лет. Так что из чувства самосохранения и безопасности для психического здоровья предлагаю считать, что мы в голоцене.

— Во всяком случае с координатами местонахождения трудностей не возникает, — вздохнув смирился я с неизбежным. — Мы точно почти в центре Европы. Так что путешествие Юрки на Восток приобретает некий смысл. По итогам сможем сделать более-менее корректную временную привязку.

— И вообще, как насчет утренних гигиенических процедур. Где тут ближайший сортир типа М и Ж? Да и умыться бы не помешало. Отнорок в самом торце пещеры переходил в длинный извилистый лаз, который через пару десятков метров заканчивался вторым, тайным, хорошо замаскированным выходом из пещеры. Прямо в глубокий овраг. Именно там, в самом овраге, и были созданы все условия для утреннего туалета. С трудом протиснувшись сначала вперед, ориентируясь на брезжущее в конце туннеля расплывчатое световое пятно, а затем таким же макаром назад, решил, что эта спелеология поневоле вполне заменила мне утреннюю гимнастику.

По возвращению в пещеру застал там помимо Жеки еще и Ахмета, стараниями которого шашлыки из осетрины были дополнены ароматной земляникой и какой-то кислой травкой.

Глава шестая. Мутная, наполненная психоделическим содержанием

Глава шестая. Мутная, наполненная психоделическим содержанием.

В которой главный герой осознает, что орел корточкист, это вовсе не уважаемый всеми мужчина восточной наружности, предпочитающий садиться на унитаз определенным образом, а нечто совершенно другое, иными словами: не все на самом деле является таковым, как кажется.

Потихоньку ощущение нереальности происходящего начало меня покидать. Окружающий мир стал восприниматься более менее адекватною. Я вот только сейчас начал приходить в относительную норму, смирившись с тем, что все вокруг не выверты моей извращенной фантазии, а суровая реальность. Все-таки слишком многое случилось за предыдущие сутки. Чересчур велик диапазон событий — от рутинного исполнения служебных обязанностей на рабочем месте, в тихом и уютном институтском кабинете, до скачка в прошлое с последующим осознания того, что привычной и родной для тебя планеты Земля больше не существует, а ты сам влился в ряды избранных, поставивших перед собой великую цель по сохранению человеческой цивилизации.

Звучит как полный бред. Вот и моя психика пришла к аналогичному выводу и до недавнего момента воспринимала все вокруг с позиции стороннего наблюдателя, уютно развалившегося вечером на диване с пива и чипсами перед телевизором, в созерцании последнего нашумевшего триллера, шедевра Голливудского кинематографа.

А вот сейчас, похоже, меня наконец стало отпускать. Ощущение нереальности происходящего отступило на второй план, а потом и вовсе как-будто исчезло, забившись глубоко в подкорку. И не в последнюю очередь причиной для этого стало острое чувство голода и упоительный запах, источаемый шашлыками из осетрины.

Получив из рук Жеки вожделенный эрзац шампура с плотно нанизанными на деревянную спицу кусками ароматного, дымящегося и сочащегося капельками жира белого мяса, перемежающимися луковыми кольцами — оказывается тут и лук растет, не сказал бы чтобы репчатый, слишком луковицы мелкие, зато есть куда двигаться в направлении селекции — я наконец-то внимательно огляделся вокруг. Впервые за все это время. Как-то раньше было не до того. Пещера представляла из себя немалое по размерам помещение высотой от трех до пяти метров и габаритами пять на десять, начинающаяся с одной стороны дырой, через который меня вчера и втащил внутрь Ахмет — а может все-таки Ахмед, не знаю как правильно будет, надо бы у Жеки уточнить, чтобы невзначай Атланта не обидеть, — а с другой заканчивающаяся отнорком, едва различимым с того места, где я сейчас стою, и в котором начинается лаз к месту, предназначенному для осуществления гигиенических процедур, а заодно и служащим черным ходом в пещеру.

С одной стороны скала представляет из себя этакую вертикальную стену, гордо возвышающуюся на берегу великой реки, а с другой стороны гранитный массив встроен в земляную кручу, полого сходящую на нет и густо поросшую зелеными насаждениями. Нечто похожее я видел, когда посетил с экскурсией крепость Массادا. Там тоже с одной стороны неприступная вертикальная стена, а с другой — сравнительно пологий спуск. Воспользовавшись этим спуском — подъемом, легион римлян в ходе одной единственной

атаки (за все время, пока длилась осада) и захватил крепость. Правда возникает вопрос, а чем, собственно говоря, занимались доблестные римляне на протяжении от трех месяцев до двух лет — здесь историки радикально расходятся в своих оценках — пока длилась подготовка к штурму. У меня сложилось впечатление, что находясь на частичной самоокупаемости, Флайй Сильва, возглавляющий десятый легион, банально взял под контроль единственный удобный путь через Мертвое Море и занимался таможенным рэкетом. И только после того, как получил приказ на передислоцироваться воинского подразделения в Дакию, внезапно вспомнил, а зачем, собственно говоря, его в Иудею направили. В принципе я его готов понять. Возьми он штурмом крепость в первые две недели, мог бы рассчитывать разве что на благодарности со стороны вышестоящего руководства и какую-нибудь побрякушку на тунику. Вряд ли когда-нибудь ему бы довелось еще раз попасть в столь хлебное место.

И сам не знаю, почему у меня возникли такие ассоциации. Все-таки масштабы немного другие. Вместо четырехсот пятидесяти метров неприступной отвесной стены, всего-то от силы двадцать — двадцать пять. Да и зелень напрочь отсутствует. Наверное нервное.

Пол пещеры был, судя по характерным сколам, выровнен не без помощи молотка, зубила или их аналогов для эпохи раннего неолита, и такой-то матери. Не сказал бы что это пошло ему на пользу. Отдельные, сохранившиеся шипы и острые грани представляли определенную угрозу не только здоровью, но, при невезении, и жизни обитателям пещеры.

— Здесь бы больше подошла бетонная стяжка, а сверху паркет, на худой конец ламинат, — отметил я для себя на потом, на тот случай ежели прогнозы моих друзей сбудутся и мне здесь предстоит еще жить и жить.

Зато потолок сохранил свой первозданный декор, угрожая местами обрушиться на головы неосторожных жильцов подозрительно висящими валунами.

— Не переживай, — успокоил я сам себя, — все что могло упасть, давно уже упало. А ежели что плохое и случится, то точно не сегодня. Уверен, годовой лимит неприятностей я выбрал за вчера. И как впоследствии оказалось ошибся. Нет, камень в этот день на голову мне так и не свалился. А жаль. Не самый плохой вариант.

Вгрызаясь зубами в сочное мясо и громким урчанием выражая восхищение кулинарным талантам моего друга, я продолжал изучать обстановку вокруг.

Вдоль стен пещеры в разных местах отдельными островами были наброшены груды шкур, служащих спальными местами. Именно закопавшись в одном из таких лежбищ я и провел сегодняшнюю ночь. Предположительно, с учетом моего незначительного опыта натуралиста любителя, шкуры при жизни принадлежали медведям и волкам. Правда встречалось нечто и более экзотичное, включающее элементы пятнисто — полосатого декора.

— Надеюсь, местные аборигены уже научились выделывать, а самое главное дезинфицировать меха. — задним числом забеспокоился я. — Уж больно не хотелось столкнуться с теми же блохами и ли чем похуже.

— Всего таких меховых точек насчитывалось шесть. Три для хозяев и еще три резервные, для гостей, ну или дам, надумавши таковые заглянуть на огонек, — предположил я. После чего перешел к изучению главного элемента жилища — к очагу. Впрочем очаг, это сильно сказано. Так, кострище в центре пещеры, аккуратно обложено камнями. Открытый огонь по идее должен был вызвать задымление пещеры, но, по видимому, природные расщелины в потолке образовали исключительно эффективную тягу. Так что не только

запаха дыма не чувствовалось, но приглядевшись к потолку я даже копти не увидел. А может быть отсутствие дыма и копти связано с использованием каких-нибудь особенно качественных дров, ну типа как бывает просто порох, а бывает порох бездымный. Почему бы и дровам бездымным не существовать. Вот только я в свое время о таких не слышал. То ли слишком был далек от природы, то ли нужные для таких дров деревья вырубали еще до моего рождения

Поняв, что меня снова явно не туда заносит, и приписав это к вывертам все той же психики, которая никак не желает утомиться, я закончил свой обзор тем, что отметил наличие на полу нескольких валунов, предназначенных для сидения. А кроме того огромный, почти кубической формы камень, непонятно каким образом и главное зачем, оказавшийся внутри помещения. Поскольку, по хорошему, служить бы ему на природе, гденибудь в центре укромной полянки, местом силы, алтарем для жертвоприношений, окруженным сонмом идиолов-идолищ. А здесь он выполнял функцию разве что разделочного стола, на котором Жека рубил осетра. К тому же, по самым скромным оценкам, камень весил никак не меньше пары тонн. И втащить его в пещеру без использования специализированных подъемно-транспортных механизмов представлялось проблематичным. Даже силами Ахмеда, ну или Ахмета.

Вот этот самый камень и сыграл со мной злую шутку. Не даром мне сразу почудилось в нем что-то колдовское.

Потянувшись к камню-алтарю поближе, чтобы внимательно рассмотреть ярко зеленое включение в самом его центре, я банально споткнулся и падая расшиб голову об его край. Не слишком сильно. Так, на уровне шишки среднего размера. Вот только в дополнении ко всему рассек еще и кожу на лбу, да так что началось кровотечение. Нельзя сказать, чтобы чересчур уж обильное, но для того чтобы остановить кровь желательнее было бы иметь в руках какую-нибудь тряпицу, на худой конец лист подорожника побольше. Именно с такой просьбой я и обратился к своему однокашнику.

Признаться, реакция Жеки, а вслед за ним и Ахмеда на мою не слишком значительную просьбу мне не понравилась. Здорово не понравилась. Оба с ужасом на меня уставились, застыв соляными столбами. К этому времени кровь почти перестала течь.

— Ну если ничего подходящего под рукой нет, может быть просто плеснете мне на руки немного этого алкогольного пойла, чтобы я мог продезинфицировать рану, — осторожно поинтересовался я указывая на корявый глиняный сосуд в котором хранилась бражка, которой вчера нас всех с энтузиазмом потчевал Атлант.

— Поскольку и после этих слов реакции не последовало, а кровотечение полностью прекратилось, я вытер лицо тыльной стороной ладони и бодрым тоном поинтересовался: «А можно мне еще шашлыка?», надеясь хоть таким образом вывести своих хозяев из ступора. Вроде немного помогло.

Правда вместо того, чтобы извиниться за свою неадекватную реакцию, Жека самым трагичным тоном заявил: «Андрей, похоже у нас проблемы. Серьезные проблемы».

Последний раз я слышал нечто похожее десять тысяч лет тому назад, когда Ленка таки уговорила меня сходить в кинотеатр на вечерний сеанс фильма по астероид. Там главный герой таким же тоном пугал зрителей. Правда слова звучали немного по другому: «Хьюстон! У нас проблемы». Допускаю, что мог ошибиться в словах, уж слишком активную возню затеяла моя девушка в районе ширилки, воспользовавшись темнотой и тем, что мы сидели в кинозале на последнем ряду- экстремалка чертова, — а вот интонацию запомнил прекрасно.

— Андрей. — между тем продолжал загробным тоном мой визави. — судя по травме можно предположить, что на тебя не действует эффект аномальной энтропии. Тот самый, который обеспечивает нашу неприкосновенность и гарантирует выживание на протяжении ближайших десяти тысяч лет. И это плохо. Возможно, в отличии от меня с Юркой ты провалился в прошлое по другой схеме. Все-таки при твоём погружении прокол пространства, иницируемый инопланетянами, еще не случился. И тогда твое бессмертие под сомнением.

Глядя на мое недоуменное лицо Жека решил на практике показать, что такое эффект аномальной энтропии. Причем используя для этого в качестве прикладного пособия самого себе.

Он положил на алтарь свою руку, потом кивнул Ахмету и Атлант не задумываясь, со всего размаху попытался тяжелой дубиной, из числа тех что валялись в темном углу пещеры вместе с копьями и другими орудиями убийства — а вот этот арсенал я как-то и проглядел, — мельком отметил про себя, — буквально изо всей дури превратить руку моего однокашника в расплющенный блин.

Вот только ничего фатального с Жекой не случилось. А вот с Ахметом случилось. За мгновение до того, как дубина со свистом обрушилась вниз, бревнышко мирно горевшее в центре очага внезапно лопнуло и яркий уголек отлетел в сторону угодив точно в лицо Атланта. Не удивительно, что после этого Ахмет сначала банально промазал, а потом с воплем начал метаться по пещере пытаясь погасить вспыхнувшие волосы.

— Вот как-то так это и работает, — сообщил мне Жека, не слишком переживая о судьбе Верховного Шамана. — Жалко будет, если с тобой это не работает.

Немного ранее мне показалось, что меня отпустило. Да ни черта меня не отпустило. Только сейчас, вот именно в эту самую секунду я осознал, насколько все херово. Я внезапно понял, что все то чем я раньше жил, больше не существует. Нет ни моих родственников, пусть и дальних и не слишком многочисленных. Но ведь я до последнего времени изредка созванивался с тетей Олей, двоюродной сестрой отца и интересовался, как поживают ее внуки. А тети Оли больше нет. И внуков, Андрея и Дениса, тоже нет, и что самое обидное, даже если моим друзьям и удастся реализовать их амбициозные планы, они все равно больше никогда не появятся.

Больше нет и Ленки, пусть и редкой стервы, зато обладательницы отпадной фигуры и роскошного бюста, временами скашивающей мою холостяцкую жизнь. Да что там Ленка. Вместе с самой планетой Земля исчезли, превратились в раскаленную плазму, почти десять миллиардов человек. В том числе и Африканские пигмеи, негриллы, средний рост мужчин у которых не дотягивал до ста пятидесяти сантиметров. Негриллов почему-то было особенно жалко.

А минутой назад возникло предположение, что я и в миссии отмщения толком не смогу поучаствовать. Что такие жалкие тридцать, от силы пятьдесят лет, отпущенные мне природой, на фоне десяти тысяч лет, которые надо пережить, чтобы встретится с ублюдками. Да за это время я толком ничем и не смогу ребятам помочь. А через пару веков и в их памяти останусь разве что смутной тенью.

Необходимо было убедиться, работает ли аномальная энтропия по отношению ко мне. Причем не откладывая это в долгий ящик. Здесь и сейчас.

Я положил руку на алтарь и скомандовал Ахмету, который к этому времени погасил огонь в шевелюре и привел себя в некий относительный порядок: «Бей». Атлант

отрицательно закивал головой, невербально заявляя: «Ищите другого дурака. С меня хватит». Своего Шамана попытался поддержать и Вождь, робким тоном предложивший: «Андрюха, а может ну его. Позже разберемся. Опять же, если я таки прав, можешь без руки остаться.

— Если ты прав, то мне рука больше не понадобится. Так что, Ахмед, бери дубину и бей».

В тот момент, когда Атлант молодецки замахнулся дубиной, передо мной промелькнула вовсе не вся моя жизнь. А только отдельный эпизод, оставивший в душе отчетливый след.

Вот точно так же, но только много лет тому назад — или вперед — с безумными глазами и бледным видом, Ваню, мой сосед по комнате, с которым мы, будучи студентами, на пару снимали жилье в частном секторе у безобидной старушки Екатерины Сергеевны, совершал похожий молодецкий замах.

Тогда хозяйка обратилась к нам с просьбой — зарезать курицу. На что Ваню тут же дал понять, что ему не то что курицу, человека зарезать — раз плюнуть. После чего попросил меня придержать несчастную несушку, а сам взялся за топор. Мне удалось увернуться от топора только в последний момент, к счастью я обратил внимание на бледный вид и плотно закрытые глаза несостоятельного курореза. Наш джигит, будучи натурой излишне чувствительной, потерял сознание еще при замахе.

А вот курице не повезло. Ее разрубило пополам и птица теряя по пути внутренности и оставляя за собой кровавый след поковыляла куда-то вдаль. К этому моменту Екатерина Сергеевна, услышав во дворе странные звуки решила выйти и поинтересоваться, что же случилось. Ее взору предстала ужасная картина. Бледный Ваню, замертво валяющийся на траве и я с топором в руках и лужей крови вокруг. Не удивительно, что после этого мне пришлось вызывать скорую помощь сразу для двух клиентов, а потом еще и с ментами объясняться.

Глава седьмая. Орлуша, мать твою...

Глава седьмая. Орлуша, мать твою...

В которой главный герой сначала летает, вернее планирует, потом неудачно приземляется на пятую точку и проклинает всех и вся, в том числе и невиновных, а чуть позже смиряется со своей судьбой и знакомится с будущими соплеменниками, превращая церемонию взаимного представления в заурядный мордобой.

Так вот, вместо того, чтобы перед глазами промелькнула вся моя жизнь, как приличествует всякому нормальному человеку в момент встречи в Костлявой, на худой конец самые достойные эпизоды их этой самой жизни, которыми я мог бы гордиться, я припомнил эпизод с Ваню. Возможно тот, кто отвечает за трансляцию событий в последние секунды жизни, не обнаружил в моей памяти ничего заслуживающего внимания. Вот и включил ролик, наиболее соответствующий моменту. А далее заработали условные рефлексы. И не надо рассказывать, апеллируя к Павлову с его опытами по слюновыделению у собак, что для выработки условного рефлекса необходимо многократное повторение. Все-таки я человек разумный, а не какая-то собака. Мне и одного раза с Ваню оказалось достаточно для того, чтобы сообразить — не стоит совать руки под рубящие топоры и опускающиеся дубины, а так же другие колюще-режущие инструменты. Хотя, возможно, я и не прав по отношению к собакам. Будь на моем месте тот же соседский доберман, он вряд ли додумался бы до такого травмоопасного эксперимента. Тем более, наверняка, не стал бы настаивать на его проведении. Так что вопрос разумности стоит вынести за скобки.

Но возвращаясь к текущим событиям. Углядев стремительно опускающуюся на мою руку, лежащую на алтаре, огромную дубину, я естественно эту руку отдернул. Почти получилось. Правда не так хорошо как с топором. Самый кончик, миллиметров в пять, среднего пальца таки попал под удар и просто распылчился на атомы. Причем непонятно как это могло случиться. Все-таки дубина имела цилиндрическую форму и по определению не могла обеспечить такой аккуратный срез. Больно жутко. Весь палец приобрел радикально синий цвет, а из открытой раны обильно закапала кровь. Стоило бы в этот момент подумать, что так на меня никаких подорожников не напасешься. Вот только мне было не до праздных размышлений. Тряся рукой, разбрызгивая вокруг красные кровавые капли, и подвывая от боли я шатаясь пошел в сторону выхода из пещеры. Остановился прямо в проеме. И хотя ранее я несколько уничижительно именовал это лазом, на самом деле проем представлял из себя полноценный, арочного типа вход, высота которого позволяла мне, с моими ста восьмьюдесятью сантиметрами роста, стоять на самом краю пещеры не наклоняясь. Сознание тут же услужливо подкинуло две несвоевременные мысли. Сначала о том, что надо бы на входе дверью озаботиться, хотя бы шкурами завесить. Иначе зимой наверняка снегом задувать будет. Потом обратило внимание на открывающийся перед глазами прекрасный ландшафт: широкая, застывшая зеркальной гладью река, зеленое лесное море вдаль на противоположном берегу, синева неба и желтый речной песок, густо утыканный острыми пиками гранитных обломков, считай прямо под ногами, метрах в тридцати ниже входа в пещеру. При том, что тридцать метров это все-таки высота десятиэтажки. Но все равно рядом, в доступности одного шага.

Вот именно этот шаг вперед я и совершил. Что стало тому причиной, ответить трудно. Наверное, переплелась в один донельзя запутанный клубок и боль в раздробленном пальце,

и боль от осознания окончательной утраты всего того, что служило основой собственной жизни, и осмысление собственной никчемности, ущербности в сравнении со своими более удачливыми друзьями, и неспособность как-то повлиять на будущее.

Разбитый дубиной палец однозначно указывал на то, что бонус аномальной энтропии не для меня.

Хотя, задним числом анализируя случившееся, я остановился на том, что виной всему послужила настойка, которой нас накануне потчевал Ахмед. Думаю с грибочками он переборщил. А иммунитет ко всякой наркосодержащей дряни, в отличии от того же Жени, который баловался подобным пойлом уже не один десяток лет, я еще не выработал. Вот моя легкоранимая психика и устроила качели настроения. В диапазоне от: шапками вражин закидаем и ногами запинаяем, до: все пропало, спасайся кто может. Итогом чего и стал мой шаг вперед, в пространство.

По идее на этом все должно было бы и закончиться. Разве что я бы успел пожалеть, что падаю не с высоты крепости Массада, а это почитай 400 метров, так что время полета составит секунд десять, вполне можно себя неоднократно обозвать идиотом конченным, а всего-то две с половиной секунды. Все таки десять этажей и тридцать метров это не слишком много. За это время обозвать себя идиотом конченным можно в лучшем случае пару раз. В любом случае итогом послужило бы хорошо отбитая тушка с тщательно перемолотыми костями. Разве что в первом случае, который с Массадом, диаметр мокрого пятна вокруг тела был бы поболее.

Но это ежели отталкиваться от научно обоснованных представлений, в которых время свободного падения рассчитывается по формуле: $t = \sqrt{2h/g}$. И такие представления совершенно не включают в сферу своих аргументов ни птеродактилей, ни орлов. А именно такая тварь и разбила вдребезги всяческую научную аргументацию, предварительно издав клеткот, напоминая скрип ржавых кладбищенских ворот на забытом погосте, когда туда пытаются проникнуть копатели трупов по поручению доморощенного Франкинштейна. Твою дивизию. Надо все-таки запретить Ахмету класть в настойку эти синенькие склизкие грибочки. Иначе от подобных бредово романтичных ассоциаций избавиться не удастся. И непонятно, куда схожие мысли могут завести.

Так вот, возвращаясь к проблеме свободного полета моего тела после добровольному выходу из пещеры, обусловленному совокупностью неявных причин. Это падение было самым наглым образом прервано чем-то, вернее кем-то летающим, с размахом крыльев метра в четыре, которое все это время планировало невдалеке в ожидании вкусной и здоровой пищи. Так что при виде меня, летящего, тварь резко рванула вниз, совершив тем самым маневр, совершенно не вписывающийся ни в какие физические рамки, поскольку для подобного финта она уже должна была пребывать в крутом пику, причем со скоростью, гарантирующей практически мгновенное столкновение с землей. Но спрашивается, где физика, а где птеродактили. Монстр с этакой грандиозной небрежностью подхватил меня где-то метрах в десяти над землей. После чего крепко ухватив меня трехпальными когтистыми лапами и попытался перенести в место, более пригодное для трапезы, нежели берег реки. Возможно даже в собственное гнездо, где меня с нетерпением ждали голодные птенцы. Сложилось впечатление, что мои плечи оказались зажаты стальными тисками. Я и раньше знал, что тот же филин может лапами раздавить заячий череп, но поймавший меня на лету монстр вполне мог бы оставлять отпечатки когтей на латунных заготовках.

К сожалению, вернее к счастью, мне так и не довелось узнать, сооружают ли

птеродактили гнезда и каким образом они снабжают пищу подрастающее поколение, поскольку в процесс вмешались два новых неучтенных фактора. Сначала не выдержала футболка, которая верой и правдой служила мне по крайней мере последние десять тысяч лет. Это если отталкиваться от абсолютных цифр. С учетом скачка в прошлое. А так турецкий ширпотреб, по случаю подаренный мне Леночкой, был совершенно новым. Еще не разу и в стирке не побывавшим. Футболка, отличающаяся завидной эластичностью, треснула по швам, резко сползла с моего торса и ошметками осталась в лапах обескураженного монстра. А я тем временем снова рухнул вниз, но уже с высоты, оставляющей неплохие перспективы для благополучного приземления. Птеродактиля же перспектива лишится заслуженного завтрака совершенно не устроила. Он снова издал скрип ржавой кладбищенской калитки и попытался меня перехватить. Вот тут-то и вмешался второй неучтенный фактор в виде Ахмета. Атлант вместе с моим другом стояли на выходе из пещеры и оживленно обсуждали перипетии моего падения. Судя по отдельным репликам они делали ставки на исход эпопеи с летающим монстром. Причем Атлант настаивал на том, что я расшибусь об камни, а однокашник — на том, что меня все же поймает на лету, а потом и сожрет летающая тварь.

Возможно, все это мне просто почудилось, поскольку столь оживленная дискуссия не могла произойти за отведенное мне на падение время. Разве что собеседники научились общаться на пятикратной скорости. Хотя с таким ранее я сталкивался только при чтении аудиокниг. И то эффект достигался использованием технических прибабасов в виде ускоренной перемотки.

В любом случае Атлант поступил не по спортивному. Он запустил в птеродактиля, который твердо вознамерился исправить свое упущение, в прямом смысле этого слова, дубиной. Той самой, которой минутой назад нанес мне как физическую, так и душевную травму. Своим поступком Ахмет обеспечил безусловную победу вариантом с падением, поскольку монстр, получив ударом увесистой дубины по голове, в очередной раз издал возмущенный скрежет и гордо улетел вдаль в поисках более благодарной пищи. А я со всего маху копчиком шлепнулся на песок, счастливо избежав столкновения с расположенным невдалеке гранитным валуном. В добавок к больному пальцу добавился и больной копчик.

— Да что же это мне так в последнее время не везет, — возмутился я, — Даже акт суицида нормально исполнить не удалось. Зато душа перестала болеть, с удивлением тут же вынужден был констатировать.

Причем не сразу сообразив, что причиной тому послужило однозначное подтверждение того факта, что эффект аномальной энтропии на меня таки распространяется. Правда с определенными изъятиями в виде отдельных телесных травм. Иначе, кроме как нарушением всех мыслимых и немыслимых законов бытия, своевременное появление птеродактиля объяснить невозможно. Психические качели, наверняка обусловленные Ахметовской бражкой, сделали рывок в обратную сторону и я снова полюбил жизнь.

— Ужо мы им всем покажем, — радостно завизжал в душе кто-то мелкий и пакостный. — А птеродактиля, когда лет через триста налажу выпуск собственных монет, обязательно нужно будет приспособить для штамповки. Будет монеты с оттиском когтистой лапы клепать. Хрен кто из фальшивомонетчиков подделает.

— Да, задумчиво вмешалась во внутреннюю дискуссию, рациональная часть моего я. — С этим срочно надо что-то делать. И к психиатру в ближайшие пару-тройку тысяч лет не обращайся. Причем три тысячи лет, это в самом лучшем случае. Так что придется

самолечением заняться.

— Или прекратить злоупотреблять Ахметовой настойкой на грибах поганках, включился в разговор кто-то третий. Участие которого и поставило точку в моих размышлениях по поводу... Поскольку я банально потерял сознание, не выдержав гвалта у себя в голове.

Очнулся я, судя по тому, что солнце перевалило за полдень, совсем не скоро. Дико болела голова. Голоса в башке напрочь исчезли. Ничего не хотелось. Так бы и лежал на песке, шурясь полуприкрытыми веками на солнце. К сожалению мои спутники всячески препятствовали подобному времяпровождению. Один из них совершенно неприличным образом навалился на меня сверху, то ли в экстазе любви, то ли и вправду пытаюсь выполнить искусственное дыхание рот в рот, перемежая эти действия неумелой симуляцией закрытого массажа сердца. Осознав, что еще немного и мои ребра не выдержат подобного надругательства я попытался оттолкнуть от себя фельдшера неофита. Как только мне это удалось сделать, в битву с моим здоровьем вступил Атлант. Его действия оказались не менее изощренными. Великан не мудрствуя лукаво окатил меня сверху до низу ушатом воды. Причем в качестве тары для воды использовал злополучный сосуд из-под браги. Забыв при этом удалить из него остатки пойла. В результате чего я оказался не только мокрым но и вонючим. Вскочив на ноги и высказав своим сотоварищам все, что я о них думаю, я нарвался со стороны Жеки на вопрос, вызвавший у меня откровенное недопонимание.

— Палец показать можешь? — поинтересовался у меня однокашник.

Это несколько расходилось с каноническим тестом на адекватность у бывшего коматозника, очнувшегося после длительной комы, вызванной сотрясением мозга. Там по фэншую доктор тыкал пациенту в физиономию пятерней и интересовался: «Сколько пальцев видишь?». В ответ положено было заявить: «Семнадцать», после чего симпатичная медсестра станет тебя долго и всячески лечить, а потом и вовсе отдастся.

Так что вопрос товарища отвлек меня от матов и заставил задуматься. Впрочем природная сообразительность тут же подсказала правильный ответ. Я показал ему средний палец, демонстрируя интернациональный жест: «Fack».

Как ни странно, но мой поступок совершенно не оскорбил Женю, более того, однокашник обрадовался. А вот Ахмет возмущенно цыкнул зубом и пробормотал: «И где спрашивается справедливость? Почему одним все, а другим все что останется. Мало вам, погруженцам, аномальной энтропии, так еще и аномальную регенерацию вынь да положь». После чего стал отчаянно чесать щеку, покрытую заживающей коркой, оставшейся от ожога угольком.

Я с недоумением посмотрел на свой средний палец и обнаружил, что от кровавой раны оставленной дубиной Атланта не осталось и воспоминаний. Палец вернул свою прежнюю слегка кривоватую форму. Хотя последнее утверждение, несмотря на все попытки Ленки убедить меня в том, что у меня не только руки, но и пальцы кривые, не соответствует истине. Так совсем чуть-чуть кривоватые.

Через пол часа, посвященные тому, что бывалые путешественники в лице Жеки и Ахмета снаряжали меня в дорогу, мы наконец-то тронулись в путь. Оказалось, что нам предстоит совершить трехдневный переход до того самого места, где в настоящее время расположилось стойбище. Причем по местам диким и опасным. Так что я вынужден был смириться с тем, что мне на спину на взгромоздили двадцатикилограммовую котомку, предварительно облачив с ног до головы в звериные шкуры. Последние, по утверждению

того же Ахмета, смотрелись на мне гораздо естественнее, нежели турецкий ширпотреб с принтом на груди в виде стилизованной красотки и надписью: «Наше все...».

Будь окружающая местность не столь лесистой, я бы с полным на то основанием не прекращал бы все три дня подряд напевать себе под нос: «День-ночь. День-ночь. Мы идем по Африке». А так оставалось только в пол голоса материться, проклиная неустроенность быта, отвратительную пищу, приготовленную на костре и многочисленных комаров. Так что к стойбищу первобытных людей, предположительному местоположению моего дальнейшего многолетнего обитания, я добрался в самом скверном расположении духа.

Поднятию настроения не способствовали и многочасовые ночные посиделки у костра, когда мои новые и старые товарищи пытались хотя бы теоретически подготовить меня к суровым реалиям первобытной жизни. Все что я вынес из этого перехода сводилось к двум простым истинам. Во-первых, если очень проголодаешься, то жрать сможешь любую дрянь, в том числе и запеченную в собственных перьях птицу, напоминающую обыкновенную ворону. Это по итогам приобретения практических навыков.

Во-вторых, если верить теоретическим выкладкам моих друзей, то очень важно заявить о себе в племени с первой же минуты. И для того, чтобы претендовать на достойное место в племенной иерархии рано или поздно придется отстаивать свое право на уважение с помощью собственных кулаков. Рассчитывать в этом плане на поддержку Вождя и Шамана племени не приходится. Как там у классиков по этому поводу говорится: «Сама. Все сама».

Наверное поэтому, как только нашу троицу невдалеке от стойбища окружила группа косматых звероподобных аборигенов, вооруженных копьями и дубинами, я, не раздумывая долго, выбрал среди них самого здорового и зарядил ему ногой в челюсть. Недаром же пять лет по молодости карате занимался.

Глава восьмая. Производственно бытовая

Глава восьмая. Производственно бытовая

В которой главный герой демонстрирует прекрасный маваши гери, но никого этим не потрясает, зато провоцирует всеобщее недоумение, после чего погружается в себя и видит вокруг только плохое, а в заключении приходит к неутешительному выводу, что все ранее сделанное и ломаного гроша не стоит

Признаться, что после прекрасного, технически выполненного удара ногой с разворота в челюсть лохматому аборигену, я ожидал несколько иную реакции. Как от самого потерпевшего, так и от окружающих. Включая как моих спутников в лице Жени и Ахмета, так и пятерки звероподобных человекообразных, составляющих свиту моей жертвы. Нельзя сказать, что мое действие стало результатом импульсивной реакции на недоброжелательный взгляд в мою сторону, сопровождаемый невнятным рыком, в котором с трудом угадывалось что-то типа: «А это что за чмо к нам приперлось?» и в заключении этакий небрежный удар, вернее даже тычок мне в грудь. Из разряда: «Вьюноша, не мельтешите, вас здесь не стояло». Возможно все вышесказанное не более чем выдумка моей разбушевавшейся фантазии, обильно стимулируемой рассказами во время вечерних посиделок у костра, где главным рефреном звучала теза: «Драки не избежать и вообще, бей первым, Федя». Но это все субъективно. А вот то, что мой противник не проявил должного уважения ни ко мне, ни, более того, к моим сопровождающим, сомнения не вызывало.

Никакого почтения по отношению как к Вождю, так и к Шаману племени продемонстрировано не было.

Лохматый, а именно так на первый случай, я решил окрестить своего визави, демонстративно проявил свое неуважение к руководству как вербальными, так и невербальными методами. Сначала разразившись глухим нечленораздельным бормотанием в котором с трудом угадывалось что-то типа: «Ну и где вы сцуки шлялись? Лучше бы вы там и сдохли» а потом этак зло выщерился в сторону моего однокашника, демонстрируя немалые такие клыки, приличествующие скорее какому-нибудь пещерному медведю нежели представителю *homo sapiens*. Впрочем в видовой принадлежности лохматого, да и его окружения я как-то в тот момент засомневался. Хотя, с другой стороны, при всей неразборчивости его речи, изъяснялся он несомненно на знакомом мне языке. Что несомненно подтверждало наличие разума. Думаю, что заслуга в том, что мне удалось различить отдельные слова в этой мешанине рыков, хрипов и урчаний, целиком и полностью принадлежала Жеке и Юрке. Вряд ли неандертальцы сами по себе пришли к словесности Гиппиус и Жириновского.

Так вот, по всем канонам, принятым в животном мире, такая наглая демонстрация зубов в сторону альфа самца — а Вождь племени несомненно по должности занимает именно эту ступеньку в иерархии — воспринимается не иначе как вызов на битву за звание лучшего. Неужто, за те три дня, пока мы предавались рассуждениям на тему о великом и счастливом будущем, в племени произошел переворот. И появился новый Вождь. Это несколько расходилось с тем, что я себе надумал, когда услышал про то, как Юрка карал непокорных, развешивая их гроздьями по деревьям. Впоследствии выяснилось, что хоть мой коллега по институту и действительно развешивал диссидентов на деревьях, но при этом остатки гуманизма не терял, и вешал не петлей за шею, а просто на пару дней, с целью

перевоспитания, привязывал провинившихся к стволам и переводил исключительно на жидко-бодяжную диету в виде воды и словесных увещаний.

Неудивительно, что в таких условиях демократия в племени расцвела махровым цветом и неоднократно приводила к попыткам внутренних переворотов со стороны перманентно возникающей оппозиции. Про все это я узнал позже. А пока, наблюдая за своими спутниками — Вождем и Шаманом, просто недоумевал.

Меня откровенно смутила реакция моего однокашника на явно выраженный вызов наработанному годами авторитету. По его виду нельзя было сказать, что он испугался. Но и желание отстаивать свое право на власть совершенно не демонстрировал. Так, в лучшем случае кривил морду лица на откровенный афронт.

А лохматый, подначиваемый улюлюканьем со стороны группы поддержки, и убедившись в собственной безнаказанности совершенно распоясался. При этом он решил пойти по пути, рекомендованном через десять тысяч лет многими выдающимися умами современности, начиная от Эйнштейна и заканчивая воротилами криминального бизнеса — двигаться от малого к большому. И в качестве первого этапа на этом пути он определил меня. Поэтому не мудрствуя лукаво снова толкнул меня в грудь, при этом нелицеприятно высказался в адрес моих родственников по женской линии.

После чего и заработал в челюсть тот самый классический мавиши гери.

Голова лохматого резко дернулась в сторону, а потом, вместо того, чтобы сложиться безжизненной тушкой у моих ног, абориген просто замотал башкой из стороны в сторону и не сказав ни слова понуро поплелся в лес, волоча за собой по траве копье, судя по диаметру древка предназначенного для охоты на мамонтов.

Группа поддержки единогласно окинув меня осуждающими взглядами и молча последовала вслед за лохматы, с тем чтобы через минуту скрыться за деревьями.

На тропинки, ведущей к стойбищу вскоре осталась только наша троица.

Нельзя сказать, что я ожидал услышать бурные аплодисменты в честь моего героического поступка. К тому же то, что мне не удалось повалить лохматого ударом, гарантирующим мгновенный нокаут чемпиону мира по карате, несколько меня обескуражило. Но все же кислое выражение лица на физиономии своего однокашника я никак не ожидал увидеть. Тем более интонация, с которыми было сказано: «Герой, бля», совершенно не вписывались в ситуацию. А после того как Шаман намекнул на то, что в следствии моего необдуманного поступка племя в ближайшие несколько дней ожидает молочно-вегетарианская диета, причем без молока, поскольку ни коз, ни коров до сих пор одомашнить не удалось, я совсем, что называется: «Выпал в осадок».

Как позже оказалось, я своим поступком нарушил многолетний устоявшийся ритуал возвращения Вождя и Шамана в племя после длительного камлания. Это когда руководство не щадя живота своего, прибывая в голоде, жажде и тоске сутками взывает к духам предков, с тем чтобы те проявили определенную доброжелательность по отношению к своим недостойным потомкам, а народ с нетерпением ожидает многочисленных плюшек.

Сам ритуал сводился к рутинной процедуре, в ходе которой Главный Охотник в сопровождении группы поддержки встречал Вождя на подходе к стойбищу, а потом всячески поносил его словесно. И в заключении пытался пронзить начальственную тушку тем самым копьем, которое я по недомыслию отнес к орудиям охоты на мамонтов.

Оказывается лохматый и был тем самым Главным Охотником племени, обеспечивающим вместе со своим отрядом регулярные поставки мяса.

Вся фишка заключалась в том, чтобы удостовериться в благоприятном расположении Духов к народонаселению. Подтверждением этому должен был стать эффект аномальной энтропии. Сопровождающие лица по итогам тестового испытания подтверждали остальным соотечественникам, что: то ли древко у копья в последний момент сломалось, то ли сам Главный Охотник в последний момент споткнулся об невесть как выползший из земли корень, то ли еще какая фигня случилась.

Всего за последние десять с лишним лет была собрана коллекция, включающая самые экзотичные варианты. После проявления Духовной благодати Вождь и Шаман и получали право на проход в стойбище. А до этого ни-ни-ни. Идите, стало быть дорогие начальники, камлайте заново.

Я своим поступком несколько подпортил сложившуюся процедуру, поскольку удар ноги в челюсть не слишком соответствовал божественному проявлению И существовало опасение, что после такого афронта Главный Охотник и сопровождающие его лица впадут в депрессию и предадутся банальной пьянке. А по информации Шамана у этой братии точно где-то в лесу есть схрон, в котором они гонят бражку для внутреннего пользования.

В целом бытовое пьянство на рабочем месте не слишком осуждалось руководством, но в данном случае могло отразиться на регулярных поставках мяса. Правда Ахмет пообещал со временем выправить ситуацию, доведя до широкой племенной общественности, что мой удар ногой в челюсть вполне может претендовать на божественные эманации и способствует раскрытию чакр.

— Народ у нас доверчивый, — утешил меня Атлант, ошибочно предполагая, то я огорчен собственным поступком.

Признаться от всего услышанного я просто офигел. А когда мы наконец попали на территорию самого стойбища, офигел еще больше.

Само стойбище представляло из себя десяток чумов, типа вигвам обыкновенный, расположенных на опушке леса. С одной стороны стеной стояли вековые деревьями, причем подлесок, характерный для всякой лесной опушки напрочь отсутствовал. С другой стороны протекала не слишком широкая река, окаймленная узким песчаным пляжем, шириной метра в два, на котором резвилась многочисленная детвора. Сами чумы, являли собой конические конструкции из жердей, покрытых шкурами и огромными листьями, приличествующие скорее фикусам экваториально-тропической зоны, нежели лесам умеренных широт. Во всяком случае за все эти три дня перехода от пещеры к стойбищу мне ничего подобного не встречалось. Вряд ли я мог пропустить мимо своего внимания дерево, лист которого вполне способны по размерам, толщине и прочности заменить такой же по размерам лист, но оцинкованного железа.

Чумы кольцом окружили утопанную площадку с огромным костром посередине. У костра сутились женщины и дети. Во всяком случае те из них которые не принимали участия в водной феерии.

При виде Вождя и Шамана народ разразился восторженными приветственными криками, а через достаточно непродолжительное время вернулся к текущим делам, тем самым наглядно продемонстрировав приоритет материального по отношению к духовному. Из того-же разряда что и: «Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда». Только в данном случае вместо абстрактной любви выступала всенародная любовь к руководству и причастность к тайнам бытия в виде Духов и Божественных эманаций, а вот хлеб насущный как был себе раньше, так и оставался таковым во все времена.

— Что-то снова у меня с нервами не все в порядке, — пришлось признаться самому себе, после того как в голове возникли бредовые ассоциации с упоминанием все тех же Божественных эманаций. И дело даже не в том инциденте приключившемся между мною и Главным Охотником.

Поводом послужил пафос, с которым мой однокашник, окинув широким жестом стойбище произнес: «Ну вот, Андрей, смотри. Это зародыш будущей великой цивилизации. Дело моих, Юркой и Ахметвых рук».

Вот тут-то я окончательно и офигел. Правда сначала было попытался уточнить: «А где основное стойбище? Ну то в котором проживает основная масса населения». Но нарвавшись на недоуменные взгляды своих друзей еще раз уточнил не веря: «Это что и вправду все?»

И получив утвердительный кивок от Женьки разразился матом.

— Дебилы. Говорите это все дело ваших рук. Да лучше бы вы не руками, а головами работали. Какой нахрен зародыш будущей цивилизации. Это не зародыш, это даже не бактерия и даже не вирус. Это вообще ничто. Не удивительно, что Юрка смотался отсюда, а вслед за ним и вы норовите слинять. Я знаю почему. Чтобы не было стыдно ежедневно глядеть на все это непотребство. Теоретики хреновы. Цивилизацию они новой строить собрались. Да вы за двадцать лет не смогли в коллективе из полусотни полуразумных неандертальцев порядок навести.

— Что ты сказал, — окончательно взбеленился я после того, как Женька попытался уточнить, что численность населения племени составляет аж сто пять человек. Из которых, правда половина детей, треть женщин и целых пятнадцать взрослых охотников.

— Ну прости, за то что я сказал, что вы нихрена ничем не занимались. Как раз свои хрены вы и использовали на полную катушку. Надо понимать, что именно благодаря этому в племени так много детей.

— А сейчас займитесь тем, что вы умеете больше всего, своей хреновой работой. И дайте мне подумать.

После чего я отправился к самому большому вигваму, наверняка принадлежащему Вождю, выгнал оттуда какую-то симпатичную девчулю и улегшись на шкуры стал смотреть в небо, любуясь пробегающему облаками. Благо огромная дыра в крыше способствовала подобному времяпровождению. На осторожный вопрос своего однокашника, который всунул свою голову в вигвам и поинтересовался: «Андрей, ты чего взбеленился?», ответил уже не так резко как прежде: «Жека, отстань. Дай подумать»

— Ну ладно, думай, думай, — согласился друг исчезая. — Только имей ввиду, вечером предполагаются пляски у костра по случаю нашего возвращения.

Нет, я знал, конечно, что мои друзья, и Женя и Юра, чистой воды теоретики. Это из тех которым легче рассчитать оптимальную кривизну большого адронного коллайдера, нежели выбить путевку в институтском профкоме. Но не до такой же степени. Уж за двадцать то лет можно чему-нибудь научиться. Впрочем, о чем это я. Народная мудрость не случайно убеждает, что могут поменяться обстоятельства, а люди не меняются никогда.

Осталось только понять, как мне поступить с учетом вновь открывшихся обстоятельств. Впрочем немного поразмыслив и остыв я пришел к выводу, что основополагающая цель, сформулированная моими товарищами по несчастью, таки имеет право быть. И отказываться от построения великой человеческой цивилизации, способной дать отпор инопланетным агрессорам, нет никакого резона. Осталось только выловить того самого дьявола, который кроется в деталях и принудить его к созидательному труду.

По большому счету существовали два основных пути развития. Можно было строить процветающую экономику и вкладывая свободные средства в вооруженные силы осуществлять экспансию вовне. В конце-концов поработав весь мир и пинками взад подталкивая его развитие. Второй путь базировался на том, чтобы сразу во главу угла ставить армию. А экономическое развитие обеспечивать путем захватнических войн и ограбления соседей.

Итак. Экономика или Армия. К сожалению мои личные экономические знания сводились всего-то к расхожей формулировке о том, что экономика должна быть экономной. Несмотря на всеобщую обструкцию этого утверждения, лично мне оно глубоко импонировало своей лаконичностью и глубоким внутренним смыслом.

С армией и того хуже. Весь мой опыт с этой сфере сводился к двухлетнему послеинститутскому протиранию штанов на какой то страшно секретной точке в окружении перманентной полярной ночи и десятка таких же неудачников.

В любом случае, как первый так и второй путь требовали ресурсов. И главным ресурсом, как утверждал кто-то из вождей прошлого, является человеческий ресурс. А вот с этим-то как раз и полный затык. Не станешь же ты создавать прогрессивный по отношению к первобытно-общинному строю, строй рабовладельческий, на базе коллектива из ста человек. Да и идти войной на соседей армией, состоящей из пятнадцати половозрелых мужиков, пусть даже волосатых с ног до головы, как-то не смешно. К тому же пойдя еще этих самых соседей найди.

Короче нужны люди. Много людей. Очень много людей. Должен же кто нибудь построить для меня замок с десятиметровыми стенами и Донжоном.

Будем считать, что текущая первостатейная задача, решению которой должны быть подчинены все остальные, сформулирована. Нужно очень много людей и желательно в одном месте. Осталось понять, как приступить к реализации этой задачи. Можно было бы, конечно, пойти по пути, практикуемому моими институтским коллегами. Резко увеличить деторождаемость. Препятствия на этом пути виделись два. Во-первых слишком трудозатратно. Во всяком случае, когда речь заходит о тысячах человек. Во-вторых, слишком долго ждать отдачу. И хотя мы не боимся трудных путей, предпочитаем передвигаться легкими.

Глава девятая. Не царское дело...

Глава девятая. Не царское дело...

В которой главный герой остается один на хозяйстве, принимает опосредованное участие в борьбе за власть в племени и получает в личное распоряжение электрический стул, потом начинает внедрять в жизнь первобытных людей элементы дисциплины и принуждения, причем тренируется на маленьких, и, наконец, привносит в быт прогрессивную технологию

Прошло полгода с того самого времени, как мои соратники в деле созидание Новой Великой Человеческой Цивилизации — именно так, все с большой буквы, дабы невзначай не перепутать с предыдущей «так себе» человеческой цивилизацией, павшей под ударами инопланетных завоевателей — Жека и Ахмед отбыли в даль. Куда-то на юга. Предположительно в сторону Африканского континента. Свое путешествие они аргументировали железной необходимостью посетить места, где по слухам, оставшимся от предыдущей «так себе» человеческой цивилизации, на стыке Тигра и Евфрата в Южной Месопотамии должно было возникнуть первое великое государство — Шумеры. Цель экспедиции заключалась в том, чтобы приобщиться, а по возможности и возглавить этот процесс. Во всяком случае именно так и звучала декларативно заявленная задача, поставленная перед собой этими героями.

Надо сказать, что лично у меня все эти претензии вызывали обоснованное сомнение. Люди, которые за двадцать лет не смогли толком навести порядок в племени, численностью всего-то в сто с хвостиком первобытных людей, собрались на полном серьезе рулить конгломератом городов, население которых на пике своего могущества составляло сотни тысяч человек. К тому же в последний момент выяснилось, что Женка не имеет ни малейшего представления об устройстве Шумер. И для него стало откровением, что речь идет не о централизованном государстве, а о совокупности городов-государств, объединенных единым языком и схожей структурой управления.

На самом деле все это пустое. Судя по лично знакомым мне политикам, тем, из прошлой жизни, до скачка во времени, управлять государством значительно легче, нежели коллективом из пяти сволочных дам, помещенных в одну комнату с табличкой на входной двери: «Бухгалтерия». Так что научиться. Значительно большее опасение вызывал Женкин врожденный топографический кретинизм. Ему удавалось заблудиться даже среди корпусов нашего универа. И это на пятом курсе обучения. А тут надо ни мало ни много в Месопотамию попасть. Причем без поддержки системы геолокации и без наличия самого простого глобуса. Да мне понадобилась почти неделя, чтобы научит этих горе путешественников различать Полярную звезду и вбить в их головы тот факт, что там, где находится эта самая звезда — там и Север. А Юг расположен в диаметрально противоположном направлении.

И что удивительно. Ахмед, который по определению являлся великим мореплавателем, совершившим чуть ли не кругосветное путешествие, добравшись по океану к берегам Европы от места гибели Атлантиды, в этом плане мало чем уступал моему однокашнику. Такой же тупой. Это при том что Женка числился научным гением, да и сам Ахмед, хоть и был поздним ребенком, но за свои первые двести лет жизни кое-чего в Атлантиде достиг. А вот с пространственным воображением у обоих полный затык. Так что боюсь, не видать им ни

Тигра, ни Евфрата. В лучшем случае к берегам Нила выйдут. Хотя и вариант с Уральскими горами я не рискнул бы окончательно отвергнуть.

Опять же и это не имеет никакого значения. Поскольку до возникновения Шумер должно пройти еще как минимум пять тысяч лет. Это в лучшем случае. Если мои друзья не слишком ошиблись во временной привязке.

Так что основным побудительным мотивом этой экспедиции я видел в том, что и Жеке и Ахмету до чертиков надоела рутина племенной жизни. Захотелось развеяться. Опять же Жека клятвенно пообещал привезти мне в подарок эфиопку, с ногами не требующими перманентной эпиляции. Это после того, как я пожаловался на излишнюю волосатость и недопустимый внешний вид женского контингента. Так что пусть погуляют. Может чему и научиться. А я тут пока один на хозяйстве побуду.

Как в том анекдоте про восточного мужчину, который лишившись жены стенал и рыдал в опустевшей квартире: «Один! Совсем один!». Правда вскоре интонация поменялась на: «Один!!! Совсем один!!!» и стенания перешли в темпераментный танец. Не знаю в какой стадии одиночества я ныне пребываю, но склоняюсь, что все же ближе ко второй. Уж больно за те две недели, прожитые в племени совместно с Женькой и Ахметом, меня достал их врожденный жизненный инфантилизм, усугубленный благоприобретенным пофигизмом. Так что когда Вождь и Шаман торжественно объявили народу, что отбывают далеко и надолго, в связи с ответственным поручением от Духов, прилетевшим непосредственно из самих Эмпирей, и оставляют меня в племени за старшего, я разве что платочком вслед не помахал. И то в первую очередь из-за отсутствия оногo.

Пусть себе гуляют. Время еще есть. Очень-очень много времени. Время единственный ресурс в котором мы пока не испытывали недостатка. Уцепившись за слово: «Ресурс», мои мысли плавно потекли в другом направлении.

К тому же окружающая обстановка тому способствовала. Раннее утро. Синее небо. Теплый ветерок обдувает лицо. Я сижу в центре стойбища на своем импровизированном троне, представляющем из себя многотонную гранитную глыбу с удобной выемкой под сиденье и лениво наблюдаю за порядком во вверенном мне племени.

Надо сказать что этот булыжник — один из самых весомых аргументов, препятствующих перебазированию стойбища в другое, более удобное место. Помимо того, что валун необычайно удобен для сидения и я испытываю буквально эстетическое наслаждение, предаваясь лени, неге и размышлениям сидя на нем, мой импровизированный трон приобрел в глазах соплеменников некое сакральное значение. Дело в том, что в отличие от Юрки и Жени я не слишком увлекаюсь демонстрацией эффекта аномальной энтропии. Мало ли что. И народ, значительно улучшивший под моим мудрым управлением рацион питания, начал испытывать недостаток в зрелище. Так вот, валун этот недостаток частично компенсирует.

Все началось с того, что буквально через пару дней после того как Женя и Ахмет отправились на юга, в племени сложились объективные условия для внутреннего переворота. Мой авторитет еще не достиг должного уровня, канонические Вождь и Шаман отбыли в неизвестном направлении, а воспоминания о моем маваше гери в челюсть Лохматому, как-то выветрились из памяти у широкой общественности. К тому же этот удар ну никак не мог тянуть на Божественное Откровение. Та же дубина в умелых руках позволяла добиться значительно большего эффекта.

Именно Лохматый, занимающий до моего появления в местном табеле о рангах третью

строчку, сразу после Вождя и Шамана, и решил посягнуть на мою власть. Незадолго перед вечерним коллективным приемом пищи, когда в стойбище присутствовала большая часть населения, Главный Охотник дождался момента, когда я встану со своего места с тем чтобы подойдя к костру осуществить пробу, на предмет готовности туши кабана на вертеле, и приступить к справедливому распределению пищи. Процедура совершенно необходимая, поскольку в противном случае меньшая часть населения племени к ночи стала бы маяться животом от переедания, а большая, испытывая чувство голода, обгладывала бы кости, оставшиеся от трапезы удачливых соплеменников. Несмотря на все ухищрения Юрке и Жене так и не удалось внедрить в общественное сознание принципы братства, равенства и справедливости. В основе взаимных отношений лежало кредо: «Кто сильный, тот и прав». Нет, это вовсе не значило, что даже будучи пущенным на самотек принцип распределения пищи привел бы к голодной смерти отдельных особей. Были и другие регуляторы, балансирующие этот момент. В том числе, как не странно, и чувства симпатии и антипатии.

Но я несколько отвлекся. Возвращаясь к моему седельному камню.

Лохматый, дождавшись момента, когда я встану, тут же за моей спиной угнезвился своим задом на булыжник и громогласно, во всеуслышание сделал заявление. Я пока еще не слишком хорошо понимал разговорную речь своих соплеменников. Несмотря на то, что в ее основ лежал знакомый мне язык, наличие непредусмотренных в нормальной речи множественных шипящих, свистящих и булькающих звуков, делал ее для меня не слишком понятной. Но смысловой контекст, произнесенного Лохматым, был очевиден. Сводился он к следующему тезису: «Командиров нам не надо, атаманом буду я». Признаться я несколько растерялся, не слишком понимая, как в этой ситуации следует поступить. Скорее всего нужно было броситься на Лохматого с кулаками, а там куда кривая выведет, уповая на эффект аномальной энтропии. К сожалению, в отличии от моих институтских друзей, у меня был не слишком-то богатый опыт общения с этим эффектом. Он ограничивался всего-то одним прецедентом с орлом- птеродактилем. Не удивительно, что я затупил. По-видимому, аномальная энтропия заподозрила, что ситуация представляет для меня определенную угрозу, и решила не полагаться на меня вообще. Валун мгновенно зарядился статическим электричеством киловольт этак до двадцати, по моим прикидочным оценкам, после чего Лохматогошибануло самой настоящей молнией, только не с небес а из булыжника. Да так, что он отлетел метров на десять — думаю что причиной полета стала не кинетическая энергия плазмы, а рефлекторное сокращение всех мышц — и приземлился на траве в клубах дыма от тлеющих шкур, используемых в качестве одежды. Опять же непонятно, что привело к возгоранию, То ли сам электрический разряд, то ли то, что в своем полете Лохматый пересек пламя костра, сбив по ходу дела вертел, на котором жарился кабан.

К счастью, как сам Лохматый, так и ряд других доморощенных экспериментаторов, оставались в живых после попытки усесться на мой трон. Последний приобрел совершенно не задокументированное для гранита свойство, бить током всякого, кто попытается на него сесть. Естественно, за исключением меня.

С того дня отношение ко мне в племени радикальным образом поменялось Никто более не претендовал на верховную власть. И это тем более странно, что по моим наблюдениям мои соплеменники обладали отменно короткой памятью, и события недельной давности с трудом сохранялись у них в мозгу. А уж о способности к выявлению и анализу причинно следственных связей и говорить не приходится. Так что я вполне допускаю, что именно мой трон и был главным божеством племени, в любой момент электрическим пинком под зад

способный подтвердить свою состоятельность. А я воспринимался соплеменниками не иначе как Бобик, который тут просто пописать пришел, и силою непонятных причин допущенный к верховному божеству личной жопой.

Со временем испытание электричеством стало ритуалом, входящим в перечень мероприятий для молодых людей, претендующих на то, чтобы стать взрослыми.

Я потом долго думал, как все это, в том числе и электрический булжник избирательного воздействия, соотносится с физическими законами бытия. Потом махнул рукой, вспомнив Шекспировского Горация и мудрецов, которым плохо спалось....

Сегодня какой-никакой юбилей. Пол года, как я самостоятельно руковожу племенем. Чем не повод подвести промежуточные итоги. Именно этим я и решил заняться, усевшись на свой электрический стул.

Жизнь вокруг кипит. Охотники еще затемно отправились на лося. Хотя не удивлюсь ежели притащат пару оленей, кабанов или вообще пещерного медведя забьют. С ними не угадаешь. Очень плохо эта сфера деятельности подлежит планированию. Единственное, чего я добился за эти пол года, так это того, что вместо одного отряда охотников, возглавляемого Лохматым, в племени насчитывалось уже три таковых. И лидеры каждого из них отчаянно соревнуются между собой за звание Лучшего Охотника Месяца. Так что снабжение мясом племени существенно улучшилось. Вопрос пьянства на стороне тоже временно снят с повестки дня, поскольку на те отряды, которые не выполняют охотничьи нормативы, я накладываю штрафные санкции в виде недельного перевода на подсобнохозяйственные работы. И никакой охоты. Тут уж не до пьянства. Если конечно не хочешь оказаться объектом для шуточек всех местных кумушек.

Ребятня от четырех до десяти лет в полном составе занималась на песке рядом с рекой физическими упражнениям. Те кто постарше уже считаются взрослыми и по моим прикидкам перевоспитанию не подлежат.

Обязательную утреннюю часовую физзарядку для детей этой возрастной категории я с помощью кнута и пряника ввел в обиход племени. Сам понимаю, что глупость несусветная. И хотя детишки делают вид, что изучают отдельные элементы боевых искусств в виде руко и ного дрыжества, толку от всего этого им в реальной жизни ноль. Поскольку в случае реальной драки с другими неандертальцами, бить дубиной и копьем оно все же сподручнее, нежели руками и ногами. А физической нагрузки детишкам, в условиях природной среды обитания, и так с головой хватает. Это вам не поколение ожиревших геймеров. Тут для того, чтобы нарастить лишний килограмм на животе нужно ого-го как потрудиться.

Вводя обязательную физзарядку я ставил в долгосрочном плане совсем другую задачу, нежели физическое развитие. Мне важно было внедрить в сознание детей, что существует такое понятие как дисциплина. Без этого понятия социальная эволюция невозможна. Надумай я сейчас ввести общеобразовательные уроки, рассказать детям об устройстве мира или научить читать и писать, да вся эта мелкотня разбежится по кустам, так что фиг кого найдешь. А образование необходимо. Но это все потом. Пока внедряем у младшего поколения навыки дисциплины.

Сначала беспокоился, что не удастся найти для этих целей добросовестного наставника. Ну не самому же с детьми возится. Мне бы сюда какого-нибудь сержанта Петренко, с его рефлексам таскать круглое и катать квадратное от забора и до обеда. Но и так хорошо. Тот самый пришлый Абдула, из примкнувших к племени рыжих карликов каннибалов, вполне справляется с молодежью. Ничуть не хуже гипотетического сержанта Петренко. Наверное

работа с подрастающим поколением у всех людоедов в крови. Не зависимо от общественного строя, в котором они живут.

Пока я любовался детишками ко мне подошла Любава, именно так я для себя решил звать нынешнюю и всех последующих своих пассий, с чашкой ароматного напитка в руках.

Поймал себя на мысли что в одном предложении допустил сразу несколько принципиальных неточностей. Во-первых, чашкой, то что Любава держала в руках назвать можно было с большим трудом. С классическим фаянсовым изделием, я уж не говорю о фарфоре, этот продукт первобытной технологии связывало разве что то, что он, как и любая чашка, был изготовлен из глины, а потом отожжен в печи. И снова неточность. Печь мы еще не построили. Просто глиняные поделки опускаем в костер, который приходится поддерживать несколько дней подряд. И тем не менее, пожалуй эта глиняная фиговина — самое большое мое достижение за прошедшие пол года. Буквально эпохальное. И это совершенно серьезно, без кривляний и сарказма. Глиняное подобие посуды позволило племени перейти на принципиально новый вид питания. До сих пор в его основу была положена жареные, печеные, а иногда и просто сырые продукты. Теперь мое племя научилось варить еду. Я и сам, признаться, сначала не оценил, какие перспективы это открывает. Осознал лишь после того, как впервые за долгое время стал хлебать из глиняной плошки нечто напоминающее хаш. Бульон и вареное мясо сдобренное многочисленными корешками. И тут же осознал, что шашлык, пусть даже и из мяса собственноручно забитого тобою мамонта, приедается буквально за два-три месяца.

Глава десятая. Сидел он дум великих полн...

Глава десятая. Сидел он дум великих полн...

В которой главный герой продолжает размышлять о бренности бытия и о том, что все совсем не так, как должно быть по фуншую, а в конце становится жертвой любимой девушки.

Изготовление глиняных поделок помимо прочего позволило мне сделать колоссальный шаг вперед в части в получения приличествующей всякому джентльмену чашки утреннего кофе. Хотя эти самые джентльмены, из числа ортодоксальных, истинно Англицких, судя по литературным источникам, предпочитают по утрам пить чай, а не кофе. Тьфу на них. Мне тоже кофе не скоро светит. Разве что Женька догадается привезти из Эфиопии саженцы кофейного дерева. Ха-Ха-Ха. Это у меня шутка такая. И вообще сегодняшнее утро располагает к низкопробному юмору. Типа того над которым угорают любители Петросяна и Задорного. Прошу не путать с фанатами Жванецкого. А что еще остается делать, ежели настроение стремительно падало вниз, мгновенно проскочив уровень плитуса и приближаясь к горизонту, в котором превалировала раскаленная магма.

Причиной тому стала моя не слишком разумная идея подвести промежуточный полугодичный итог собственной созидательной деятельности на благо построения Великой Человеческой Цивилизации в отдельно взятом племени неандертальцев. Если быть откровенным, то итоги этой самой деятельности можно охарактеризовать одним словом — ноль. Ну или двумя, тогда выбор поболее будет: «Абсолютный ноль», или «Ноль без палочки». Хотя если считать предлог «без» отдельным словом, то «Ноль без палочки» состоит из трех слов.

Давно заметил, что мозг редкостный мошенник, и всегда находит массу отвлекающих мыслей и надуманных проблем, лишь бы не думать о том, о чем думать не хочется. Так и я сейчас занимаюсь совершенно бессмысленным подсчетом слов в совершенно незначащих фразах, вместо того, чтобы признать свое полное фиаско.

Конечно, на первый взгляд определенное продвижение на пути прогресса присутствует. Взять для примера ту же Любаву, которая с утра вскипятила мне на костре в глиняной плошке воду — еще тот квест должен вам сказать — потом набросала туда собственноручно собранные листья смородины и ягоды земляники и сейчас, обмотав руки кусками шкур, вместо асбестовых перчаток, несет мне все еще горячую плошку с этим пойлом, долженствующую заменить утреннюю чашку кофе. Чем не прогресс. Опять же сама Любава сегодня с утра выглядит необычайно свежо и невинно. И даже ее волосатые ноги, выглядывающие из-под туники, ну туника эта так, обобщенный образ, скорее панчо, накидка с дыркой посредине и парой ременных завязок в нужных местах, на основе волчьих шкур — мой личный дизайн, писк первобытной моды и предмет лютой зависти всего остального племенного женского коллектива — не раздражали меня больше обычного.

Спрашивается зачем я девушку Любавой назвал. Тем более, что она сама отзывается, как правило, на нечто среднее между Йо-Йо и Гу-Гу.

Захотелось чего-то этакого. Кондового и домотканого. Нет чтобы назвать свою пессию Марго. Хотя Марго, пожалуй перебор. В условиях материализации чувственных идей вполне можно нарваться на садо-мазо с пещерным уклоном. А вот эта самая материализации начинает тревожить меня все больше и больше. Мало мне индивидуальных неприятностей с

эффектом аномальной энтропии, но возникает тревожное ощущение, что этот эффект постепенно расползается по сторонам, затрагивая и других, непричастных к скачку во времени разумных. Иначе как еще можно объяснить тот факт, что та же Любава, свалившись с двадцатиметровой высоты, после неудачной попытки полакомится медом диких пчел, соорудивших улей чуть ли не на вершине столетнего дуба, и коллективно атаковавших не слишком умную любительницу сладкого — после чего прыжок вниз показался девушкам лучшим выходом из ситуации — просто почесала ладонью ушибленное место в районе ягодич, скорчила умильную гримасу и предложила своему папику, то бишь мне, разобраться с обидчиками.

Папик, это такая же условность, как и Любава. Просто не всегда хватает адекватных терминов из цивилизованной жизни, чтобы описать сексуальные отношения, царящие в племени. Так что пусть лучше будет: «Папик», нежели бледный рыцарь с постоянно торчащим нефритовым жезлом, трахающий все что шевелится. Такое описание больше бы подошло Ахмету. Разве что бледный необходимо заменить на рыжебородый и нефритовый жезл увеличить до размеров дубины.

Опять я отвлекся. Мозг категорически отказывается думать в конструктивном русле и всячески избегает неприятных для него, то бишь для меня, тем. А ведь я уже две таковые обозначил. Во-первых, подведение промежуточных итогов. Во-вторых, только-что затронул тему, в стратегической перспективе грозящую самыми непредвиденными последствиями. Это расползание эффекта аномальной энтропии. Ежели таковое не плод фантазии моего разгоряченного ума, то вполне допускаю, что лет через сколько-нибудь здесь появятся супергерои в красных трусах, надетых сверху на комбинезон — летающие по небу и пуляющие фаерболами с обеих рук.

А если не ерничать, то как бы и на самом деле не произошла подвижки в физическом континууме, в результате действий то ли тех же инопланетянин, то ли вызванные нашими экспериментом, и в перспективе допускающем появление чего-то такого, что по своим фенотипическим признакам можно отнести к проявлению магии.

В этом случае напрашивается неутешительный вывод о том, что Земля, в которой мы сейчас живем, имеет весьма опосредованное отношение к той Земле из которой наша институтская тройца совершила свое погружение во времени. И еще более неутешительное возможное следствие из этого вывода: «А замкнется ли темпоральная петля, в которую мы попали, после того как абсолютное время совпадет с точкой начала отсчета погружения».

Несколько заумно, но суть понятна — станем ли мы снова обычными Васями и Петями, или так и будем навсегда влачить жалкое существование бессмертной жизни. До того самого момента, когда Вселенная в очередной раз не схлопнется в точку. Впрочем, до этого момента — превращения Земли обыкновенной в Мир Меча и Магии еще дожить надо и при этом сохранить хотя бы относительную адекватность И вообще, пусть об этом у Женьки голова болит. Все-таки он у нас физик, или просто погулять вышел. Ему и карты в руки.

Сознание тут же воспользовалось словами маркерами: «Погулять» и: «Карты» для того чтобы сбить меня с магистрального пути и начало думать о гипотетических перипетиях прогулки на юга Жеки и Ахмета в условиях отсутствия карт.

Правда я его тут же самым решительным образом одернул зарвавшееся подсознание, завершил размышления об расползании эффекта аномальной энтропии, оставив все на потом своему однокашнику, и сосредоточил все наличные умственные ресурсы на главном — подведение итогов.

Итак:

статус непререкаемого авторитета, особы приближенной к электрическому стулу, силою обстоятельств превознесенного в божественный ранг я приобрел — ставим «пщицу».

формирование трех охотничьих отрядов, промежуточное решение продовольственной проблемы в части снабжения племени мясом — в актив

внедрение элементов дисциплины в племени, утрення физзарядка у будущих школьников — ну, с определенной натяжкой, принимается

внедрение в быт передовых технологий в виде производства глиняной посуды и, самое главное, сосудов, предназначенных для долговременного хранения пищевых продуктов — это круто

ну и жемчужина моей коллекции достижений — существенное расширение меню племени, ранее включающее в себя исключительно жаренную пищу, а теперь дополненное супами и горячими — не путать с горячительными — напитками.

Если использовать для подсчета моих достижений пальцы рук, то не так и плохо получается. Считай вся правая, ну или левая рука, задействована.

К сожалению, теперь, для сохранения баланса, необходимо прикинуть, а что же из самого насущного, не терпящего ни малейшего отлагательства, следует немедленно осуществить. Боюсь, что самый краткий перечень потребует не только загибания пальцев на руках и ногах у меня самого, но и подключения конечностей Любавы, а в последствии и остальных ста двадцати трех соплеменников.

Так что остается утешать себя разве что банальным: «Сколько не сделано, а сколько еще предстоит не сделать!»

И таки да. Несмотря на ранее декларируемое мною: «Люди наше все», численность племени за это время возросла всего-то на пятнадцать человек, причем исключительно за счет деторождаемости. При том, что естественная убыль, случившаяся, в ходе неудачного столкновения с пещерным медведем, — эти твари должны были вымереть еще сто пятьдесят тысяч лет тому назад, вот и верь после этого ученым- составила три половозрелые особи. Как тут не вспомнить Воланда:

— Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!

Это я не в качестве демонстрации собственной эрудиции вспомнил. А в качестве психотерапии. Поскольку воспоминание о том случае вызывает у меня чувство неконтролируемой злобы и желания лично, своими руками, прибить этих дебилов, своих соплеменников, которые красуясь друг перед другом, устроили этакое соревнование — кто из них в одиночку сможет завалить пещерного медведя. В результате парных соревнованиях тет-а — тет медведь задрал троих, а потом решил, что на сегодня свою норму выполнил и благополучно удрал. Предполагаю, что IQ пещерного медведя значительно превосходило суммарные умственные способности всей группы охотников. Нет, я понимаю, когда мужики, пусть даже и доисторические, своими причиндалами меряются, пытаясь завоевать расположение дам. Но ведь в том случае ближайшая дама располагалась километрах в пятидесяти. К тому же, судя по нравам, царящим в племени, ни одной из особей противоположного пола даже в голову не может прийти мысль о возможности отказать в чем-то потенциальному половому партнеру. А уж до феминизма еще жить и жить.

Ладно, я снова отвлекся, «человеки» и их количество, не говоря уж о качестве — большой вопрос. Одним словом человеческий ресурс — наше все.

Есть у меня определенное соображение по этому поводу. Все надежда на зиму. Судя по рассказам Жени и Ахмета, ближе к весне жить становится голодно. И даже очень голодно.

Отталкиваясь от информации, предоставляемой охотниками, да и исходя из личного опыта — пытаюсь как можно чаще уходить с охотниками в дальние походы, раз в неделю на два три дня в обязательном порядке — в округе радиусом километров под сто проживает достаточно большое количество небольших по количеству групп. Численностью от десяти до тридцати разумных. Специально не использую термин «человек». Поскольку среди дикарей встречаются как кроманьонцы, так и ярко выраженные неандертальцы. Хотя с моим ущербным палеонтологическим образованием, вернее полным отсутствием такового, я вполне неандертальца с австралопитеком спутать могу. А то и с Тираннозавром Рексом.

Так вот небольшая численность отдельных групп наверняка связана с дефицитом питания. Пищевой потенциал контролируемой зоны, ограничивает рост населения. Наше племя побольше в несколько раз, как раз в силу того, что мои друзья, при всей их врожденной безалаберности, смогли худо-бедно решить продовольственную проблему. Так что к весне кое какие запасы сохранялись. Не то чтобы густо и разнообразно — соленая рыба, да засохшие коренья — вот и все, но от голоду не сдохнешь.

Я же решил к зиме создать излишки продуктов, с тем чтобы перетащить в племя несколько свободных группировок. Когда те от голода на любые условия согласятся.

Для чего женщины половину добытого мяса нарезают полосами — должен сказать что каменными ножами они владеют виртуозно- потом отбивают его в тонкие ленты, сушат на солнце и складывают в большие глиняные горшки, предварительно засыпав солью и залив сверху топленным жиром. Надеюсь эта штука не протухнет к тому времени, когда придет время распечатывать стратегические запасы. Помимо сушеного мяса коптим окорока, детишки вершами ловят рыбу для засолки. Забыл в число своих личных достижений занести то, что научил одного калеку плести эти самые верши из лозы. Короче жизнь кипела. Кто горшки лепил, кто рыбу ловил, кто за оленями бегает, кто, как Любава, мне чаек заваривает, а я тупо, без калькулятора, пытался посчитать калорийность пищи и необходимый прожиточный минимум. В тех же калориях. По всему выходило, что если будем продолжать в том же темпе, то к весне сможем спокойно прокормить человек триста.

Правда остается открытым вопрос, а что помешает пришлым откормиться на наших харчах, а к лету снова отправится в автономное плавание. Но тут я больше уповал на воздействие на неокрепшие первобытные умы чуда электрического стула. И продумывал концепцию идеологической обработки населения.

Но по этому направлению хоть что-то наклеивается. А в остальном полный голяк.

Надо срочно из каменного века перебираться в бронзовый, не говоря уж о железном. Иначе не видать мне своего замка с донжоном в ближайшие сто лет, как своих ушей. Вот только для бронзы нужна как минимум медь. А я из географии природных ископаемых знаю, да и то предположительно, доступное месторождение расположено в районе Днепровских порогов, а оттуда до реки Ингулец совсем рядом. Километров 150. Да и Донбасс с его углем — по ходу налево.

Опять же, найди я все эти богатства, не факт что смогу что-то путное без доменной печи выплавить. А ее из глины точно не слепишь, даже с учетом возросшей квалификации моих изготовителей чашек, плошек и горшков. Так что тупик. Говорят, надо болотную руду искать, вот только лично у меня ничего путного кроме комарья и многочисленных лягушек, на болоте найти не удалось. Плохой из меня геолог получается. Рано мне еще осваивать

железорудные месторождения. Так что в этом направлении полный тупик.

По хорошему надо переходить от охоты и собирательства к земледелию. Вот только каменными топорами лес не вырубить и почву не вспашешь. Опять все упирается в отсутствие инструментов. Короче, работать нечем и некому. Замкнутый круг. Надо подумать, может быть пойти по пути кочевников животноводов. Завести необъятные стада коз овец, лошадей и верблюдов. И двигаться перегоняя отары с одного места на другое, не испорченное цивилизацией. А по ночам любоваться звездным небом и изучать астрономию. Опять же все кочевники на определенном этапе развития становились главными завоевателями. Тоже плюс. К тому времени как доберемся в район Средней Азии, может быть уже и найдется кого завоевывать.

Правда первый шаг на этом пути окончился для меня фиаско. Пару козлят, которых я лично выкармливал пару месяцев подряд, с целью последующего одомашнивания, какой-то гад украл и сожрал. Позже Йо-Йо, она же Любава, указала мне пальцем на этого гада. С тех пор он каждую неделю, в воспитательных целях, усаживается на электрический стул, своим примером демонстрируя соплеменника, как высокую эффективность божественного артефакта, так и принцип неизбежности наказания. Побочным эффектом всего этого, стало то, что охотники перестали приносить в племя туши диких коз. Ну да ладно Это пустое. Я сейчас воспитываю пару волчат. Боюсь, что поговорка: «Как волка не корми...», возникла не на пустом месте. Нужно искать диких собак. Только, похоже в местной ойкумене они не водятся. Надо было Жеке и Ахмету заказ сделать.

Ладно, хватит тоску страдать. Пора и к чаепитию приступить. Любава извелась все, пытаюсь всучить мне плошку с горячим напитком и одновременно стараясь не отвлекать меня от тягостных раздумий. Все-таки деликатная девушка. Надо будет ее поощрить.

Интересно, надолго ее так хватит.

— Мать твою! Какой поощрить. На конюшню и розгами. Нет! Наэлектрический стул. Каждый день, перед завтраком.

Эта дура умудрилась ошпарить меня кипятком.

Впрочем вскоре мне стало не до претензий к Любаве. Наметилась гораздо более серьезная проблема.

Глава одиннадцатая. Нас Рать

Глава одиннадцатая. Нас Рать.

В которой главный герой присутствует при эпической битве и не может понять, как ему следует поступить в сложной стратегической обстановке, при этом по ходу дела отвлекается на многочисленные и совершенно ненужные рассуждения, а в заключении испытывает шок от арифметики.

По стойбищу растекалась паника. Этаким волной, сначала не слишком-то и угрожающей, а буквально за несколько минут превращающейся в сокрушительное цунами, способное снести все стоящее на ее пути. В первый момент встрепнулись детишки закончившие свой обязательный физический — дисциплинарный минимум под руководством Абдулы, заключающийся в ного и руко дрыжестве, причем не как кому на душу придется, а исключительно строем и по команде.

Детишки перешли к водным процедурам, сопровождающимися взвизгами и полной анархией, а их мудрый наставник, в соответствии с регламентом, поковылял к своему вигваму, где с чувством исполненного долга устроившись на пороге жилища собирался в ближайшие пару часов предаться отдохновению.

Хотя я категорически не одобрял любое проявление безделья со стороны членов общины в светлое время суток и всячески пресекал его, существовало два исключения. Вернее одно. Нельзя же на самом деле думать, что когда я часами сижу в центре стойбища на своем троне и попиваю чаек, размышляя о бренности бытия, я ничего не делаю. Нет ничего более ответственного и утомительного, нежели беспокоиться о благе своих сограждан. Эту мысль я усвоил еще из той, прежней жизни, когда по молодости подвизался на поприще политики. А потом развил ее и адаптировал к реалиям своей институтской должности завлаба. Хоть коллектив лаборатории и состоял всего-то из семи человек, но каждый из них требовал участия и заботы. Еще те затейники. Глаз да глаз за ними нужен был.

Вот этот опыт я и перенес на работу с вверенным мне коллективом в новых исторических условиях.

Так что с полным основанием можно утверждать, что в племени числился только один официальный бездельник. Абдула. И то исключительно в период продолжительностью от силы часа два.

Конечно, можно было бы и эти два часа использовать на общественно полезный труд. Но уж больно успокаивающе, я бы сказал умиротворенно, действовал на меня вид Абдулы медленно погружающегося в нирвану. Так что, если быть до конца откровенным, я не об комфорте этого доисторического сержанта Петренко беспокоился, а формировал свое личное уютное жизненное пространство, включающее гвалт и суету повседневной племенной жизни, услужливую Любаву и отрешенного от бренности бытия Абдулу. Временами в голове мелькала предательская мысль, что мне все это определенно нравится. И может быть не стоит суетиться и рвать жилы в попытке как можно быстрее построить общество, символом которого можно с уверенностью назвать выхлопную трубу. А просто расслабиться и получать удовольствие. Ляпота. Впрочем отсутствие пива и чипсов, а так же, предположительно, злобные ухмылки инопланетян, расстреливающих Землю из плазменных пушек, на корню душили эти пораженческие настроения.

Несмотря на то, что «наши» еще до Америки не добрались, вредная привычка в виде табакокурения силами моих коллег погруженцев проникла и сюда. Правда в связи с отсутствием оригинального табака сортов Virginia или Burley, последний был заменен эндемическим суррогатом.

И я не на секунду не удивился, когда обнаружил, что в качестве лучшей замены заморскому зелью была признана конопля обыкновенная. Произрастающая в округе в неограниченных количествах. Решив не заморачиваться еще и борьбой с наркоманией, тем более что подобная слабость не получила широкого распространения, зацепив в свои сети самого Абдулу, как нарика по убеждению, Ахмета — в соответствии с занимаемой должностью шамана, да Юрку с Жекой — под настроение, я махнул на это рукой. Держа в уме тот факт, что трава не только средство для расширения сознания, но и прекрасный материал для производства домотканой одежды и корабельных канатов. Но это на потом, когда океанские шлюпы станем на воду спускать.

Так вот, Абдула раскурил свою составную трубку, сделанную с невероятным изяществом из полых костей какой-то птицы, по-моему дрофы. И это с помощью всего-то каменных инструментов. А потом в ожидании коллективного завтрака погрузился в нирвану.

Двухразовое питание это тоже моя заслуга. Утром любой желающий мог зачерпнуть из котла плошку наваристого бульона, который готовился в огромном глиняном котле. Даже не котле, а монструозном сооружении, напоминающем столитровую бочку стационарно стоящую на постоянной основе в центре костра. Туда заливалась вода и с утра бросались куски мяса и рыбы вместе с костями, добавлялись корни, и все это медленно варилось. Процедура очистки бочки от остатков костей осуществлялась раз в неделю, для чего приходилось гасить костер и чистить бочку от залежей, скопившихся за неделю на дне. При этом треснувшие стенки сосуда дополнительно укреплялись новыми порциями глины, так что толщина этих самых стенок стремительно росла, что приводило к снижению теплопроводности и соответственно к дополнительным затратам топлива на разогрев жидкости в этом кухонном монстре. Зато повышенная теплоемкость гарантировала медленное остывание варева. Наблюдая за этим еженедельным извратом, я впадал в депрессию и готов был бы многое отдать за самую обыкновенную столитровую металлическую бочку из под масла фирмы Shell. Да за такое и половиной племени не жалко пожертвовать. Естественно, той половиной, в которую не входит Любава.

Основной же прием пищи из жаренного на костре мяса и прочих доступных деликатесов осуществлялся ближе к ночи. Вот там-то в распределении пищи и доминировал принцип: «Каждому по заслугам». Причем степень заслуг определял я сам. Единолично.

От наблюдения за расслабленным Абдулой, обычно приводящее меня в хорошее расположение духа, меня отвлекла сначала Любава, опрокинувшая кипятком мне на грудь, а затем тревожные крики ребятни со стороны речки. Как всегда, когда дело доходило до чего-то важного, мои соплеменники переходили с более-менее внятной и привычной мне речи, насильно внедряемому у в обиход Жекой и Юрой последние двадцать лет, к доисторическому диалекту, состоящему преимущественно из односложных слов и смысловых интонаций. Диалекту, который я категорически был не в состоянии усвоить. Мне из всей массы выкриков удалось вычленивать разве что: «Бо-Бо», что в переводе на знакомый язык должно было означать то ли: «Большая Вода», то ли человек нетрадиционной половой ориентации. Нечто подобное я испытал когда-то в Таиланде, когда после попытки заказать в местном баре бутылку светлого Лагера оказался в номере гостиницы в окружении троицы

агрессивно настроенных девиц.

Поскольку все все понимали за исключением меня, а паника усиливалась буквально на глазах, причем причина происходящего оставалась для меня полно тайной, решил обратиться за разъяснением к Любаве. Девушка застыла соляным столбом ровно напротив меня с ярко читаемым выражением ужаса на лице. Я даже решил ее не очень сильно наказывать за пролитый чай. Разве что ночью два-три раза. Впрочем, вряд ли предполагаемое наказание будет ею оценено как таковое. Зная темперамент юницы как бы самому не стать жертвой оного.

— Любава, что случилось? — дернул рыжеволосую красавицу за подол туники. Ноль реакции. Попробуем быть ближе к народу. Все-таки ситуация мне чем дальше, тем больше не нравится. Одно дело, когда все вокруг кричат и паникуют просто так и совсем другой коленкор, когда Абдула выронив изо рта свою трубку попытается привстать опираясь на боевую палицу. И это после забористого косяка.

— Йо-Йо, мать твою за ногу, кончай изображать из себя Медузу Горгону после встречи с Персеем и скажи, что случилось? — заорал я на Любаву. Подействовало. Правда вразумительного ответа я так и не добился, но рыжая вытянула руку вперед и указующим жестом, сопровождаемым коротким: «Там» привлекла мое внимание к источнику беспорядка.

Все было совершенно очевидно. Просто до этого момента я не удосужился повернуться по направлению приближающейся угрозы. А там было на что посмотреть. По водной речной глади наперегонки друг с другом мчались три пироги — и я вовсе не оговорился, самые настоящие пироги — в каждой из которых находилось до десяти самых настоящих индейцев. Возможно и не индейцев, а аборигенов Папуа Новая Гвинея. Это не очень принципиально. Поскольку расстояние, что от Америки, что от Австралии до Европейского континент, на котором, предположительно, мы в настоящее время пребывали, составляло фиг знает сколько километров и преодолеть что Тихий, что Атлантический океаны на пирогах представлялось проблематично. Так что я, после непродолжительного размышления, списал наличие перьев в волосах и ожерелий из раковин, попеременно с ушами, на шеях у неожиданных гостей на закон конвергенции. Это когда все людоеды схожи между собой, независимо от места проживания.

Суда по всему, пришлые были настроены самым решительным образом. О чем свидетельствовали азартные крики и размахивания копьями теми из них, кто не принимал непосредственного участия в гребле веслами.

Еще и часа не прошло, как я самодовольно утверждал, что наше племя — самое большое племя в округе, ну во всяком случае на территории местной Ойкумены. Ага. А наши слоны самые мясистые. Аж целых сто двадцать три особи, из которых часть индивидов точно можно отнести к числу разумных. В том числе и два десятка зрелых профессиональных охотников. По совместительству, при необходимости, воинов.

И что мы имеем на текущий момент. Племя атакует туева хуча индейцев-папуасов, предположительно каннибалов, судя по ожерельям из ушей и скальпам, служащим дополнительным декором в одежде отдельных агрессоров.

Интересно, откуда они нарисовались. Ну не из-за океана же приплыли, на самом-то деле. Должен признаться, что разведка, отвечающая за исследование прилежащих территорий проявила себя с самой худшей стороны. Когда закончится эта заварушка, надо будет назначить ответственного за это направление и сурово его вздрючить за допущенный

прокол. А так и душу не на ком отвести. Не себя же, любимого, ругать за упущение.

Блин, вооруженный отряд захватчиков численностью без малого тридцать человек. Это же надо такое прошляпить.

А у нас все воины-охотники в данный момент находятся в служебных командировках, на охоте, и в наличии всего-то три половозрелых мужчины. Да и стойбище я до сих пор и не удосужился частоколом обнести. Хотя в данном случае это бы не сыграло никакой роли. Поскольку защитники представлены всего-то мною, Абдулой и дедом Мазаем. Так я для себя называл мутного калеку преклонного возраста, прихрамывающего на обе ноги. Мазай специализировался на изготовлении орудий из камня. Как то: наконечников для копий, эрзацев ножей и самых разнообразных скребков, в непомерном количестве расходуемых женщинами в бытовых целях.

Все остальные — женщины и дети.

Хоть времени и прошло всего ничего, но двое из трех защитников уже готовы встречать нападающих во всеоружии. Абдула наконец-то принял вертикальное положение и начал угрожающе размахивать дубиной, а Мазай вооружился такой доисторической глефой. Раньше ничего подобного не видел. К метровой деревянной рукояти крепилось метровое же каменное обсидиановое лезвие. Достаточно широкое, с ярко выраженным зазубренным краем. Наверняка необычайно хрупкое, исключительно тяжелое и смертельно опасное. Что называется оружие последнего шанса. Поскольку гарантированно развалится на составные части после первого же удара. При всей твердости вулканического стекла, его хрупкость ничуть не меньше, чем у стекла обыкновенного, к тому же каленого. Правда этот недостаток совершенно не помешает гарантированно прикончит жертву с этого самого первого удара.

Надо бы и мне чем-нибудь вооружиться. А то неудобно как-то получается. Надо сказать что я попервах не слишком-то серьезно отнесся к угрозе со стороны пришлых. Слишком уж полагался на эффект аномальной энтропии. Понимая, что серьезного ущерба папуасы мне нанести не могут.

В таком благодушном состоянии я прибывал целую минуту, ровно до того момента, когда захватчики сходу выскочили на берег и начали хватать разбегающихся во все стороны женщин.

Дети, руководствуясь командой Абдулы, к этому времени скопом скрылись в лесу. Все-таки не напрасно я внедрял принцип безусловного выполнения команд. Да и сержант Петренко проявил себя с лучшей стороны и возглавил оборону, сконцентрировав все наличные силы в лице самого себя и деда Мазая вокруг меня.

А вот я продолжаю тупить. Не очень понимая, что же в этой ситуации надо делать. И хотя самому мне ничего не угрожало, но лишится главного достояния племени, его людей, значит быть отброшенным на многие десятилетия назад. Это стало бы настоящей катастрофой. Опять же как я товарищам, доверившим мне племя, стану в глаза смотреть.

К тому же выработке правильного решения препятствовали и не слишком понятные для меня действия захватчиков. Уж больно аккуратно они обходились со своими жертвами. Так, в худшем случае легонько по башке стукнут древком копья или дубиной, после чего сомлевших потерпевших группа заготовителей отгаскивала к пироги, где и грузила тела навалом. И уж ни в какие ворота не лезло поведение самих женщин. Вместо того, чтобы оказывать нападающим яростное сопротивление или на худой конец вслед за детьми скрыться в лесу, жертвы похоже сами подставлялись под удары. Одна особенно настойчивая леди далеко не первой молодости, и если мне не изменяет память отличающаяся

удивительно скверным характером, по имени Ко Бо — похоже Бо это на местном диалекте признак всего не слишком приятного, типа Fack в английском — трижды пыталась попасть под удар дубины, а когда это у нее не получилось выхватила палицу из рук обалдевшего от такой наглости захватчика и сама себя стукнула по голове. После чего аккуратно свалилась к его ногам не выпуская дубину из рук.

К числу третьего фактора, превращающего все происходящее вокруг в картину полного абсурда, помимо странного поведения агрессоров и не менее странной реакции женщин, можно было отнести и реакцию моих товарищей по оружию.

Мазай, усевшись на один из семи бульжников, расположенных в ряд ровно напротив моего трона и служащих таким аналогом Круглого Стола — именно здесь я время от времени проводил совещания с племенной элитой — с любопытством наблюдал за разыгрывающейся драмой, демонстрируя всем своим поведением абсолютное миролюбие. Даже свою каменную глефу ногой отодвинул куда подальше. Компанию ему составил Абдула, водрузивший свой зад на соседний бульжник и пытающийся заново раскурить свою трубку, предусмотрительно захваченную на битву. По ходу дела защитники племени устроили такой спор на предмет — прихватят ли агрессоры с собой в пирог Ко Бо или эта склочная баба самостоятельно и нелегально попытается проникнуть на транспортное средство захватчиков. Надо сказать что это спокойствие выглядело вполне оправданным, поскольку индейцы-папуасы старательно и демонстративно обходили то место, где располагалась наша тройка племенных охранителей и примкнувшей к ним Любавы. Вторым поводом для спора между Мазаем и Абдулой стали рассуждения о том, ограничатся ли агрессоры двадцатью телами, либо смогут погрузить на свои пироги все пятьдесят.

Надо сказать, что в этом споре меня поразили два факта. Во-первых то, с какой легкостью первобытные люди оперировали числами. Это при том, что элементы арифметического образования мы предполагали вводить где-то лет через сто. Не раньше. Не удивлюсь, если вот прямо сейчас Мазай в доказательство своей правоты станет производные считать. Ну и второе. Ограничения на число тел спорщики оценивали с точки зрения грузоподъемности и водоизмещения пирог, при этом демонстрируя такие знания в кораблестроении, которыми вполне мог бы гордиться и генеральный конструктор, проектирующий яхту для Абрамовича.

На самом деле все происходящее было не более чем цветочками в сравнении с теми ягодками, размером в тыкву рекордсмен, представленную на ежегодной ярмарке фермеров Канзаса, которые появились после того, как один из пробегающих мимо нас папуасов попытался огреть Любаву дубиной по голове, с тем, чтобы прихватить рыжеволосую красавицу с собой.

Глава двенадцатая. Не все женщины — зло...

Глава двенадцатая. Не все женщины — зло....

В которой главный герой обнаруживает, что сбываются его самые страшные прогнозы, при этом хвалит себя за то, что не наделал еще более страшных прогнозов, которые тоже могли бы сбыться.

Признаться, увидев это непотребство, я взбеленился. Всякие попытки понять, что же за цирк с конями тут на самом деле происходит пошли лесом. Агрессоры покусились на святое. Тронув Любаву, они поставили меня перед выбором — прожить долгую жизнь, сохраняя в качестве доминирующих черт характера пацифизм, миролюбие и любовь к ближнему своему, присущие скорее более просвещенным временам, тем в которых рулили светочи духа типа Махатма Ганди или матери Терезы, либо лишиться своей заслуженной утренней чашки чая, которую так чудесно готовила для меня Любава. Это не говоря о всевозможных ночных радостях жизни, даруемых рыжеволосой красавицей. А то что у нее ноги небритые, так ночью не особенно и видно.

Лично для меня выбор был очевиден. При мысли о Махатма Ганди в душе возникало чувство тревоги и настороженности — ну не наш это человек. А касательно матери Терезы, которую продажный Ватикан в погоне за популярностью канонизировал, так тут я полностью на стороне независимых журналистов, которые в один голос утверждали, что так называемая святая была не последним человеком в Албанской мафии и специализировалась на поставках девочек из стран третьего мира в Европейские бордели. Так что с одной стороны выбор вроде бы очевиден.

Я встал, глубоко вздохнул, расправил плечи и подняв с земли каменную глефу совсем было собрался бросит в атаку на тех, кто неосмотрительно попытался лишить меня определенных радостей жизни. К счастью не успел. Причиной минутной задержки стало углубленное изучение оружия, производства артели Мазая и К. Взвесив все за и против, как в прямом смысле этого слова — прикинув неподъемный вес каменной оглобли, так и в переносном — возможные выверты со стороны эффекта аномальной энтропии, я аккуратно положил каменного монстра к ногам своего однополчанина по обороне стойбища, снова распрямился, снова глубоко вздохнул, снова расправил плечи и совсем было собрался броситься на папуасов с голыми руками, чтобы рвать всех их вместе и пополам. Вот только эта задержка стала роковой, во многом перевернув ситуацию с ног на голову.

Буквально через пару мгновений мне в голову закралась крамольная мысль: «Так ли уж сильно я люблю чай?». Дальше — больше: «А насколько плох Ганди и чем меня, в бытности поездок в Амстердам, не устраивал квартал Красных Фонарей?».

Причиной резкой смены моих жизненных ориентиров стало поведение Любавы. Вместо того, чтобы расслабиться и безмолвной тушкой упасть к ногам захватчика, как и положено всякой воспитанной девушке эпохи неолита, моя фаворитка после удара дубиной по голове, выхватила у хулигана из рук эту самую дубину, после чего стала обхаживать ею бедного несчастного папуаса по спине. А когда насмерть перепуганный агрессор, громко вопя на ходу, попытался убежать, догнала, повалила на землю и продолжила бить. Но уже не дубиной, а ногами. Должен заметить, длинными и стройными ногами. Пусть и небритыми.

Надо сказать, что этот инцидент вызвал всеобщее замешательство. Все буквально замерли на месте. Разве что Ко Бо, воспользовалась ситуацией и таки пробралась в одну из вражеских пирог, ту самую, от которой ее неоднократно отгоняли вооруженные часовые, и там улеглась на самое дно, тщательно замаскировавшись, накрыв свои тела бессознательными телами других пленниц.

Правда я заподозрил, что не все похищенные женщины пребывают в отрубке. Более того, мне показалось, что все они без исключения прекрасно себя чувствуют, а все происходящее вокруг не более чем спектакль, разыгранный не слишком профессиональными артистами. Осталось понять, кто те лохи зрители, для которых устроено это представления. Пока, навскидку, на эту роль мог претендовать разве что я. Ну и конечно Любава. Которая разошлась не на шутку.

Расправившись с непосредственным обидчиком, Любава расширила сферу своих интересов. На этот раз жертвами ее плохого настроения стали не просто отдельно взятые особи, но все папуасы скопом и без исключения.

Я с тоской вспомнил, что еще совсем недавно, и часа не прошло, как я рассуждал на тему, что эффект аномальной энтропии потихоньку расползается в округе, затрагивая не только своих непосредственных носителей в лице погруженцев, то бишь меня, Жеки и Юрки, но и распространяясь на наше окружение. Правда, те самые пол часа назад я смотрел с оптимизмом в будущее, безосновательно предполагая, что что-то по настоящему серьезное станет доступно нашим соплеменникам лет этак через двести, а еще лучше через пятьсот. И вообще, к этому времени Жека придумает, а главное опубликует — благо за пятьсот лет, надеюсь, мы решим проблему папируса и чернил — научную теорию, которая все объяснит и, соответственно, переведет всяческие чудеса в разряд обыденного проявления физических законов. Можно подумать от этого кому-нибудь легче станет.

Так вот. Я в очередной раз почувствовал себя наивным чукотским юношей. Какие спрашивается пятьсот лет, или даже двести. Ежели вот прямо сейчас, на моих глазах, Любава с двух рук пуляет самыми настоящими фаерболами. Теми самыми, с которыми мне ранее доводилось встречаться исключительно при просмотре продукции Голливудского кинопроката.

Причем огненные шары, в нарушении всех физических законов, летели по самым замысловатым траекториям, как будто пытались осуществить противоракетный маневр уклонения. Но учитывая тот факт, что ныне на всем Земном шаре аббревиатуру ПВО могли расшифровать только три человека, и то у меня есть определенные сомнения касательно как Жеки, так и Юрки, уж больно они далеки от военной тематики, то дело скорее всего заключается в косорукости самой системы залпового огня в лице рыжеволосой воительницы.

Это надо же такому случиться, что выпустив во все стороны под сотню огненных шаров, которые при столкновении с препятствием взрываются почище китайских петард, Любава смогла попасть разве что в одну пирогу из трех. После чего плавсредство затонуло, а все ее обитатели с криками попрыгали в воду. Включая как стражей папуасов, так и племенных девиц, в смысле девиц из племени, которые в эту самую пирогу были предварительно складированы.

Другого физического ущерба противнику Любава нанести не смогла. Не считая конечно свою самую первую жертву. Но там для вразумления использовались не огненные шары, а дубина и ноги. Кстати весьма длинные и стройные, вот разве что излишне волосатые.

Что-то меня зациклило на женских ножках. Наверное нервное.

Дружеский же ущерб значительно превосходил тот, который был нанесен противнику. Фаерболы с завидным упрямством по самым замысловатым траекториям залетали в племенные вигвамы, что привело к массовому возгоранию жилого племенного фонда. Складывалось впечатление, что эти самые огненные шары обладали собственной волей, причем исключительно недоброжелательной по отношению к коренным обитателям стойбища. Будь на моем месте тот же дедушка Фрейд, непременно бы заподозрил, что таким образом Любава реализует свое потаенное, скрытое в глубине подсознания, недоброжелательное отношение к соплеменникам. Обусловленное какой-то детской психофизиологической травмой с сексуальным подтекстом.

Но это что касается физического ущерба. Моральный ущерб превосходил физический многократно.

Коротко, ситуацию можно было бы охарактеризовать двумя словами Все в шоке. Папуасы, проявив незаурядную воинскую выучку, перемежающуюся с элементами предвидения статьи устава и войсковых наставлений, касающихся поведения бойцов в условия осуществления ядерного взрыва, побросали свои копья и дубины и улеглись на землю накрыв голову руками, располагаясь ногами по направлению к эпицентру, то бишь к Любаве. Женщины визжали, то ли от ужаса, то ли от возмущения, пытаясь погасит пламя, охватывающее вигвамы. Дети в массовом порядке выбрались из леса, в котором они незадолго до того попрятались, и неорганизованной толпой сконцентрировались на опушке визжали от восторга и по моему организовали тотализатор со ставками на то, сможет ли Любава попасть еще в одну пирогу. Хотя последнее вряд ли. Наверное, показалось. Все-таки до введения денежного обращения букмекерская деятельность не возможна. Правда вот тот малец с многочисленными конопушками, если мне не изменяет память, живо интересовался у Ахмеда — незадолго перед отбытием того в Африку — существовали ли в Атлантиде казино. Интересно, что он там собирает у своих приятелей.

Общему бедламу способствовали и маты со стороны Абдулы, который от неожиданности уронил на землю свою трубку, а потом и раздавил ее собственной ногой, невзначай наступив на этот шедевр резьбы по кости. Причем пещерный сержант Петренко обвинил в своей неуклюжести деда Мазая. Тот в свою очередь молчать не стал. Так что в ближайшее время словесная перепалка между двумя самыми надежными защитниками стойбища грозила перейти в острую фазу, то бишь в банальный мордобой.

А Любава между тем не унималась. Казалось, что она обладает неограниченным запасом огненных снарядов. Это при том, что соответствующая литература в однозначно утверждала, что впервые пробудившийся маг обладает весьма скудным резервом манны. А ничем иным, кроме как заурядной магией я эту способность метать фаерболы числить не могу. Что называется докатился ты, Андрюха. Мало тебе было путешествий во времени и зеленых человечков, так теперь еще и это...

После того, как один из огненных шаров, оторвавшись от рук Любавы ушел вертикально вверх, а потом на высоте перистых облаков сотворил сначала мертвую петлю и сорвавшись в штопор с протяжным воем устремился к земле, с тем чтобы взорваться буквально в двух шагах от меня, я решил, что процесс надо брать под личный контроль.

Сначала молодецким голосом скомандовал, да так громко, что заглушил многочисленные женские крики — брать всех живыми и в плен. Предполагая, что в дальнейшем удастся получить некий профит с папуасов. Тем более, что мне показалось, что

часть наконечников у копий, принадлежащих агрессорам, были выполнены не из камня, а из металла. Так что забрезжила перспектива перешагнуть в бронзовый век.

Следующей командой предполагалось потребовать прекратить огонь и сосредоточить все силы на пожаротушении.

Как вдруг мне в голову пришла совершенно страшная мысль. Что называется из разряда Шок и Трепет. После чего я некоторое время не то что командовать не мог, я пошевелиться боялся.

Дело в том, что на фоне всеобщего бедлама и стремительно мелькающих событий мой мозг с упорством тяжеловесного бульдозера, пытающегося своротить гору размером в часть Эвереста, анализировал ситуацию. Что называется медленно но неуклонно. События выстраивались в цепочку. Связанную причинно следственными отношениями, с тем чтобы породить очередную неудобоваримую модель происходящего, которая после всестороннего осмысления отбрасывалась в силу нежизнеспособности. После чего процесс возобновлялся и строилась новая модель.

До последнего времени я предполагал, что эффект аномальной энтропии потихоньку расползается. Дрейфуя от своих носителей — трех попаданцев — погруженцев с сторону их ближайшего окружения. Потихоньку овладевая массами в особо извращенной форме. Дополнительным фактором, усугубляющим этот этот процесс могли служить близкородственные отношения. Учитывая половую несдержанность моих коллег и наличие в племени их многочисленных потомков, я предполагал, что и Любава представляет из себя как ра и продукт такой селекции. Этаким генетический гибрид между человеком современным, и какой-нибудь неандертальской красавицы.

Учитывая ярко рыжий окрас моей красавицы, потенциальным папашей Любавы вполне мог быть Жека. Недаром тот проявлял по отношению к девушке вполне отеческие чувства. Наличествовало еще одно предположение, столь же безосновательное, как и все остальные.

Я допускал, что неандертальцы, присутствующие в племени в соотношении один к четырем — остальные истинные кроманьонцы, я бы даже сказал кроманьонцы арийских кровей, подчеркивая чистоту расы — , так вот, неандертальцы сами по себе могли обладать особыми способностями из разряда магии и волшебства. Недаром у них размер мозга на двадцать пять процентов был больше, нежели у современного человека. Надо же чем-то такую прибавку нагрузить. Почему бы не предположить, что все они потенциальные маги и ведьмы. Оттого и вымерли. Природа не любит тех, кто слишком выделяется. Но все это не более чем досужие предположения.

Вот только вся эта шаткая конструкция из домыслов и предположений мгновенно рассыпалась, как только в голове у меня возникла совершенно банальная мысль. А кто сказал, что погруженцев всего трое. А почему бы их не может быть четверо. И четвертой особью на эту роль вполне может претендовать Любава. Тогда все эти фокусы с метанием огненных шаров, как и ранее продемонстрированное падения с двадцатиметровой высоты, завершившееся банальным ушибом ягодиц, имеют вполне обоснованное объяснение. В рамках проверенной концепции аномальной энтропии. Казалось бы. Ну и что. Более того, радоваться надо. Нашему полку прибыло. Лично я никогда не претендовал на индивидуальную эксклюзивность. А то, что девушка скрывала тот факт, что она не местная, вполне можно оправдать молодостью и стеснительностью. Мало ли какие комплексы к нее могут быть. Может быть все упирается в те же волосатые ноги. И отсутствие условий для лазерной эпиляции.

Вот только взглянув на Любаву с этой позиции я содрогнулся. Поскольку единственным знакомым мне человеком, способным перевоплотится в малолетнюю девушку, да так что никто ничего и не заподозрит, была Марго. Заместитель директора нашего института, зрелая и самоуверенная бизнес леди, в ту самую единственную совместно проведенную нами ночь, после корпоратива, однозначно заявило, что она меня даже из-под земли достанет и обязательно на себе женит. И всякие Ленки ей для этого не помеха. Зная Марго, я даже на секунду предположил, что и зеленые человечки появились в рамках реализации ее плана по моему окольцеванию. И ведь оба прекрасно понимаем, что друг другу нафиг не нужны. Но тут дело принципа. Напрасно я тогда, при расставании сказал, что «не для тебе, *мамаквітку* растила».

К счастью временное помешательство быстро сошло на нет. Поскольку я сообразил, что что бы там ни было, какие бы передряги вокруг не происходили, но оригинальная Марго никогда не опустится до волосатых ног. Так что Любава, не более чем современная поделка, не имеющая к Марго никакого отношения. Правда с определенными магическими задатками. Но это такое. Не страшно. После чего со спокойной душой я в очередной раз глубоко вздохнул, расправил плечи и громким голосом скомандовал: «Прекратить огонь. Всех пришлых взять в плен. Пожары потушить. Мне и самому ужасно понравилось, то с каким энтузиазмом народ принялся выполнять мои указания. Причем не только мои соплеменники, но и те самые пришлые, охотно помогающие женщинам связывать свои руки веревками. И, конечно, снова отличилась Любава. Она мало того, что тут же, по моей команде, прекратила метать во все стороны огненные шары, но буквально в считанные секунды организовала мне чашку чая.

Восхищенный эффективностью собственного руководства, я попытался еще что-нибудь скомандовать. К сожалению, единственная связная фраза, которая вертелась в голове, вряд ли подходила к текущей ситуации. Боюсь что: «Пельмени разлепить, невесту считать девушкой», народ может не оценить. Да и, по большому счету, просто не понять. Поскольку и до пельменей и до института брака моим соплеменникам предстоит еще ох какой долгий путь.

Глава тринадцатая. Куда идем мы...

Глава тринадцатая. Куда идем мы...

В которой главный герой страдает полной фигней и принимает судьбоносное решение послать все к чертовой бабушке, оправдывая свое намерение соображениями высшего порядка.

Я сидел на своем обычном месте, в центре стойбища и лениво наблюдал за окружающей суетой, свойственной любому большому скоплению людей. И племя кроманьонцев, густо перемежающихся неандертальцами, тому не исключение. Со времени злосчастного нападения на племя группы папуасов прошло почти три месяца. Эти три месяца я посвятил, в первую очередь, обустройством своего быта. Ну ежели не считать целый ряд революционных реформ, которые попытался воплотить в жизнь. Но это все так. Пустое.

Присмотрев, а впоследствии взяв в долговременное пользование, у Мазая необходимый инструмент, я занялся каменотесной работой, уделяя этому занятию по три-четыре часа ежедневно. Естественно, за исключением тех дней, когда вместе с Лохматым отправлялся на охоту. Именно группу Лохматого я решил в перспективе сделать своей личной гвардией. Оттого и охочусь, как правило, вместе с ними.

Кто-то из великих однажды ляпнул, что у каждого человека должна быть мечта. Допускаю, что в первоисточнике речь шла о той же бутылке Romanée-Conti Grand Cru 1945 года, стоимостью в пол миллиона долларов, либо о красотке, украшающей обложку апрельского номера Playboy. Вот только журналюги все переврали и внедрили в общественное сознание мысль, что настоящая мечта, будучи непременно атрибутом всякого мужчины, должна содержать некий творческий посыл, причем с элементами прикладного рукоделия. С этой точки зрения, моя деятельность по прогрессорству во вверенном мне первобытном племени, не слишком тянула на полноценную мечту. Элементов рукоделия явно не доставало. Ну там построить дом, посадить дерево, вырастить сына. Хотя последнее из другой оперы, поскольку руки в этом процессе выполняют вторичную функцию.

Проникшись подобными соображениями, я все же придумал для себя соответствующее занятие. Я решил превратить свой тронный валун, свой электрический стул, в самый настоящий каменный престол, украсив его всевозможной резьбой, орнаментами и финтифлюшками. Вот и занимаюсь теперь ежедневно, проклиная все на свете, резьбой по камню. Черной завистью завидуя тем будущим скульпторам, которые будут ваять свои шедевры в мягком мраморе, а не в ударопрочном граните, совершенно неприспособленном к подобному использованию.

Побочным эффектом от моего творчества стало значительное укрепление дисциплины в племени. Поскольку я не в коем случае не желал допустить снижения, а тем паче утраты, моим валуном способности к генерации электрических разрядов. Поэтому вынужден был постоянно проверять силу разряда на соплеменниках. Поскольку добровольцев для этой процедуры так найти и не удалось, все-таки мазохизм это продукт более просвещенных эпох, приходится задействовать провинившихся.

Конечно, существовало опасение, что при нарушении целостности гранитной глыбы, она может утратить свои магические свойства. Но как говорится, кто не рискует, тот не пьет. Опять же, я понимал, что рано или поздно племени придется перебраться в другое место. И

тогда со всей остротой встанет проблема — кто и как будет транспортировать на новое место этот многотонный булыжник. Ну не оставлять же такой ценный инструмент идеологического воспитания масс без надзора. А моя деятельность позволит, как я надеюсь, раза в два уменьшить вес глыбы.

К настоящему времени мне удалось выдолбить в валуне нечто, отдаленно напоминающее сиденье. После чего работа намертво встала, поскольку потребовала более продвинутого инструментального обеспечения, нежели каменное долото и пародию на молоток. Опять же каменный. Перебирая в голове незавидные итоги трехмесячной деятельности, я с ностальгией вспоминал о дрели с победитовым сверлом, болгарке с алмазным диском и шлифовальном круге из прежней жизни. От инструментов прикладного назначения мысли плавно перескочили к бытовым аксессуарам. Как то: фену, ванной с горячей водой, расческе, ножницам и машинке для стрижки волос. Потом к парикмахерше Наташе, которая виртуозно владела как этой самой машинкой, так и своими умелыми пальчиками, розовым язычком и сладкими губами. Плюс грудь третьего размера и никаких проблем с эпиляцией ног и зоной бикини.

Похоже я таки задремал. Привидится же такая глупость.

Настроение, как и всегда в последнее время было, что называется «не в дугу».

Казалось бы, к описанию душевного настроя больше всего подходит Филатовское:

Утром мажу бутерброд — Сразу мысль: а как народ?

И икра не лезет в горло, И компот не льется в рот!

Тем паче, что наметились подвижки в производстве хлебобулочных изделий. Нечто плоское, в виде пресной лепешки, поджаренной на раскаленном камне, из грубо перетертых вручную зерен дикого ячменя, собранного женщинами по моему настоянию, с определенным допущением можно было признать таковым — один из немногих экспериментов из области внедрения в быт прогрессивных технологий, который однозначно можно признать удачным. А с икрой и подавно нет никаких проблем. И хотя нерест давно закончился, но весенняя пути обеспечила племя осетровой икрой минимум на год вперед. И все благодаря тому, что я научил своих соплеменников хранить этот ценный продукт в глиняных горшках.

Вот только отчего-то в голове вертелось совершенно другое:

Осень настала, холодно стало

Птички на юг собрались летать...

Ну а дальше матерное про половые органы и эмоциональную оценку погоды.

Это при том, что погода в конце августа была великолепной, да и дела в племени шли совсем неплохо.

Надо сказать, что та самая эпичная битва Любавы против папуасов пошла на пользу всем ее участникам. Да и, как в последствии выяснилось, битвой это мероприятие можно было назвать весьма условно. Ежели бы не вмешательство рыжей, так и вообще все остались бы при своих. Вернее при своих остались бы папуасы, а племя бы своих лишилось. Ну так все в рамках эволюционного прогресса и борьбы с близкородственным скрещиванием. Оказывается, на нас никто не нападал. А я был свидетелем обряда первобытного сватовства с последующим коллективным бракосочетанием. Это позже, через тысячи лет, ритуал венчания будет дополнен многочисленными и совершенно ненужными элементами. А в наше нынешнее первобытное время вся процедура осуществляется по упрощенной схеме. Дал бабе дубиной по голове и тащи ее к себе.

Как оказалось, это была общепризнанная практика. И наши мужчины время от времени отправлялись в соседние стойбища за невестами. Правда в последние годы именно в нашем племени сложился отчетливый дисбаланс по гендерному признаку. На одного половозрелого мужика, считай по кругу, приходится три-четыре девы. Вот в последние годы никто к соседям за невестами и не наведывался. Наверное поэтому Жека перед отбытием, обращая мое внимание на ключевые моменты племенной жизни, и упустил это обстоятельство.

К тому же существовал этакое негласное соглашение. Женщины тем или иным способом давали захватчикам понять, что не возражают против своего пленения с последующим переселением. Кто просто подмигивал, а кто, как Ко Бо, и вообще настойчиво предлагался.

Я когда об этом узнал, просто взбеленился. Ну спрашивается, чем им в нашем племени не живется. Предательницы. Ведь сыты, одеты, обуты и работой не слишком обременены. Так нет же, при малейшей возможности так и норовят куда-то налево слинять. Если бы речь шла о мужиках, я бы еще как-то понять мог. Их от природы всегда налево тянет. Так ведь женщины!

Причем все знают, что у папуасов жизнь далеко не мед. С материальной точки зрения. Зато секса хоть отбавляй, вынужден был признаться сам себе. Поскольку там на каждых трех папуасов приходилась только одна женщина. Вот и думай после этого, что первично — материальное или духовное. При условии, что секс попадает в разряд духовного.

Такой дисбаланс с женщинами у папуасов сложился в силу того, что сами они годом ранее подверглись массовому изъятию представительниц прекрасного пола силами племени, проживающего ниже по течению. И вы будите смеяться, но те самые захватчики наших захватчиков, тоже, двумя годами ранее, лишились по аналогичной схеме своих женщин. В голове у меня возникла картинка дорожки из падающих костяшек домино. Вот только процесс цепного массового похищения невест должен был кто-то инициировать. И у этого кого-то должен был бы возникнуть переизбыток слабого пола. Судя по информации, подобной особенностью в ойкумене отличалось только наше племя. Но мы вроде бы как и не при чем.

Так что в рамках традиционной логики никакого посягательства на права и свободы нашего племени со стороны папуасов не случилось.

Единственное, что выступало за рамки обыденного, это неумный аппетит захватчиков. Обычно дело ограничивалось тремя-четырьмя женщинами, а тут пришлые попытались уволочь чуть ли не половину женского коллектива.

Ну и с Любовой папуас погорячился. Нечего было бить дубиной по голове девушку, которая не демонстрировала по отношению к захватчику ни малейших признаков симпатии.

Все-таки не напрасно я однажды процитировал Любаве Пушкина: **«Но я другому отдана и буду век ему верна»**.

Концепция моногамии буквально потрясла девушку. Она долго не могла понять как это может быть, чтобы заниматься сексом с одним единственным мужчиной. Вернее она сначала вообще ничего не поняла. Что такое: отдана, верна, век и так далее по тексту. Так что мне дня два пришлось ей на пальцах все эти категории растолковывать. И ведь не отставала все это время, пока в деталях во всем не разобралась. — Я с тех пор для себя решил никогда и никому больше стихи не читать. Во всяком случае до той поры пока не будет изобретен двигатель внутреннего сгорания. — Зато потом Любава прониклась.

И вот вам результат. Магия в ее худшем классическом проявлении — метание

фаерболов. Я грешным делом надеялся, что со временем, через пару дней все рассосется. И Любава утратит свои магические навыки. А вот хрен вам с редькой. И через день и через неделю и по прошествии трех месяцев, как говорится «только свистни». Хорошо хоть девушка не слишком злоупотребляла своими возможностями. Так не чаще двух трех раз в день кого-нибудь подожжет.

Зато с помощью рыжей я без проблем осуществил аншлюс племени папуасов в нашу дружную семью. Пленных мы решили вообще не отпускать, а после того как с вернулись наши охотники я организовал набег на лагерь папуасов и скопом притащил их всех в наше стойбище. Надо сказать, что там и остатков этих было всего-то десятков калек.

Правда в их число затесался разумный, которого я бы не задумываясь готов был бы променять на всех папуасов скопом, а в еще в придачу и половину соплеменников отдать. Двухметрового роста великан, рыжебородый и непонятной расовой принадлежности, явно не кроманьонец и не неандерталец, подозреваю, что соплеменник Ахмета, еще один выживший Атлант, умел работать с железом. Мало того, что чуял болотную железную руду как пес краковскую колбасу, но еще и умел из этой самой руды ковать жалкие железные поделки, которые только сумасшедший может назвать ножами или наконечником для копья. Но это с позиции сноба, современника ядерного реактора. С точки же зрения позднего неолита эти зазубренные железяки представляли собой вершину научной и технологической мысли На тысячелетия обогнавшие свое время. Как там говорится. Сначала ты работаешь на репутацию, а потом репутация работает на тебя. Так вот — все побоку. И репутация в том числе. Последнее время все и все, включая мою репутацию, работает исключительно на Ахмеда. Именно так, с буквой «Д» на конце я решил назвать кузнеца. Поскольку его оригинальное имя не смог выговорить, несмотря на неоднократные попытки. Я уже упоминал, что аборигены повсеместно используют тональную фонетику и мои жалкие потуги произнести подряд четыре «У», да так чтобы каждое из этих «У» радикально отличалось от своих товаров, ни к чему хорошему не привели. Похоже, что бы я не пытался сказать на местном языке, аборигенами воспринималось исключительно как злостное оскорбление с упоминанием противоестественных половых отношений. Поэтому я и назвал кузнеца Ахмедом. А чтобы не путать великана с атлантом номер один, за шаманом, спутником Жеки окончательно закрепил имя Ахмет с «Т» на конце.

Казалось бы, жизни радоваться надо Всего — то за три месяца такой скачок вперед. И численность племени увеличилась считай в полтора раза и лепешки научил женщин печь и в железный век ворвались между делом проскочив не глядя эпохи меди и бронзы. Так еще один аналогичный рывок и до алюминия доберемся, а там и до оружейного плутония рукой подать. Шучу конечно. Нам этого плутония и даром не надо. Судя по всему нынешняя цивилизация станет развиваться своим особым путем. Безо всяких этих технологических ухищрений в виде Боингов и электромобилей Тесла. Как там классики говорили: «Мы пойдем другим путем». Станем внедрять магию в быт. И основанием для столь далеко идущих выводов у меня было более чем достаточно. Килограммов сорок живого веса.

За последнее время Любава несколько раздалась вширь, и набрала массу. Будь на ее месте мужик, а не стройная длинноногая девушка, я бы сказал, что рыжая заматерела. Ежели так и дальше дело пойдет, надо будет сажать девушку на диету. Вон, плывет по стойбищу лебедушкой, а бедные папуасы о от нее так в стороны и шарахаются. Я в рамках формирования вертикали власти сделал рыжую старшей над пришлыми. Надо же себе смену растить. Вот пусть и приобретает командные навыки. Правда это несколько не в русле

основной ветки развития истории. Все-так матриархат это скорее выдумка досужих литераторов, нежели историческая реальность. Ну там Геродот про Амазонок написал, а Голливуд — Зену королеву воинов экранизировал.

Вот только я для себя уже однозначно понял, что может быть это и Земля доисторических времен, только совсем не та, в которой мне довелось родиться. Как вам шуточка — Земля да не та. Не смешно. Вот и мне не смешно. Поскольку в моей прежней оригинальной Земле магией и не пахло. А здесь, суде по всему, это станет повседневным явлением. И спрашивается, как с этим прикажите дальше жить. Так что пусть себе будет матриархат в эпоху неолита. Хуже от этого никому не станет. Вот сделаю Любаву вождем племени, а заодно и шаманом, и старшей над кузябрами, а сам уйду вдаль, за горизонт.

Придя к такому выводу, я внезапно понял, что все окружающее мне, мягко говоря, не мило, а мысль скрыться в тумане наполнена глубоким внутренним содержанием и заслуживает внимания. После чего жестом приказал рыжей принести мне чашку чая — будь Любава хоть трижды магом и потенциальным вождем, никто ее от основных обязанностей не освобождал, — после чего принялся все тщательно обдумывать. И как ни странно пришел к выводу, что мы, погруженцы, обсуждая и вырабатывая стратегию прогрессорства человеческой цивилизации под девизом: «Двенадцать тысяч лет развития уложить в десять тысяч лет», допустили концептуальную ошибку.

Но об этом я пожалуй подумаю завтра. А сегодня надо решить, что делать с кузябрами. Можно, конечно, допустить что последних и вовсе не существует. Но совсем недавно я с пеной у рта отстаивал мысль, что и магии не бывает. А ежели магия таки существует, то почему бы и кузябрам где-нибудь не обитать. Так что надо для себя сделать зарубку в памяти, по возможности найти этих очаровательных зверушек. Да бред. Да знаю. Но лучше о кузябрах рассуждать, чем мучиться мыслью, что все наши гениальные планы и гроша ломанного не стоят, поскольку находимся мы не в прошлом родной Земли, а где-то в параллельной вселенной, куда, вовсе не факт, что зеленые человечки прилетали. С кем, в таком случае спрашивается, мы воевать собрались?

Глава четырнадцатая. В темноте лучше видится

Глава четырнадцатая. В темноте лучше видится.

В которой главный герой никак не угомонится и снова много и продуктивно думает, причем ночью, прекрасно при этом понимая, что думать вредно, поскольку от этого появляются морщины.

Следующую ночь я вместо того, чтобы продолжать воспитывать Любаву, приобщая ее к тайнам многовековой индуистской мудрости, зафиксированной в эпохальном труде под названием Камасутра — хотя, наверное, я себе льщу, поскольку ученица в этих вопросах давно обогнала учителя, проявляя незаурядный энтузиазм и изобретательность — решил провести в размышлениях. Исходя из того, что ежели все и так идет наперекосяк, так почему бы вечеру не оказаться утра мудренее. Возможно ночью с меня спадут шоры здравого смысла и консервативного рационализма и находясь в состоянии этакой полудремы, все-таки спать я люблю, удастся ответить самому себе на вопросы, преследующие меня все последнее время.

Во-первых, действительно ли меня вместе с институтскими коллегами забросило в прошлое нашей Земли. Или мы таки оказались в некоей параллельной Вселенной, в которой все почти один к одному с нашей, за исключением той самой бабочки, которую какой-то поц из будущего, путешествующий во времени, ненароком раздавил. Впрочем не тот вариант. У Бредбери, по смыслу, речь скорее всего шла не о параллельных мирах, а о том, что будет, ежели внук маньяк зарежет своего прадеда. Кстати, ближе к окончанию нашего вынужденного карантина, веке этак в девятнадцатом, надо бы наведаться в район Жмеринки и познакомиться со своим пар-прадедом. Судя по семейным преданиям весьма колоритный мужик был. Ну или будет.

Впрочем, не стоит тешить себя иллюзиями. При любом раскладе этого самого Степана Ивановича встретить не удастся. Ежели мы таки находимся в параллельной вселенной, так это и так понятно. Нечего ему здесь делать. Ну а если все-таки нас в прошлое родной Земли забросило, так тем более. Потому как любой из нас любой бабочке такую фору даст, что мало не покажется. Один эффект аномальной энтропии чего стоит. Уж не говоря о повсеместном проявлении магии.

Но это только один вопрос, ответ на который я предполагал для себя найти сегодняшней ночью.

Второй, не менее важный, а с практической точки зрения, так и поболее, это: «а что мне собственно говоря делать?». Поскольку предыдущая стратегия, выработанная коллективным умом всех наличествующих в прошлом погруженцев, числом трое, и примкнувшего к ним Ахмета, судя по всему дала трещину. А ежели не злоупотреблять экивоками, так и просто накрылась медным тазом. И виновата во всем этом магия, невесть каким образом вынырнувшая из неоткуда, как черт из табакерки, и не вписывающаяся ни в какие расклады. Причем проигнорировать эту самую магию при всем желании не удастся. Поскольку на одном из ее физических носителей я в настоящее время восседаю собственной задницей, а второй носитель, раскинувшись звездой, благополучно дрыхнет в моем вигваме. И я голову готов дать на отсечение, что это только цветочки. Дальше будет больше.

Хорошо хоть, что не приходится мучаться в поисках ответа на конъюгированный вопрос. Поскольку ответ на: «Кто виноват?» был дан ранее, причем неоднократно — виновата моя

неуемная тяга к сладкому чаю.

И сам не знаю, почему это я решил, что ночью лучше думается. Предположение о том, что Любава заездила меня до такой степени, что я ищу любой повод, дабы отмазаться, с негодованием отбросил, как не патриотичное.

Как бы то там ни было, но я сижу в центре стойбища на своем электрическом стуле и вдыхаю аромат ночного леса, прислушиваясь к таинственным шорохам, будоражащим воображение. Почти как в детстве, когда закрыв глаза и прошептал: «**А над нами елки, а под ними волки**», погружаешься в совершенно незнакомый и загадочный мир.

Казалось бы, при таком скоплении людей в одном месте, вдыхать я должен запахи многочисленных немытых тел и слышать храп, сонное бормотание да проявление метеоризма. Так нет же. Складывается впечатление, что я единственный человек, оставшийся на планете. Разве что за исключением стражника, долженствующего охранять покой племени, но вместо этого тихонько прикорнувшего, сидя на корточках у догорающего кострища. Слабые отблески багровых углей, густо притрушенные пеплом позволяли разглядеть монструозный котел в центре кострища и многочисленные конусообразные вигвамы, кольцом опоясывающие стойбище, в которых и почивали нынче мои соплеменники.

Странно, но несмотря на близость к природе, первобытные люди на дух не переносили ночевку под открытым небом. И при малейшей возможности старались забиться в какую-нибудь закрытую от ночного неба щель. Конечно, были ситуации, когда это не удавалось. Во время той же охоты отряд сутками преследовал зверя, и далеко не всегда случалось найти подходящее укрытие для ночевки. Вот только при этом охотники испытывали ярко выраженный дискомфорт. Признаться, я до сих пор не понимаю в чем здесь дело. Возможно, причина кроется в том, что последние сотни тысяч, а то и все миллионы лет, основным местом жительства первобытных людей служили пещеры. Так что с помощью естественного отбора, привычка искать убежище на ночь генетически закрепилась. Тех оригиналов и романтиков, которые предпочитали проводить ночи под пологом звездного неба, сожрали ночные хищники, и их гены не смогли принять участие в воспроизводстве последующих поколений.

Но это ответ на вопрос, почему я, расположившись в центре стойбища, насчитывающего сотни разумных, пребываю практически в полном одиночестве. А вот разгадать тайну отсутствия любых антропоморфных звуков и запахов я не в состоянии. Разве что остается предположить, что благодаря магии в вигвамах на ночь включаются силовые пологи, не пропускающие звуки и запахи, либо еще одно не менее бредовое предположение, что все мои соплеменники обычные андройды, которые на ночь выключаются с целью экономии электроэнергии. И в это время им снятся электрические овцы. Вот и думай, какая из этих гипотез может претендовать на звание самой идиотской.

Вот только лично я даже думать на эту тему не хочу. Предстань передо мной подобный вопрос со всей остротой, ответ был бы очевиден. Просто я сам брежу и это мне снятся электрические овцы.

А так и своих проблем хватает. Нужно найти ответы на целых два вопроса мировоззренческого уровня. К тому же летняя ночь не слишком длинная и надо поторопиться.

А ночь и вправду восхитительна. Странно, почему до сих пор мне в голову не пришла мысль устраивать ночные посиделки. Просто так. Для отдохновения.

В такую ночь хорошо сидя у костра в обнимку с девушкой попивать сладкое густое вино, а не эту бурду, которой так гордится Ахмет, и слушать надрывный голос неумелого, но преисполненного энтузиазмом любителя романтического шансона, освоившего целых три гитарных аккорда.

Впрочем, снова отвлекся от размышлений о главном.

Костер окончательно потух. Утром женщины разгребут угли и заново раскочегарят пламя, а сейчас угли прикрыл толстый слой пепла, так что слабая подсветка искусственного происхождения полностью уступила место естественной ночной иллюминации.

Миллиарды безумно ярких звезд наглядно демонстрировали всю мелочность и тщетность наших человеческих жизней. Становится не по себе от одной только мысли, что вот та небольшая, буквально никчемная звездочка, едва различимая на фоне блистающего ковра ослепительно ярких точек, на самом деле Туманность Андромеды, состоящая из триллиона, целого триллиона звезд! Такое и вообразить невозможно. При том, что большинство из них по размерам во много раз превосходят наше Солнце. К тому же сама Земля, огромная и бескрайняя, с точки зрения человека, в сравнении с Солнцем не дотягивает и до размеров горошины на фоне баскетбольного мяча.

Отчего-то глядя на все это великолепие мне неудержимо хотелось сказать: «Ребята, вы серьезно считаете человека венцом природы? Просто выйдите ночью за город и посмотрите в небо».

К сожалению, те кто в состоянии были бы понять мои слова и чувства давно попадали в разряд «Иных уж нет». А остальные, да те же мои нынешние соплеменники, слишком «далече» от подобных проблем.

На фоне необозримого ночного неба густо усеянного миллиардами видимых и триллионами триллионов невидимых миров, я готов был согласиться, что и аномальная энтропия и проявления магии не более чем случайные выверты, флуктуации бесконечного пространства и времени, не заслуживающий ни малейшего интереса. Но это с точки зрения... Да черт его знает, с чьей точки зрения можно все это адекватно оценить. С точки зрения Творца? Демиурга? Но все это не более чем слова, за которыми ничего не стоит.

Все-таки мне, в отличие от подавляющего числа соотечественников, еще из той, прежней жизни, гораздо проще соотносить себя с безграничной Вселенной. Я убежденный агностик, И, в соответствии со своим мировоззрением, твердо понимаю, что есть вопросы, на которые нет и не должно быть ответов. Поэтому все побоку.

А если уж совсем невоготу станет, то будем считать, что во всем виновата Ахметовская настойка на грибах поганках, которую мне шаман, отправляясь в путешествие на юга презентовал для употребления в исключительно важных случаях. Сегодня ночью как раз и представился такой случай.

Пока я любовался звездами откуда-то из-за горизонта выползла луна. Сначала небольшой краешек, а буквально через пол часа на небосводе появилась огромная серебристая тарелка, приглушившая своим отраженным светом россыпи звезд.

-@лядь! Твою мать! Звиздец! Это же надо быть такими идиотами, чтобы за столько лет не заметить очевидного. Куда там Слону в посудной лавке, которого идиоты не смогли приметить. А тот же подвиг Чингачгука, Зоркого Сокола, который только на третий день нахождения в тюрьме заметил отсутствие задней стенки, мы все погруженцы-долбодятлы превзошли многократно.

Это же надо, пытаться вычислить в какую эпоху нас забросило по углу склонения

Северного Магнитного полюса по отношению к Полярной Звезде, для чего тот же Юрк предлагал сначала изготовить компас и астролябию, а потом еще и рассчитать временной дрейф этого самого полюса, и это все вместо того, чтобы выйдя из вигвама ночью, дабы отлить на природе, просто задрать вверх голову и внимательно присмотреться к Луне.

Казалось бы, при том огромном количестве картинок из жанра то ли фэнтези то ли ужасиков, любой мало-мальски "человек в теме" прекрасно осведомлен, что пятна на лицевой стороне Луны при минимальном воображении складываются в ужасную рожу. Можно не распознать море Дождей или океан Бурь, но вычленив на поверхности спутника Земли провалы глазниц и щербатую ухмылку мертвеца не составляет ни малейшего труда.

Ладно, кому я вру, лично мне никогда не удавалось вообразить мерзкую рожу нарисованную неведомым художником на поверхности Луны. Ленка нагло утверждала, что это из-за полного отсутствия у меня творческого начала и добавляла, что я отношусь к той одной сотой процента населения, которое при виде пятен Роршаха могут, в лучшем случае, вообразить себе разве что шоколад Рошен. И то, отталкиваясь не от визуальной картинки, а схожести звукоряда. А учитывая присущее мне абсолютное отсутствие музыкального слуха и врожденную тупость, — сколько можно намекать на то, что всякой приличной девушке нужна норковая шубка — я и на это не способен. В тот день Ленка была чрезвычайно раздраженной и особенно красноречивой. Ей конечно было виднее, все-таки дипломированный психиатр с десятилетним стажем работы.

Так что пятна на поверхности Луны лично мне не о чем не говорили. А вот то, что Луна повернута к Земле всегда только одной стороной я знал чуть ли не с детского садика. И когда спутник Земли, медленно восходящий из-за горизонта, начал демонстрировать свою обратную сторону, меня изображение на собственной поверхности за счет вращения, так что буквально через пол часа, то что я предположительно называл морем Дождя сменилось какой-то хренью, напоминающей параллелепипед, сомнений не осталось. Это не та Луна. Ну а далее сработал транзитивный закон, прекрасно описанный то ли Мюллером, то ли Вальтером Шелленбергом в любимом Ленкином сериале про Штирлица — она одно время под села на ретро, утверждая, что весь кинематограф закончился пятьдесят лет тому назад — : «маленькая ложь порождает большое недоверие». Так и тут. Если это не та Луна, то с чего бы Земле быть той же самой, на которой я родился и которую уничтожили залетные инопланетяне.

А ежели это не та Земля, тогда и наличие магии не должно вызывать особых нареканий. Мало ли как этот мир устроен.

Единственный профит от всего этого. При желании можно будет обвинить Жеку в научной несостоятельности его теории аномальной Энтропии. Наверняка, в свете вновь открывшихся обстоятельств можно утверждать, что никакая это не аномальная энтропия, а обычная магия.

Ну может быть несколько модифицированная под нас — путешественников по просторам Мультиверса. При этом мы сами уже не погруженцы во времени, а обычные попаданцы. В рамках передвижения по параллельным вселенным.

Должен сказать, что этот вывод меня необычайноогорчил. Поскольку делал беспредметной нашу цель — отомстить зеленым человечкам. Тем самым, которые уничтожили нашу Землю. Даже научись мы впоследствии перепрыгивать с одной ветки на другую, и появившись у нас через десять тысяч лет возможность вернуться в наш родной мир, единственное, что мы сможем там увидеть, это мелкие обломки и облака остывшей плазмы.

От самих же агрессоров за это время и след остынет. Допускаю, что и в этой ветке Мультиверса через какое-то время произойдет нежелательная встреча с зелеными человечками. Вот тогда-то и понадобится все наше прогрессорство. Только осадочек по любому останется. Поскольку и Земля не та и инопланетяне другие. Так. Разве собственное эго.

А ведь я продвигаюсь ударными темпами. Еже и пол ночи не прошло, как удалось ответить на один из двух основополагающих вопросов: «Где я?». Где-Где. Уж точно не в Караганде.

Осталось определить, что же мне в этой ситуации делать. После чего с чувством выполненного долга, вернуться в родной вигвам и прижавшись к теплой Любаве наконец-то уснуть.

При желании последнему можно придать оттенок некоего трагизма. Вспомнив Шекспира сформулировать задачу с несколько другими акцентами: «Уснуть. И видеть сны...».

Ладно, не будем драматизировать. Тем более, что все и так понятно. Попытка создать цивилизационный рывок в отдельно взятом племени себя исчерпала. Для движения вперед и последующего развития необходимы многочисленные точки роста, независимо развивающиеся и взаимно обогащающие друг друга. В отдельно взятом племени коммунизм не построишь. Это даже большевикам не удалось в рамках одной страны. Так что в ближайшее время передаю бразды правления в руки Любавы, а сам отправляюсь в длительное путешествие, сея разумное и вечное среди всех неудачников, которым не посчастливилось со мной столкнуться. Глядишь лет через двести0-триста чтонибудь и сдвинется.

При одной только мысли о том, как много предстоит сделать, для того чтобы отправиться в путешествие без особых репутационных потерь, аж зубы свело. Простейший вопрос, как оставить записку коллегам, которые лет через десять — двадцать непременно вернуться в племя. Это при том, что ни бумаги, ни чернил до сих пор никто не удосужился изобрести. И это только одна из многочисленных проблем.

Глава пятнадцатая. Свод Законов.

В которой герой наконец-то все для себя решил, а потом с головой погряз в проблемы переходного периода.

Три месяца. Девяносто гребаных дней мне понадобилось для того чтобы более-менее привести текущие дела к состоянию, при котором я без внутреннего содрогания решил покинуть племя. Причем решению любой маленькой текущей проблемы тут же порождало целую гроздь других маленьких текущих проблем, половина из которых, не успеешь и отвернуться, как тут же разрасталась в нечто глобальное, претендующее на эпохальные последствия.

Свои приготовления к путешествию я начал в первый же день по прошествии той самой приснопамятной ночи, когда вместо того, чтобы спокойно выспаться прижавшись к нежному телу Любавы, я тупо разглядывал Луну и открыл для себя тайное.

Хотя, ежели быть до конца объективным, никакой особой тайны в том, что и я и мои товарищи по несчастью, ну или по счастью — все зависит от позиции наблюдателя — оказались законченными долбоебами и не удосужились за четверть века обратить внимание на такой маленький факт, что на самом деле мы переместились вовсе не в прошлое нашей родной Земли, а попали в совершенно другой мир, возможно, даже в параллельную вселенную, нет.

На планету, во многом напоминающую нашу родную Землю, но серьезно обремененную магией. Из всего этого я пока для себя сделал только один вывод. Мне не угрожает участь стать прадедубийцей, поскольку, положив руку на сердце, у меня та самая рука буквально чесалась, желая провести в натуре знаменитый мысленный эксперимент. Что будет, ежели попав в прошлое путешественник во времени убьет своего отца до момента собственного рождения.

Вот только не надо думать, что я плохо отношусь к своим родителям и к предкам вообще. Более того, считаю что они одарили меня прекрасными генами и дали неплохое воспитание, к тому же в детстве в должной степени окружали родительской заботой и любовью. Но это тот случай, когда Сократ мне друг, но истина дороже. И хотя философы давно нашли ответы на классические парадоксы, типа что первично — яйцо или курица, или может ли всемогущий бог создать камень, который сам не в состоянии поднять, но все эти решения реализованы в рамках абстрактного умствования. А тут представилась возможность провести натурные испытания. Да и не обязательно предка убивать. Можно просто снабдить прапрадеда эффективными средствами контрацепции.

Что-то в своих воспоминаниях я несколько отвлекся. То знаменательное утро, после той злосчастной ночи, я начал беседой с Абдулой. Именно он и узнал первым о том, что племя ожидают большие пертурбации, связанные с моим предстоящим отбытием.

По хорошему, надо было бы в первую очередь поговорить с Любавой. Поскольку именно ей я отводил главную роль в предстоящей структуре управления племенем и сохранения, а ежели повезет, то и приумножения достигнутых достижений. Не смог удержатся. Очень уж мне оборот достигнутые достижения нравится. Почти так же как масло масленое и экономная экономика. К сожалению девушка с утра умотала в лес, где тренируясь на белках оттачивала ежедневно свои умения пользоваться магией, в части метания фаерболов.

После той самой эпической битвы с папуасами, когда спал накал страстей, оказалось, что ее огненные шары не слишком-то и разрушительные, так себе, в лучшем случае ожог могут оставить, ежели на голое тело попадут, к тому же отличаются совершенно непредсказуемой траекторией. Так что в качестве оружия скорее всего могут быть отнесены к системам устрашения, а не разрушения. Подбитая же фаерболом пирога своим затоплением обязана не столько самому огненному сгустку, сколько всеобщей панике пассажиров в ней находящихся. Недаром народная мудрость рекомендует: «Не раскачивайте лодку!».

Оценив все это, я порекомендовал Любаве ежедневно тренировать свое умение. Как ни странно, девушка достигла в этом направлении определенного прогресса. Во всяком случае фаэрболы стали лететь не в любую произвольную сторону, как бог на душу положит, а исключительно в ограниченном секторе, пока, правда, не слишком узком, градусов этак в шестьдесят. Что, как минимум, обезопасило от попадания огненного шара в глаз, любопытствующим, стоящим за спиной у огнеметательницы. Да и мощность заряда потихоньку растет.

Если сохранится нынешняя тенденция по улучшению параметров огнешаров и если Любава проживет еще десять тысяч лет, продолжая настойчиво и ежедневно оттачивать свое мастерство, и ежели зеленые человечки таки нападут на этот вариант Земли, то тогда можно будет надеяться, что мы — погруженцы — свои стратегические задумки реализовали. Любава самотужки сможет уничтожить любую вражескую эскадру.

Правда я бы не стал на это слишком полагаться — уж очень много разнообразных «если». Так что отказываться от идей прогрессорства пока не стоит. А нынче пусть тренируется на белках. Почему на белках? Все очень просто. Когда девушка пристала ко мне с вопросом, что ей дальше делать, я порекомендовал классическое: «Тренируйся на кошках». А после целого ряда уточняющих вопросов, осознав, что единственный более-менее внятный аналог кошек в местной ойкумене это смилодонт, который в силу своей редкости, размеров и отвратительного характера не слишком подходит в качестве объекта для тренировки, объяснил, что кошки это животные на вроде белок.

Удивительный факт. Вроде бы поздний палеолит по всем признакам. И те же саблезубые тигры и пещерные медведи вместе с мамонтами давно должны были бы вымереть. Ан нет. Банального камышового кота не найдешь, а смилодоны — пожалуйста. И с теми же белками проблем нет. Полная неразбериха в области фауны. Хорошо хоть с флорой вроде как все в порядке. Правда тут я не специалист, от слова вообще.

Так что в ближайшие годы близлежащей популяции белок, учитывая упорство, с которым Любава приступила к ежедневным тренировкам, угрожает значительное сокращение. Впрочем, до настоящего времени, ни в одну из белок девушке так и не удалось попасть. Шустрые очень и на близкое расстояние к себе не подпускают. Так что единственными жертвами ее фаэрболов продолжают оставаться папуасы, которых я, как раньше упоминал, перевел в полное подчинение Любавы.

Так вот, вместо того, чтобы посвятить в грядущие изменения Любаву, я начал с Абдулы. Ему, в моих планах, отводилась существенная роль. Для того, чтобы не пускать на самотек проблему воспитания молодежи и сохранить наработки, связанные с внедрением дисциплины в рядах подрастающего поколения, я провел разъяснительную беседу с Ахметом и обрисовал тому блестящие перспективы, в случае, если тот продолжит начатое дело со всем усердием, которое проявлял под моим непосредственным руководством. Перспективы

заклучались в том, что буквально через три-четыре года — молодежь эпохи позднего неолита взрослеет рано- под его началом окажется отряд дисциплинированных, хорошо обученных бойцов, что позволит их командиру занять надлежащее высокое место в племени. Я подразумевал нечто близкое по уровню Главному Охотнику. Ага. Как же.

Что вы думаете? Вместо того, чтобы медленно и целеустремленно идти к намеченной цели, этот идиот решил получить все и сейчас. Хотя вру, не сразу. Ошеломленный открывшимися перспективами Абдула занял привычное место у входа в собственный вигвам, где с особой тщательностью раскурил свою трубку. Экземпляр, раздавленный неуклюжим дедом Мазаем, был восстановлен силами лучших племенных умельцев в лице того же деда Мазая и кузнеца из пришлый — Ахмеда-, которого не на шутку заинтересовала незнакомая конструкция и способ ее использования. Оказалось что табако и конопле курение еще не нашло широкого распространения в среде первобытных людей. Так что теперь потенциальных наркоманов у нас двое. Сам Абдула и Ахмед. На этой почве троица умельцев, куда я авансом включил и сержанта Петренко, в качестве генератора идей, сплотилась и даже стала держаться как-то особняком, свысока поглядывая на остальных соплеменников.

Так вот, Абдула на этот раз превзошел сам себя. Кольца дыма, которые он выпускал изо рта в процессе курения обладали исключительной правильностью, и мне даже на секунду показалось, отличись друг от друга цветом. Эти самые кольца медленно всплывали у наставника молодежи над головой, чтобы подымаясь вверх разрастаться до совершенно неприличных размеров и потихоньку таять в небесной синеве. Лично у меня не было не малейшего сомнения, что я наблюдал очередное проявление магии. Еще более бестолковое и ненужное, нежели огненные шары Любавы, но тем не менее — самой настоящей магии. Так что Абдула вполне мог претендовать на тот же пост шамана племени всего лишь по одному критерию — причастности к странному. Если быть объективным, то его табачные кольца производили на неокрепшие умы соплеменников не меньший эффект, нежели грибная настойка предыдущего шамана _ Атланта Ахмета.

Проведя сеанс медитации и придя к определенным выводам, Абурула начал претворять свои мысли в жизнь. При этом он полностью упустил из виду то немаловажное обстоятельство, что я все еще не покинул племя и имею свое видение происходящего, подкрепленное, при необходимости, как прямым физическим воздействием, так и аргументами из арсенала аномальной энтропии.

Он громогласно объявив, что поскольку Великий Вождь, то бишь я, в ближайшее время собирается покинуть племя, причем эта информация доводилась соплеменникам как исключительно эксклюзивная с неявным намеком на то, что лично сам Аабдула приложил немалые усилия к освобождению свободных кроманьонцев от ига этого пришлого типа, поэтому в действие вступает процедура под условным названием: «Атамана нам не надо, Атаманом буду я». Надо признаться, что все вышеизложенные действия сержант Петренко совершил находясь в глубоко коматозном состоянии, будучи под воздействием наркотиков. Что конечно же до некоторой степени его оправдывает.

Спонтанная попытка переворота имела три последствия.

Во-первых, избавила меня от необходимости всех и каждого посвящать в свои планы, касательно отбытия. Абдула сделал это вместо меня, причем, надо отдать ему должное, нашел для этого простые и доходчивые слова. Вряд ли у меня бы получилось так же хорошо.

Во-вторых, сам Абдула, несмотря на моральную поддеожку со стороны деда Мазая и

кузнеца Ахмеда, был бит. Причем неоднократно. Сначала Лохматым, который в это время отдыхал в стойбище после удачной охоты, и который ну никак не видел Абдулу в качестве верховного Вождя, не без основания лично претендуя на это место, а затем Любовай, которая вернувшись от белок, не стала слишком вдаваться в детали, а просто зарядила наставнику молодежи Фронт-кик — ногой в челюсть — совсем как я ее учил. Моя девочка. Так что сегодня день у Абдулы не слишком-то и задался. А ведь так все хорошо начиналось.

И в — третьих, я понял и осознал, что теория управления универсальна и верна практически для любых сложных упорядоченных систем, будь то автомобиль Тесла, корпорация по производству Чупа-Чупс, наша Вселенная, или, как в данном случае, одно небольшое первобытное племя. А эта самая теория гласит, что система может сохранять стабильность всего-то в двух случаях: будучи статичной и жестко детерминированной, это, применительно к племени, когда я Верховный Вождь, провожу в жизнь принцип — я начальник, ты дурак, либо динамичной, базирующейся на системе сдерживаний и противовесов. С моим уходом не о какой централизованной власти говорить не приходится.

Даже ежели Любаве удастся всех построить рядами, что само по себе сомнительно, это, в конечном счете, приведет к застою и регрессу.

Значит надо готовить те самые центры сил, которые противопоставляясь друг другу и должны обеспечивать баланс интересов. С точки зрения персоналий особых проблем такой подход не вызывал. Создаю Совет Племени, куда входит Любава с фаерболами и папуасами — общее руководство. Лохматый от охотников. Абдула — наставник молодежи, Ахмед — ремесленники. Деде Мазай — шаман и инквизитор. Именно ему я решил поручить эту ответственную должность, предварительно научив обращаться со своим электрическим тронem. Ну и кто-нибудь от женщин. Да та же Ко-Бо сойдет. Баба склочная, но энергичная.

Вот только все это не более чем благие пожелания на пустом месте. Поскольку, стоит мне уйти, и от Совета Племени останутся одни лишь воспоминания, а его представители вяжутся в смертоубийственные выяснения отношений между собой. С удовольствием бы на это посмотрел, ежели бы где-нибудь поп-корном разжиться. Причем ставку бы я сделал на деда Мазая. Уж слишком тот не прост. И мои рекомендации, касательно использования изолирующей обуви типа галош, для работы с электрическим стулом, а так же заземления и перспектив превращения булыжника в самый настоящий трон с резьбой и финтифлюшками, буквально на лету ловил. Не удивлюсь, ежели со временем, отталкиваясь от возможностей артефакта, он станет шаманом не на словах, а по факту полномочий.

И все-таки я придумал, как, в условиях первобытно-общинного менталитета, ввести в племенную жизнь элементы демократии, в виде Совета Племени, и обеспечить стабильность существования этого самого племени.

Я создал Свод Законов. Конечно до **Законов Ур-Намму** ему было далеко, да и письменность, пусть даже клинопись на глиняных табличках, за оставшееся время я внедрить ну никак не мог, решил оформить законодательную базу в виде набора **Катрен**, которые в обязательном порядке должен был бы выучить каждый житель племени. Ну, естественно, не только выучить, но и руководствоваться ими в повседневной жизни. На многое замахиваться не стал. Опять же учитывая собственный, весьма скромный, поэтический дар, рассчитывать больше чем на четырех строчный стишок, не приходилось. Итого тридцать четверостиший, указательного толка.

На поэтическое творчество у меня ушла неделя. Ну а потом почти три месяца подряд Свод Законов вбивался в головы каждого жителя племени, да так что ночью разбуди —

должен тут же отбарабанить от первого до тридцатого стиха. Естественно, дополнительно шла накачка, что за этим стоит божественное откровение. Жаль что концепция Бога у первобытных людей еще не сложилась, все больше к Духам Предков обращаться приходилось. Ну и подкрепление рефлексов с помощью того же электрического стула. В чем немалую помощь мне оказал дед Мазай. Он с головой погрузился в тему выявления недобросовестных соплеменников и со временем принялся назначать и осуществлять процедуру общественного порицания в виде отсидки на троне. Ну чем не искоренитель инакомыслия. Впрочем, Свод Законов сам же существенно ограничивал возможности Шамана, оставляя за ним только вопросы следования тому самому Своду. Зато в этих рамках его полномочия были необычайно широки. К тому же подкреплены мистическими соображениями.

В тридцать четверостиший трудно было вместить все все и вся на все случаи жизни. Но те же: Совет Племена, воспитание молодежи и утренний бесплатный завтрак для всех, были в нем прописан. Ну а дальше пусть сами все творчески развивают. Я умываю руки.

Помимо Свода Законов, я попытался за это время что-нибудь придумать, дабы оставить сообщение своим товарищам, которые рано или поздно вернутся в племя. Все-таки надо было бы сообщить друзьям свои мотивы и обратить их внимание, на то, что мы немного не туда попали. Эксперименты с выделкой пергамента из шкур закончились полным фиаско. Я даже до приготовления чернил не добрался. О попытках изобразить надписи на глиняных табличках и говорить не хочу. Стыдно. Все-таки кириллица это вам не клинопись. И вдвойне стыдно, когда я сообразил, что можно банально передать сообщение в устной форме, заставив того же деда Мазая, ну и еще двух-трех человек для страховки, его выучить.

Глава шестнадцатая. Промежуточный финиш имени Святого Августина

Глава шестнадцатая. Промежуточный финиш имени Святого Августина.

В которой герой наконец-то отправляется в путь и по прошествии недели путешествия задается прагматичным вопросом — а куда и зачем, собственно говоря, он идет.

Прошла неделя с того самого времени, как я покинул племя. Не скрою, мелькала мысль обставить это событие в духе Голливудских блокбастеров, типа — герой на сияющей колеснице улетает в небо, поближе к солнцу, в район эмпирей, а коленопреклоненный народ размазывая по морде слезы и сопли навзрыд клянется навсегда сохранить образ Великого Вождя в своих сердцах. Но поскольку до изобретения колесницы, тем более летающей, еще жить и жить, резко снизил свои претензии к антуражу мероприятия. Решил ограничиться торжественным парадом с выносом знамени и фейерверком в исполнении Любавы. А когда подумал еще немного, то осознал, что со знаменем предстоит еще та морока, в силу наличия отсутствия такового, да и народец в племени, по большому счету, так себе, в смысле уж очень себе на уме, так что вместо скорби и просветления вполне можно получить в спину не слишком-то любезное пожелание, типа: «Да пошел ты...», причем высказанное на местном диалекте, который мне до сих пор так и не удалось освоить. А выдвигать встречные претензии по поводу сказанного в спину: «Йо-ко-бо-бо-бо», не слишком-то и корректно. Может быть тебя благословляют на легкую дорогу. Хотя, руб за сто даю, что ближайшим аналогом «Бо» является английский «Fuck». Так что неделю назад проснувшись рано-рано утром, вернее поздно ночью, когда все племя, включая охрану, отвечающую за безопасность стойбища, бессовестно дрыхло, я тихонько поцеловал Любаву в щечку вынырнул из командирского вигвама и прихватив собранную накануне котомку, а так же груды прочих вещей, общим весом под сорок килограммов, тихонько отбыл вдаль.

Первой по дороге в эту самую даль меня перехватила Любава. Девушка была снаряжена в дорогу пожалуй что и не хуже чем я, а вместо котомки несла за спиной тяжело груженое подобие рюкзака, литров этак на сто. По самым скромным подсчетам вес ее экипировки превосходил мою раза в два. Непонятно, как хрупкая девушка без проявления каких бы то ни было усилий, таскала на себе этакую тяжесть.

Прежде чем озвучить свои пожелания, касательно совместного путешествия, Любава обозвала меня подлецом и каким то там «Хо-Бо», рад бы ошибиться, но подозреваю, что на местном диалекте это аналог «Импотента», за то что я отправившись невесть куда на непонятно какое время, так с девушкой и не попрощавшись. Те три раза, которые я исполнил прошлой ночью в зачет почему-то не пошли. Пришлось в триста тридцать третий раз объяснить, что я отправляюсь в одиночное путешествие и взять ее с собой ну никак не могу, поскольку Духи будут недовольны. А на нее возлагается ответственная миссия изображать из себя Пенелопу и дожидаться возвращения своего Одиссея. Попутно управляя племенем. Поскольку дело рук своих я не могу отдать ни в чьи иные руки, кроме как в ее сильные и ласковые. Все бы ничего, но этот спич я реально исполнял по несколько раз каждый день все последние три месяца. Похоже не слишком достоверно. В конце-концов Любава осознала, что у нее ничего не выгорит в плане совместного путешествия, презрительно фыркнула и

покачивая соблазнительной попой, пошла назад в стойбище. Просто удивительно. Как ей это удастся, будучи нагруженной разнообразной кладью под центр весом. А я, в свою очередь, провожая ее взглядом, вынужден был частично согласиться с обоснованностью отдельных претензий. Пожалуй вчерашние три раза можно было бы и не учитывать.

Следующим на моем пути встал Абдула, потом дед Мазай, кузнец Ахмед и наконец Лохматый. Мысль о том, что последней в этом ряду окажется Ко-Бо до чертиков меня пугала, поскольку я четко понимал, что отвязаться от этой склочной бабы будет потруднее, нежели от всех предыдущих вместе взятых. К счастью пронесло. Предполагаю, что она просто из принципа решила встречать меня в противоположной от направления моего движения стороне.

Отличительным признаком всех этих встреч было то, что все желающие составить мне компанию в путешествии были членами Совета Племена, заранее в деталях посвященных как в мои планы, так и в то, какие персональные обязанности на них возлагаются на время моего отсутствия. Допускаю, что никто из них и не горел особым желанием отправиться к черту на кулички, разве что за исключением Любавы, а просто таким способом они выражали мне свою признательность. Либо, что гораздо вероятнее, рассматривали подобный шаг, как элемент борьбы за влияние в племени. Борьбы, которая несмотря на введенный в жизнь Свод Законов, непременно развернется буквально на следующий день. Правда, надеюсь, благодаря Своду Законов, вызубренному каждым членом племени, не перейдет в острую фазу. И в этой борьбе за умы и сердца соплеменников, аргумент — Великий Вождь почти готов был взять меня с собой, но в последний момент со слезами на глазах передумал, поскольку племя без меня пропадет, — придавал этим притязаниям дополнительный вес. Второй отличительной чертой этих встреч было то, что каждый из визави был нагружен по самое немогу. На фоне остальных та же Любава с ее стокилограммовой экипировкой выглядела легкокрылой богиней радуги Иридой. О чем говорить, ежели тот же Ахмед прихватил с собой в дорогу наковальню. По прикидкам, потенциальные путешественники пытались лишить стойбище половины материально-технических ресурсов. Я даже испытал определенный комплекс неполноценности со своей жалкой котомкой, копьём и ножом, составляющими основную часть моей экипировки.

Сегодня прошла ровно неделя с того дня как я покинул стойбище. Не считая коротких разговоров с членами Совета Племена, все это время я провел в одиночестве, оттачивая свои навыки дикаря-путешественника. За эту неделю я добрался до той самой пещеры, в которой в первый же день попадания в новый для себя мир повстречал Жеку и Ахмета.

Шел я сюда целенаправленно, обозначив пещеру Святого Августина первой промежуточной точкой своего путешествия. Местом, где смогу на время расслабиться и заново все обдумать. С учетом приобретенного опыта. Тем паче что на этом пути я рассчитывал не заблудиться, опасаясь своего врожденного топографического кретинизма. Казалось бы, чего проще — придерживайся все время левого берега широченной реки и иди вверх по течению. А скальные отроги, в которых и располагалась пещера, трудно было бы пропустить. И таки заблудился. Расстояние, которое мы когда-то прошли за три дня, заняло у меня неделю. И это при том, что все время проживания в племени я старался регулярно принимать участия в охотничьих экспедициях, организуемых группой Лохматого. Как минимум раз в две недели уходил с охотниками в лес на несколько суток. Так что со временем почувствовал себя бывалым выживальщиком,

Оказалось, что все мои чувства не более чем фигня на постном масле и выживальщик из

меня меньше чем никакой. Тот самый опыт, приобретенный за неделю одиночного передвижения настойчиво утверждал, что ни Следопытом, ни Чингачгуком Большим Змеем, либо каким другим героем из плеяды первопроходцев, описанных Фенимором Купером, мне никогда не стать. А лучше всего мне подходит роль кризис менеджера, что предполагает местообитание в рамках большого коллектива. Причем, чем больше коллектив, тем для всех лучше. В первую очередь для меня самого. А вот отшельничество это не мое.

Расположился я в пещере Святого Августина, куда проник через лаз, выходящий в овраг. Причем сам лаз мне с трудом удалось обнаружить после двух часов тщательного исследования оврага. Но это что. Настоящую панику я испытал, когда протискиваясь вперед по извилистому отнорку прочно застрял, без возможности двинуться как вперед так и назад.

Поскольку непосредственно моей жизни в этой ситуации ничего не угрожало, рассчитывать на эффект аномальной энтропии, предпринимающий неординарные меры к моему освобождению, типа землетрясения с направленным пинком в зад, не приходилось. А учитывая собственное бессмертие вполне вероятным становился вариант быть заживо погребенным в этом коридоре на продолжительное время. В диапазоне от появления в пещере институтских товарищей, до сдвига тектонических плит лет этак через миллион. Правда был вариант, что за пару недель без воды и пищи я изрядно похудею, да вот тут же вспомнил рассказ Жеки, о том что отсутствие еды на наши физические кондиции не влияет.

К счастью обошлось. По проществе небольшого времени я сообразил, что уж ежели Ахмету, с его габаритами, удастся здесь пролезть, то у меня вообще не должно быть никаких проблем. Тем паче, что внешний вид отнорка свидетельствовал о его полной сохранности с момента последнего визита. И таки да. Оказалось застрял не я лично, а за какой-то корень зацепилась моя котомка, препятствуя движению вперед.

Это на первый взгляд незначительное событие снова заставило меня задуматься. А может быть ну его все. Ну зачем, спрашивается, мне все эти неприятности. Вернусь в племя, где я всеми уважаемый человек. И со временем начну военную экспансию. Когда народа в ойкумене прибавится. Всех завоюю. Построю государство. Потом куплю фанеры. Построю аэроплан и полечу к едрене фене. Да хотя бы в тот же Париж.

Последняя мысль свидетельствовала разве что о неуравновешенности моего духовного состояния. На самом же деле я прекрасно понимал, что это путешествие для меня жизненно необходимо. Хочешь не хочешь, но как минимум ближайшие пару тысяч лет мне придется жить в отсутствии развитой цивилизации. И не став в эту эпоху своим, то есть диким и первобытным, я вряд ли чего-нибудь смогу добиться в плане прогрессорства. На мне клеймом будет висеть менталитет и рефлекс человека гуманного и толерантного. Того самого, которому в нынешнюю эпоху совсем не место. Печально, но я до сих пор живу в мыслях своим прошлым: институтом, Ленкой, Марго, да тем же Парижем, которого давно уже нет.

Конечно, всех нас здорово выручил эффект аномальной энтропии. Поставив нас совсем в неравные условия с местными аборигенами. На уровень то ли бога, то ли просто опасного мэна, с которым хочешь- не хочешь, но приходится считаться. Без этой абилки наш социальный рейтинг в племени быстро бы опустился до уровня третьего помощника местного золотаря. А то и ниже. Вот только кажется мне, что проявления магии, которые я все чаще замечаю вокруг, могут со временем нивелировать это превосходство. Так что индивидуальное дичание и одиночное путешествие, как средство его — дичания, достижения, превращается из нелепой прихоти в жизненную необходимость. Поэтому со

стратегического пути не сворачиваю. Иду куда глаза глядят, дичаю и по возможности осваиваю магию.

Правда, что касается магии, тут есть опасность существования некоего баланса. Типа, чем большим магом я стану, в части швыряния огненных шаров или чего-то подобного, тем слабее будет проявлять себя эффект аномальной энтропии, обеспечивающий нам, пришлым, абсолютное выживание. Это если предположить что магия и аномальная энтропия черпают ресурсы из одного и того же источника. Причем сам источник далеко не бездонный. Ну да ладно Все это теория. Практика покажет. Пока ничего в стратегии менять не буду.

А вот с тактикой надо разбираться и немедленно. Дело в том, что за первую неделю путешествия мне только однажды удалось добыть себе белковую пищу. Поразив копьем пятикилограммового сазана, плескавшегося на отмели. Все остальное время я питался подножным кормом в виде грибов и ягод, да вяленным мясом, которым затарился покидая племя. Я даже не разу костер не смог разжечь используя хорошо зарекомендовавшие себя первобытные технологии. С помощью куска кремния, бересты и и трута, аккуратно завернутого в резиново-гигиеническую упаковку, прихваченную друзьями при переносе из института сюда. Благо по своему прямому назначению презервативы не понадобились, поскольку о контрацепции здесь никто не задумывается, а от всяческой венерической заразы нас прекрасно предохраняет эффект аномальной энтропии.

Так вот, вместе с набором для розжига, производства Неандерталец и К, я храню и свою газовую зажигалку. Еще оттуда. Ею и пользуюсь для добычи огня, с ужасом ожидая того неизбежного момента моменте, когда газ в зажигалке закончится.

Оказывается у одиночества существует еще одна недокументированная особенность. Которую я во всей полноте прочувствовал, впервые за неделю устроившись на ночь на груди пушнины, толстым слоем наваленной на дно пещеры. В отличии от предыдущих неудобных ночевок: временами в развилке ветвей лесного исполина, с перманентным кошмаром, что шнур, свитый из полосок свиной шкуры, которым для страховки ты привязал себя к ветке, ночью не выдержит и ты в перспективе можешь грохнуться с изрядной высоты, временами сжавшись в комок, забившись в углубление, образованное между корнями другого дерева, подмытыми весенними талыми водами. Так вот, в отличии от тех ужасных ночевок мне совершенно не спалось. Отчего-то вспомнились слов институтского приятеля: «Я так давно не был с женщиной, что стал с интересом поглядывать на собственную жену». Может быть стоило с собой Любаву взять. А что с ее помощью, и учитывая аномальную грузоподъемность, можно было бы унести из племени в три раза больше вяленого мяса. Рассуждая подобным образом о достоинствах и недостатках отдельно взятой женщины я наконец-то засну.

А утром проснулся совершенно другим человеком. Четко понимая, что мой путь лежит на Север. И магию я начну осваивать не просто ту, что получится, а исключительно ту, которая базируется на гравитации и ментальном воздействии на разум. Остальное побоку. После чего куском охры нацарапал на разделочном столе, он же алтарь, лаконичное послание своим коллегам, рассчитывая, что рано или поздно они сюда заглянут. В послании сообщил, что иду на Север, Лет через десять вернусь. По поводу встречи в Балаклаве помню. Отдельно, крупными буквами выделил: «Это не наша Земля. Посмотрите на Луну. Здесь есть магия». Казалось, нечто подобное я мог бы проделать и в стойбище, вместо того, чтобы третировать деда Мазая, заучиванием устного послания. Вот только там ни охры, ни гладкой поверхности, ни пещеры с постоянными климатическими условиями, гарантирующими

сохранность написанного, не было.

После чего, с чувством выполненного дела выбрался из пещеры и ориентируясь по солнцу пошел на Север. Почему на север? Причин тому две. Во-первых, хотел пройти мимо столбов черного базальта. Именно из этого материала и именно в этом месте я и предполагал в будущем построить свой замок с крепостными стенами и донжоном. Причем в моем воображении это сооружение по размерам должно было бы превзойти еще не построенные Египетские пирамиды и возглавить рейтинг чудес света. Но это в отдаленной перспективе. А пока только подходящий участок присмотреть собираюсь.

Во-вторых, хочу янтарь на берегу моря собрать. Зачем? А просто так. Люблю я янтарь. Да и интуиция подсказывает, что он как-то завязан на магии.

А сейчас я шел лесом подбрасывая вверх камешки и пытаюсь с помощью магии ими управлять. Пару горстей мелкой гальки я прихватил спустившись к реке. Камешки магией управляться отказывались, а строго в соответствии с физическими законами взлетали вверх и в том случае, когда мне не удавалось их поймать, падали на землю. Может быть пока, для разнообразия, заняться ментальной магией? Вот только объекта подходящего нет. Разве что воспользоваться собственным советом, который в свое время дал Любаве — тренироваться на кошках, то бишь на белках. Пока объект посерьезнее не обнаружится. К несчастью объект посерьезнее тут же и обнаружился. Из-за деревьев, равно мне навстречу, вышел огромный саблезубый тигр.

Глава семнадцатая. Охота смилодона, или на смилодона

Глава семнадцатая. Охота смилодона или на смилодона.

В которой герой при встрече с диким зверем проявляет свои лучшие качества: осторожность и рассудительность, а убедившись, что это не работает, бросается во все тяжкие...

Надо сказать, что поляна на противоположных сторонах которой стояли я и тигр была достаточной редкостью для окружающего меня леса. По идее растительность Европы в своей средней полосе должна была бы быть представлена такими небольшими светлыми рощицами, перемежающимися открытыми пространствами. То что принято называть лесостепью.

Но это не наш случай. Лес, практически вплотную примыкающий к Великой Реке, тянулся во все стороны на многие десятки, а то и сотни километров, причем отличался дикостью, неухоженностью, наличием многочисленных буреломов и деревьями великанами, которым, по идее, должно расти в джунглях Юго Восточной Азии, в условиях обильного водоснабжения за счет муссонных дождей. При всем при том, самое удивительное было то, что растительный мир представляли не экзотичные секвойи, или допустим те же криптомерии, а самые обычные дубы переростки и совершенно гигантские грабы и тисы. В промежутках между которыми прятались неприлично большие березки. Правда дерево, в объёме достигающее пары метров, как-то и неудобно называть березкой.

Может быть я напрасно грешу на себя, обвиняя в топографическом кретинизме.

Поскольку в этой зеленой мешанине определиться с направлением движения практически немислимо. Разве что изредка, на открытом пространстве, удается сориентироваться по солнцу.

Так вот, в этих джунглях средней полосы Европы эти самые открытые пространства встречаются исключительно редко. Как правило, они образовывались вследствие падения особенно огромного растительного монстра, достигшего своего возрастного предела и рухнувшего вниз, подмяв под себя окружающую растительность на многие метры вокруг. Открытым пространством такую проплешину можно было бы назвать с большой натяжкой. Разве что, ежели смотреть вверх. Поскольку тому, что образовывалось на земле ближе соответствовал термин «Бурелом».

Полянка, на которую я выше одновременно со смиладоном имела несколько иной генезис, то бишь историю происхождения. Суда по всему, она возникла вследствие локального пожара вызванного молнией. Пожара который нафиг выжег все вокруг в радиусе пары десятков метров, а потом резко прекратился? Чудеса да и только. Знаю, так не бывает, но ничего умнее придумать не могу. Версию о том, что именно в этом месте американцы с вертолета уронили бочку с дефолиантом *Agent Orange* отбрасываю как некорректную, в силу отсутствия в этом мире как американцев, так и вертолетов.

В любом случае получилась этакая миленькая поляночка, покрытая невысокой травой газонного типа, ярко освещенная солнцем. Из числа тех на которых Красные Шапочки встречают Серых Волков.

На поляну, ровно с противоположной от меня стороны и одновременно со мной, вышел самый настоящий смилодон. Со всеми атрибутами, присущими этой грозе всего живого. Двадцатисантиметровыми верхними клыками, придающими этой кошке не слишком-то дружелюбный вид, пятнистой окраской и коротким хвостом, даже не хвостом а неким обрубок приличествующим разве что бульдогам, а не представителям семейства кошачьих, для которых хвосты всегда выступали одним из главных элементов декора.

Все-таки странная штука эта память Надо сказать что незадолго перед катастрофой я летал на конференцию в Турцию. Ну как на конференцию. Скорее на кратковременный отдых за государственный счет. Так вот, в салоне аэробуса среди прочей макулатуры мне в руки попался красочный глянец *National Geographic*,

в котором центральная статья как раз и была посвящена саблезубым кошкам. Причем с многочисленными, прекрасно выполненными иллюстрациями и детальным описанием разнообразных нюансов, связанных с этим хищником.

Казалось бы не время, но стресс от неожиданного столкновения в натуре с предметом статьи тут же восстановил в голове всю ту многочисленную информацию которую я нехотя, между делом, просматривал в ожидании посадки. Я внезапно вспомнил мельчайшие детали из этой статьи и тут же стал примерять их к моему случаю. И то что этот хищник жил в период от 2.5 млн лет до 10000 тысяч лет тому назад. Здесь мне несколько не повезло, вынужден был для себя констатирована. Еще бы две-три тысячи лет продержаться и эта встреча не состоялась бы. В силу полного вымирания оппонента. И то, что было несколько разновидностей смилодонов — от небольшого, килограммов на пятьдесят, до настоящего монстра, почти в пол тонны весом. Как сейчас помню: **Smilodon populator**. Тут вообще все совершенно непонятно. Судя по габаритам моего визави, он как раз и относится к последней разновидности, вот только та обитала исключительно в Южной Америке. Впрочем, не в моем случае быть догматиком. Смогли же папуасы перебраться на своих пирогах из Папуа

Новая Гвинея в Европу с тем чтобы устроить охоту на женщин в подотчетном мне племени. Так почему бы **Smilodon populator** не преодолеть Атлантику и вплавь добраться до Европы в надежде поохотиться на одного слишком умного и знающего погруженца. Кстати, касательно охоты. В статье говорилось что смилодоны охотятся в лесу и кустарниках нападая на свою жертву из засады. Здесь пока все совпадает. Лес в наличии. Но это так, нейтральная информация. Гораздо больший энтузиазм у меня вызвало воспоминание о том, что саблезубые кошки охотятся в основном на крупную дичь, типа бизонов, лошадей и даже мамонтов, а у себя в Южной Африке с удовольствием включают в свой рацион еще и Мегатериев, наземных ленивцев и Токсодонов. Не имею ни малейшего представления, кто это такие. Главное, что в состав стандартного рациона не входят человекообразные. Так что есть надежда, что на такую мелочь как я смилодон и размениваться не станет. Еще одним фактом, внушающим оптимизм, стало то, что судя по информации из статьи, смилодоны предпочитают охотиться на медлительную дичь, будучи сами от природы не слишком-то скоростными хищниками. Впрочем этот аргумент тут же пришлось откинуть. Поскольку ежели считать того же бизона, с его сорока км в час, медлительным, то как классифицировать меня. Разве что присоединить к категории ленивцев, ежей и опоссумов. Ежи вообще при нападении предпочитают сворачиваться в клубок с иголками. А опоссумы, изображающих их себя дохлятину и рассчитывают на то, что хищник предпочитает свежую пищу. Типа бефштекс мидл слегка с кровью.

Все эти мысли мгновенно спутанным клубком промелькнули у меня в голове, пока не выкристаллизовались в одну конкретную: «Надо что-то делать. Само по себе это не рассосется».

А надо сказать, что у меня уже был опыт общения с сопоставимым по габаритам смилодону хищником, в режиме тет а тет. В юности меня как-то занесло на один из островов в Белом море. Тогда захотелось чего-то этакого. Из разряда единения с природой. Сутки поездом, пол дня с рюкзаком через карельскую тайгу, быстрое решение в местном сельсовете всех орг. вопросов в части приобретения крыши над головой и плав. средства с мотором, — благо прихватил с собой десять литров спирта питьевого, медицинского — и вуаля, первый выход в море совершен той же ночью. Это по часам ночь, а по факту солнце уже коснулось горизонта и не предполагая опускаться ниже застыло в предвкушении обратного движения к зениту. Белые Ночи они такие. И вроде спать не хочется, а голова совершенно пустая и состояние отрешенно заторможенное. Именно в таком состоянии я и высадился на берегу одного из многочисленных необитаемых островов, после двух часов ходьбы в море в направлении Соловков. Захотелось размять ноги, шугануть птиц, просто побыть наедине с девственной природой. И все-таки многочасовое отсутствие сна, считай сутки бодрствования, здорово сказалось на соображалке. Поэтому, когда увидел двадцати сантиметровую полосу вспаханной земли, вдоль всей береговой линии, в голову пришло только одно рациональное объяснение этого феномена. В центре острова, в сторожке, живет вышедший на пенсию пограничник Карацупа со своим Мухтаром и чтобы не терять квалификации постоянно обновляет контрольно следовую полосу по всему периметру острова. Вот только силы уже не те. Поэтому и ширина полосы не пять метров.

Другой бы на моем месте уже забеспокоился и постарался как можно быстрее слинять с острова. Вот только не видел никаких оснований опасаться пенсионера пограничника, пусть даже с собакой. Поэтому и пошел вдоль берега, лениво озираясь вокруг.

Меня тогда даже не смутило то, что рядом с рощицей, в глубине острова, метрах в ста от

меня, я удивил самого настоящего медведя, который что-то выкапывал из земли. Зато сразу стало понятно, откуда борозда появилась. Помню восхитился — это же надо, когтями такую колею проложить. В голове лениво перекатывалась мысль: а вот если громко свистнуть, зверь испугается и убежит или продолжит свои археологические изыскания. На осторожный вопрос внутреннего голоса: «А что будем делать, ежели мишка захочет с нами поближе познакомиться?», я дал вразумительный ответ: «Можно будет ему кулаком в нос дать» И для пущей убедительности сжал пальцы в кулак. Все-таки расслабила цивилизация людей, а посещение зоопарков привило ложные представления о том, что все наши братья меньшие — белые и пушистые.

Мишка таки захотел...

Издав раскатистое Ры-Ры-Ры!!! зверь приподнял голову и бросился в мою сторону. Раньше я думал, что лошади, или, допустим, собаки бегают быстро. Теперь убедился, что это все полная фигня по сравнению с медведями. Зверю, по моим ощущениям, понадобилось два-три прыжка, чтобы преодолеть стометровую дистанцию. После чего он встал на задние лапы прямо напротив меня и повторил свое Ры-Ры-Ры!!! В голове осталась только одна мысль: бить медведю в нос кулаком совершенно бесполезно, поскольку не факт, что достанешь, высоко очень, а кроме того черная, блестящая, влажная пуговица, заменяющая зверю нос, была в несколько раз больше небольшого моего кулака. А потом некстати вспомнился рассказ знакомого охотника, что после встречи с медведем, от путешественника остаются одни только пуговицы. Поскольку плохо перевариваются в желудке.

Продемонстрировав свое полное тотальное превосходство, медведь немного успокоился и опустил на четыре лапы. А я медленно пятясь задом, не отводя глаз от зверя, и шепотом приговаривая: «Мишинька, тихо, тихо, не нервничай», добрался до своего карбаса.

Вспомнив эту поучительную историю, я решил действовать проверенным способом, хорошо ранее себя зарекомендовавшим.

Медленно пятясь назад и изобразив на лице самое доброжелательное выражение, тихонько приговаривал: «Котик, мы с тобой одной крови...»

В отличии от того же Лохматого, который в сходной ситуации попытался бы ткнуть смилодона копьём в бок, мне подобная дурацкая мысль даже в голову не пришла. Я человек по своей природе сугубо мирный. К тому же копьё я засунул за спину под котомку навреде того как самые прошаренные японские мечники вешают свои катаны.

Для чего к древку петельку привязал и прицепил всю эту конструкцию к ляжке котомки. Это чтобы мне копьё не мешало камешки вверх подбрасывать и в магии тренироваться. Мысль о том что по непролазному лесу, еще и в одиночестве, шляться может быть не слишком безопасно, до встречи с саблезубой кошкой даже не приходила мне в голову. Что значит вбитая в голову с детства мысль, о том, что человек царь природы. Жаль что моего визави с этой мыслью в детстве его мама не познакомила.

Уж не знаю, что смилодону пришлось не по душе. То ли он плохой физиономист и мое дружеское и участливое выражение лица принял за враждебную гримасу, то ли он обиделся на то, что я назвал его котиком. Возможно, что с его точки зрения это прозвучало слишком интимно и несвоевременно. А может быть мне не стоило ссылаться на общность крови. Чисто с генетической точки зрения заявление весьма сомнительное, а кроме того вызывает многочисленные ассоциации гастрономического толка.

В любом случае издав зловещий глухой рык смилодон бросился к мне с явно агрессивными намерениями. Первая мысль которая пришла после этого мне в голову:

«немедленно написать опровержение в *National Geographic*». По поводу того, что смилодоны медлительные. Поскольку в скорость приближающийся ко мне хищник ничуть не уступал приснопамятному медведю.

Вторая мысль была не слишком структурирована, этакое панического толка, содержательная часть которой сводилась к Аномальной энтропии: «Помоги». Причем эта мысль была густо удобрена сомнениями, касательно эффективности Аномальной энтропии в данном конкретном случае. Все-таки давно, считай три месяца как, она о себе не давала знать. И нельзя сказать, что за это время я не давал повода для запуска нужного эффекта. Да меня та же Любава однажды в порыве страсти так колесом изогнула, что я едва выжил. А аномальная энтропия молчок. Все-таки не стоило девушке на пальцах объяснять отдельные элементы Камасутры без доступа к первоисточнику. Немудрено что-нибудь и напутать.

После этого, на протяжении сравнительно продолжительного времени, мыслей в голове больше не было. Были сплошные действия. Я одним движением руки сорвал с себя котомку, которую швырнул в морду стремительно приближающегося хищника. Котомку смилодон отшвырнул буквально налету, одним ударом лапы. Зато копьё привязанное к котомке и болтающееся на веревке как нанизанные на веревку консервные банки, привязанные к хвосту собаки из жизнеописания Тома Сойера, от этого удара совершило странный кульбит и стукнуло древком по носу смилодону. Чем на секунду прервал его наступательный порыв.

Осознав, что в этом поединке ума и силы все преимущества находятся на стороне силы, я тем не менее с гордостью отметил, что первым открыл счет в матче. Пусть и за счет потери единственного удобоваримого оружия. Решив не останавливаться на достигнутом. С криком: «Ах ты кошак драный!» сделал шаг вперед и швырнул в саблезубого тигра горстью гальки, которую до сих пор судорожно сжимал в кулаке.

На этом все и успокоилось Туша смилодона мирно лежала на траве, прошитая насквозь десятком мелких камешков, которые сначала со свистом насквозь пробили животину, а затем исчезли где-то далеко в лесу за той стороной поляны, по ходу движения оставляя за собой хаос из обломков деревьев, веток и листьев. Где заканчивалась эта просека мне увидеть не удалось. Да и не очень хотелось. Я валялся на той же поляне в двух шагах от своего противника, причем моя собственная жизнедеятельность мало отличалась от таковой у дохлого смилодона.

Непонятно откуда, но я твердо знал, что запущенные мною камни это самая настоящая магия, которую я только что исполнил. Чем и совершил невероятную по своим размерам глупость. Поскольку до доньшка опустошил энергетический резерв от которого питалась моя личная Аномальная энтропия, обеспечивающая мне защиту от всех негоразд этого мира. Теперь на Аномальную энтропию в ближайшие два-три месяца рассчитывать не приходится. Как впрочем и на телекинез. Который является атакующим магическим скиллом, в отличии от Аномальной энтропии, относящейся к классу легендарных защитных. И питаются оба эти умения из одного и того же источника, который я только что высосал до дна. Вот только разница между телекинезом и Аномальной энтропией заключается в том, что коэффициенте полезного действия последней чуть ли не в тысячи раз выше. Для Аномальной энтропии мое спасение от смилодона не потребовало бы и сотой доли резерва энергетического источника. Так что напрасно я поторопился и не дождался, когда лапа хищника провалится в кротовую нору или произойдет нечто похожее. Дело в том что Аномальная энтропия почти не расходует энергию, поскольку она просто меняет вероятности тех или иных событий. Больше никакого телекинеза. Стану практиковаться в ментальной магии. Она тоже энерго

мало затратна. Это конечно ежели выживу. Или хотя бы смогу хотя бы подняться на ноги в ближайшие пару часов. Поскольку практическое применение телекинеза лишило меня не только магического резерва, но и полностью исчерпало физические силы. Надеюсь, что в ближайшее время на поляне никто не покажется. Я в таком состоянии и от зайца отбиться не смогу. Черт. Кажется сглазил. Трава на противоположном конце поляны зашевелилась и оттуда показалась мордашка еще одного смилодона. Только размером поменьше. Гораздо поменьше. Напрасно я обозвал своего противника: «кошак драный». Надо было сказать: «Драная кошка». Котенок подошел к своей мертвой матери принюхался, потом фыркнул и поковылял в мою сторону. После чего приблизившись почти вплотную к моему лицу и навроде кобеля, метящего свою территорию, приподнял заднюю лапу. Мать твою! Меня кошка обоссала!!!

Глава восемнадцатая. Игры разума.

В которой главный герой сначала делится своей кровью, потом играет с котенком в гляделки и в конце-концов категорически осуждает проявления варварства и каннибализма, но потом передумывает, делая исключения для особых обстоятельств

Котенок, сделав свое черное дело, нагло уставился на меня своими желтыми глазами с чисто кошачьим вертикальным разрезом зрачков и презрительно зашипел. К этому времени ко мне вернулись капля физических сил и я с трудом вытянув вперед руку ткнул наглеца в бок пальцем. Напрасно все же я это сделал. Котенок тут же воспользовался предоставленной возможностью и вцепился в палец острыми как иголки зубами. К счастью для меня, да и для него тоже, у смилодонов саблезубые резцы вырастают к полутора годам. После того как выпадают молочные зубы. Это я тоже узнал из *National Geographic*. Так что серьезно повредить мою тушку котенок не мог. А так слегка прокусил кожу на пальце и принялся со злобным урчанием слизывать капельки выступившей крови. Нельзя сказать, что это было чересчур уж больно, но однозначно обидно.

— И как прикажешь это понимать? — поинтересовался я у своего визави. — Только не надо мне сказки рассказывать, что ты решил стать моим пэтом, а сейчас проходишь процедуру импринтинга. Уверен, будь у тебя такая возможность и размеры поболее, ты меня тут же, без зазрения совести, и сожрал. А окружающим потом стал бы рассказывать, что жестоко отомстил за коварно убитую, с помощью применения неконвенционного оружия, маман.

Упоминание о невинно убиенной смилодонихе что-то перемкнуло в мозгах у котенка.

Слегка перекусив моей кровушкой, неугомонное создание поковыляло к мертвой туше смешно раскачивая при ходьбе куцым хвостом.

Вылитый Ленкин мэнкс с нелепой кличкой Блинк, которым моя любовница необычайно гордилась и до небес превозносила его уникальные личностные качества. Я же числил это создание редкостным ушлепком, вечно норовящим нагадить мне в туфли. Только нынешний кот, несмотря на свой детский возраст, превосходил Блинка раза в два, и по габаритам приближался к небольшой рыси. Как-то с котами у меня никогда отношения не складывались. Вот с собаками — другое дело. Спрашивается, чего на меня волчица не напала? С удовольствием бы попытался приручить волчонка.

Тем временем мини саблезубый тигр добрался до туши своего великовозрастного собрата и самым натуральным образом попытался отодрать кусок мяса от бедра своей маман. И у него это получилось. Признаться мне поплохело. И вовсе не от возмущения фактом каннибализма, а от осознания того, что если котенку удалось оторвать от ноги смилодона приличный такой кусок мяса, килограмма на полтора, то я что-то неправильно понимаю. И хотя кожа монстра в этом месте была рассечена галечной пулей, а ошметок мяса свисал с бедренной кости, это не отменяло того факта, что при желании котенок мог бы легко вырвать подобный кусман и из меня любимого. Причем не очень напрягаясь. Где-нибудь в районе горла.

К счастью физические кондиции стремительно возвращались ко мне. Думаю, не последнюю роль в этом сыграл психологический шок, при виде котенка пожирающего плоть своей ближайшей родственницы.

— Стоп. — одернул я сам себя. — Во все не родственницы. У родственницы по определению таких причиндалов быть не может.

Встав почти вертикально и с трудом переставляя ноги, я побрел к месту действия, дабы окончательно убедиться в том, что она это не она, а он. И гендерная самоидентичность здесь совершенно не при чем.

Все-таки напрасно я иронизировал над котенком с его ковыляющей походкой. На его фоне я смотрелся как кастрирована каракатица на фоне Императорской балетной группы. Поймав себя на этой мысли и осознав всю ее глубину я даже притормозил, с тем чтобы оглядеться вокруг в поисках Ахмета и его браги на фиолетовых грибочках. Такой бред в голову мог прийти только после приема не самых легких психотропов. И хотя я четко понимал, что со мной происходит нечто ненормальное, вместо того, чтобы попытаться вернуть себе ясность мышления я углубился в обдумывание проблемы — каким образом можно кастрировать каракатицу, и выполнимо ли это вообще в принципе, учитывая тот факт, что каракатицы относятся к отряду моллюсков из класса головоногих.

— Неужели это последствия применения магии? — в очередной раз попытался я сконцентрироваться на главном. К сожалению ненадолго. И хотя картинку каракатицы удалось вытеснить из головы, но ее сразу же сменила вся балетная труппа Имперского театра. Причем на первом плане солисткой выступала Любава, облаченная в пачку и пуанты. К тому же с совершенно чистыми ногами.

— Да нет, это не магия. Это что-то другое.

Озарение пришло при виде котенка, с урчанием пожирающего очередной кусок мяса.

— Ах ты паршивец, это ты меня траванул? Признавайся! Когда палец прокусил и кровь слизывал. Вампир недоделанный!

Паршивец на секунду оторвался от своей трапезы и окинул меня уничижительным взглядом. А потом в мозгу одна вслед за другой стали появляться короткие картинки, разворачивающиеся в некое эпическое повествование.

Вот котенок вместе со своими братьями и сестрами играют на этой самой поляне. Невдалеке от логова, надежно укрытого под корнями огромного дерева. В случае опасности котят понадобится считанные секунды, чтобы скрыться в безопасном убежище. А сейчас так весело прятаться в траве, с тем чтобы из засады неожиданно бросится на других игроков. А совсем скоро появится большая и теплая кошка, которая притащит с собой огромный кусок мяса и позволит от души наестся. А потом всех котят вылежит и загонит в логово.

Знакомая кошка до сих пор не появилась, зато на поляну вышел зверь здорово на нее похожий, только гораздо больше и сильнее. Этот зверь решил поучаствовать в играх котят. Вот только привнес в игру новые правила. Зверь быстро находил одного котенка за другим. Брал найденьша зубами за шкуру. Потом резким движением головы подбрасывал высоко вверх и ловил в воздухе широко раскрытой пастью. Затем хруст костей, чавканье и очередной котенок исчезал в ненасытном желудке зверя. Вскоре в живых из помета на поляне остался только наш котенок. Зверь принялся и напрямик направился в ту сторону где среди травы пытался спрятаться последний игрок в прятки. Судя по всему жить ему осталось от силы секунд десять. Но в это время на поляну ворвалась взбешенная кошка. Молча, стремительной тенью она метнулась к зверю и попыталась оседлав его загривок пробить толстую шкуру своими саблевидными клыками. К сожалению, тот способ охоты, который прекрасно зарекомендовал себя по отношению к кабанам оленям и зубрам, на этот раз дал сбой. Противники сцепились между собой и рычащим клубком укатились в лес. Котенок замер на месте в ожидании большой и сильной кошки, которая всегда всех побеждала. Вот только не дождался. На поляну снова вышел страшный зверь. Слегка потрепанный. Но преисполненный желанием продолжить игру в прятки с котятами. Вернее с последним оставшимся в живых котенком. Тут бы все и закончилось. Только на противоположный конец поляны вышел какой-то странный лохматый зверь, передвигающийся на двух ногах, и отвлек внимание его. Котенок сообразил, что ему снова повезло. Но ненадолго. Правда оставался небольшой шанс что, огромный кошка задержится на время, пожирая странного двуногого зверя. А потом, может быть, и вообще забудет о котенке.

Все произошло вовсе не так как ожидалось. Сначала странный двуногий оторвал от себя свой горб и бросил им во врага. С чем-то подобным котенок сталкивался когда был совсем маленьким и на этой самой поляне ловил шустрых ящериц которые отбрасывали свой хвост, будучи прижатыми к земле лапой и быстро-быстро убегали, воспользовавшись замешательством противника. Дальше больше. Вместо того чтобы убегать, двуногий бросился навстречу зверю и громко на него зарычал. А потом откуда-то появился рой странных шмелей и закусав врага до смерти скрылся в лесу ломая все на своем пути. Котенка однажды укусила шмель, которого он пытался на лету поймать в прыжке пастью. Было больно. Но он и не подозревал что шмели могут закусать до смерти.

Ну а потом котенок понял, что всех победил. Зверь сдох. Двуногий мало чем от дохлого врага отличался, хотя все еще дышал. Наверное ему тоже от шмелей досталось. И только он остался Царем горы.

Для того чтобы этот факт ни у кого не вызывал сомнения и никто не смог бы претендовать на его победу, Котенок подошел к еще живому двуногому и пометил его тушу.

Затем решил немного подкрепиться. Вот только кровь у этого странного существа обладала каким-то совершенно незнакомым привкусом. Нельзя сказать чтобы неприятным, но точно необычным. К тому же слизав для пробы несколько капель этой крови котенок почувствовал к двуногому какое-то странное чувство. Которое он ранее испытывал разве что к большой и теплой кошке. Есть двуногого отчего-то перехотелось.

К тому же котенок понимал, что большая и теплая кошка больше никогда к нему не вернется и неплохо бы иметь под рукой кого-то кто мог бы отвлечь на себя внимание другого враждебно настроенного зверя, будучи тот появится поблизости.

Приблизительно так я интерпретировал всю ту мешанину картинок, эмоций и образов, которая возникла у меня в голове после мысленного контакта с котенком. И ничем иным кроме как проявлением магии разума это быть не могло. Так что за сегодня я дважды стал магом.

Конечно, котенок и близко не использовал категории типа: Враг, Двуногий, Братья. Все это не более чем адаптивный перевод на человеческий язык эмоций и образов, которыми оперировал мозг юного смилодона. Так и вертится на языке — Юного подавана.

Все-таки способность выражать свои мысли словами, пусть даже в уме, огромное достижение, разгружающее мозг от ненужных процедур, связанных с удержанием в голове целостного образа. и освобождающее его потенциал для других целей. Например для изобретения колеса или организации соревнований по плевкам на дальность. Для того же котенка категория «Смерть» это одновременно Темнота, Холод, Мясо, Боль, и еще десяток вспомогательных образов. А лично для меня «Сало» оно и есть «Сало». И нечего его пробовать.

Заменяя тот же образ меня любимого, каким я представляюсь котенку — большим, на двух ногах, с торчащей во все стороны шерстью, ну и так далее — еще минимум сотня отличительных характеристик, всего-то одним ярлыком — «Двуногий» и манипулируя впоследствии этим ярлыком, как самим образом, я, будучи существом владеющим речью, попадаю в значительно более привилегированную ситуацию в сравнении с котами. Правда не стоит забывать, что для того, чтобы корректно оперировать ярлыком, необходимо, чтобы сам образ ему соответствующий во всех своих многочисленных деталях, включая дурацкую шкуру, хранился где-нибудь в архиве. Готовый, при необходимости к извлечению в полном многообразии. Применительно к нашему случаю, в роли архива выступает то ли подсознание, то ли в долговременная память. Что несколько снижает коэффициент полезного действия мозга человека за счет владения словом по сравнению с котами.

Этак, продолжая развивать подобные идеи, я начну искать ответ на глубоко философский вопрос — может ли подсистема, будучи частью системы, осознать систему в целом. Подход с ярлыками и архивированием отдельных кусков дает намек на перспективу положительного ответа на этот вопрос. Еще немного и тезис: «Я есть бог» станет общепринятым и проходным.

Интересно, что за гадость в мой организм запустил этот котенок, когда облизывал мне палец. Если меня до сих пор так колбасит.

Хватит думать, думать будем завтра. А сейчас трясти станем.

И в первую очередь надо навести мосты с этим котенком. Судя по всему, нам еще долго придется терпеть друг друга.

А вот интересно. Для того, чтобы читать мысли других, обязательно предварительно поить их своей кровушкой. Похоже, таки да. Другие Черные Властелины, чтобы чего-то от

подчиненных добиться, сами у последних кровь пьют, в переносном конечно смысле. А мне что прикажите делать, дабы в мысли проникать и заговоры избобличать?

Представил себе совершенно дурацкую картину. Вот я сижу на троне в окружении собственной многочисленной свиты. Вот подзываю к себе первого визиря и сую тому палец в рот с требованием укусить этот самый палец, а кровь слизать. И все ради того, чтобы убедиться в благонадежности последнего. Нет уж. Классическими способами и силой специально обученных людей из Тайной Канцелярии надежнее будет. А магия это тьфу. Гадость!

Интересно, когда у меня пройдут эти галюники. К тому же красочные такие. Куда там Ахметовой бражке на фиолетовых грибах. Может быт ему котенка на опыты сдать.

К счастью это был последний приход за сегодня. Меня отчетливо отпустило и я таки занялся делом.

Начал с воспитания котенка.

— Да, как я посмотрю среди вас- смилодонов практикуются высокие родственные отношения. Не удивлюсь, если окажется, что этот перец, которого ты пытаешься сожрать, — твой отец. Имей ввиду. У нас, у людей каннибализм сурово осуждается и даже, по возможности, преследуется. Так что если и в дальнейшем намерен со мной вместе путешествовать, выплюнь бяку. Идем я тебя вяленным мясом угощу. Тебе наверняка понравится. А если не понравится, то делай вид, что понравилось и жуй молча. Там еще немного осталось. Хотя такому проглоту как ты это на пару дней. Дальше нужно будет думать о том, чем тебя кормить. Для меня это не слишком важно. От голода не помру. На крайний случай Аномальная энтропия поможет.

И тут я сообразил, что в нынешней ситуации мне никакая Аномальная энтропия помочь не сможет. В силу полного исчерпания магического резерва. Так что проблема — чего пожрать, стоит передо мной не в меньшей степени, нежели перед котенком.

Именно это соображение и привело к тому, что мы с котенком задержались на поляне на целых три дня. Вернее не на поляне, а рядом. Логово в которое меня привел котенок оказалось на удивление просторным, сухим, теплым и самое главное чистым. За это время я научился таки разводиться костер с помощью переносного разжигательного набора Неандерталец и К, то бишь с помощью кремния, трута и бересты. Более того соорудил нечто, отдаленно напоминающее коптильню, после чего и заготовил приличный запас мяса, используя тушу смилодон. Используя для этого самые сочные куски общим весом килограммов в сорок. Остальное пришлось оттащить подальше, чтобы не привлекать возможных падальщиков. Как оказалось не самая простая работка, поскольку дохлый смилодон весил не намного меньше живого, а это как-никак килограммов четыреста. К тому же пришлось волочь и тушу большой теплой кошки, обнаруженной неподалеку. Считаю еще килограммов триста.

Признаться, опасался встречи котенка и его мертвой маман. И напрасно. Тот на своем личном примере продемонстрировал принцип: «Надо быть проще». Обошел вокруг, зевнул и умчался по своим делам, взвалив на меня всю текущую работу.

Не скрою, мне до чертиков хотелось снять с дохлого смилодон шкуру и сделать из нее чучело. С тем чтобы в своем будущем замке из черного базальта, с донжоном, продемонстрировать ее гостям. Понятно, что задача мне не по плечу. Так что я ограничился заготовкой одних только клыков, причем не стал жадничать и кошку не тронул, а потом содрал со спины и боков кошки такой себе приличный по размерам прямоугольный кусок

шкуры в виде коврика и сейчас пытаюсь вспомнить, как его можно сохранить. В голове всплывает что-то касательно золы, извести, аммиака получаемого из моч, и отчего-то бой между Змием и Никитой Кожемякой.

Глава девятнадцатая. Охота на мамонта

юГлава девятнадцатая. Охота на мамонта.

В которой главный герой долго выбирает имя для своего напарника и останавливается на самом неприятном для себя варианте, потом дистанционно принимает участие в охоте на мамонта и в заключении приходит к выводу, что выбор участка под строительство замка с донжоном слишком ответственная штука, чтобы делать это с кондачка.

В последние три недели я здорово поднял свою самооценку. Оказалось, что если долго мучиться, чтонибудь получится. А у меня в последнее время получалось многое.

Из главных достижений следует отнести то, что ни меня ни Блинка до сих пор никто не сожрал. Кстати, касательно Блинка. Окончательный выбор имени, которое не вызывало у моего напарника идиосинкразию, так же следует отнести к глобальным достижениям. Никогда бы не подумал, что смилодоны столь разборчивы в этом плане. В первый же день, вернее в первую ночь нашего знакомства, забравшись в логово, полноправным и единственным владельцем которого по праву наследования стал котенок, я предложил своему спутнику на выбор два имени. Тигра и Пятачок, пообещав что в случае положительного решения хотя бы по одному из предложенных вариантов сам стану отзываться на кличку Винни. Думаю не стоит пояснять мою логику. С одной стороны хотелось порешать этот вопрос как можно быстрее и без особых усилий, так что обращение к классике здорово облегчило мне жизнь. С другой стороны почему бы саблезубому тигру не называться **Тигрой**. А имя Пятачок имеет еще одно неоспоримое преимущество. Поскольку

на полном на то основании позволяет в путешествии пользоваться песенкой: «Куда идем мы с Пятачком — большой — большой секрет!». Опять же правдоподобность этих слов подкреплялась тем, что лично я мало себе представляю, а куда мы, собственно говоря, идем.

Предложение было котенком с негодованием отвергнуто. Причем паршивец таки воспользовался моей неосторожностью и время от времени стал обращаться ко мне по имени Винни. Обычно в уничижительном контексте. Типа: «шевели булками, Винни». Или: «Винни, у тебя вместо головы горшок набитый отрубями». Хотя непонятно, почему отрубями, а не опилками?

И не стоит предполагать, что те галлюцинации и бредовые фантазии, которые появились у меня после того, как котенок обслюнявил мне палец, в первый день нашего знакомства, трансформировались в такую вычурную форму. Ничего подобного. Все прошло. Я снова ясно мыслю.

Просто с котенком у нас возникла устойчивая мыслесвязь. К счастью не постоянная, только не хватало чтобы у меня в голове на постоянной основе крутилась мешанина из картинок, образов и эмоций, принадлежащих котенку, а исключительно по запросу одного из контактеров, причем заблокировать входное сообщение не представляло труда. Воспользовавшись опцией: «не хочу тебя слышать».

Так вот, котенок транслировал мне свое видение ситуации, а я уж навешивал на эти картинки словесные ярлыки. Поэтому на полном на то основании, картинку с толстым медведем, который не может понять куда подевалась его законная добыча в виде жирного и вкусного барсука, следовало именовать тупой Винни.

Предполагаю, что образы Медведя, Горшка, а тем более Отрубей котенок похитил из моей головы. Но в принципе, если не вдаваться в дебри, в попытке осмысления механизма обмена мыслями между мной и смилодоном, а сослаться на то что за всем этим стоит ментальная магия — штука грандиозная и непознаваемая, то сама мыслеречь оказывается удобной и простой в практическом применении.

После того как котенок с негодованием отверг варианты Тигры и Пятачка, с моей стороны последовала длинная череда разнообразных предложений. Начиная от банальных Барсиков и заканчивая аристократическим Леопольдом. И все это без обсуждения отправлялось в утиль. Отчаявшись, я даже предложил называть нашу парочку Бонни и Клайдом. Это после того, как мы совместными усилиями в первый раз удачно затравили зайца. Причем я выступал в роли загонщика, а котенок лежал в засаде. Надо сказать что это была наша первая дичь. Причем весьма своевременная. Поскольку копченое мясо катастрофически заканчивалось, а жрать грибы и ягоды смилодон категорически отказывался.

Идея в первый момент заинтересовала котенка. Но впоследствии была забракована, поскольку мы не пришли к консенсусу, кто же из нас станет Бонни. И это не смотря на декларируемую котенком гендерную толерантность.

Проблема разрешилась совершенно неожиданным образом

Отчаявшись найти для своего партнера подходящее имя и обнаружив, что мои мокасины, которые я на время снял на у костра для просушки, странным и подозрительным образом воняют, я сгоряча выдал: «Да ты такой же ушлепок как Ленкин Блинк». Это имя неожиданно понравилось котенку.

Сейчас мы с Блинком, спрятавшись за грудой валунов, наблюдали как отряд brutальных троглодитов забивали мамонта. Я впервые видел нечто подобное. Во время моих с

Лохматым охотничьих вылазок встречаться с мамонтом нам не доводилось. Все-таки густой лес не лучшее место для обитания древнего слона. Да и случись такая, встреча, не думаю, что Лохматый рискнул бы отправить свой отряд на заготовку подобной дичи. Все таки для охоты на мамонта требуется особая сноровка и определенные ухищрения. Без таковых зверь может представлять серьезную опасность любому числу охотников. (Хотя не стал бы на это ставить свою последнюю рубашку. С Лохматого станется. Устроили же эти идиоты рыцарский турнир — один-на — один с выбыванием с пещерным медведем).

И подтверждением тому служила картинка открывающаяся перед нашими глазами.

Несмотря на то что отряд за которым мы наблюдали несомненно владел соответствующими навыками, подтверждением тому служил то, что передняя нога жертвы была прочно зафиксирована и как бы не сломанной в импровизированном капкане, однозначно искусственного происхождения. В виде глубокой узкой щели тщательно замаскированной, расположенной на пути следования гиганта. Этого оказалось недостаточно. О чем свидетельствовали служил два изломанных тела охотников-неудачников валяющихся в зоне битвы.

Я раньше думал, что ловчие ямы на мамонта это нечто невероятно габаритное, не яма, а ямище, куда многотонная туша помещается полностью. И всегда поражался, прикидывая объем земляных работ, которые необходимо выполнить. По всем моим расчетам сделать такое без помощи экскаватора представлялось невозможным. Местные аборигены ограничились лайт версией охотничьей ямы. Замаскировав глубокую узкую трещину естественного происхождения, и судя по всему слегка исказив траекторию тропы по которой обычно ходили мамонты, натащив валуны и сделав не слишком проходимым один из участков и расчистив дорогу рядышком, как раз в том месте где и находилась коварная трещина. Надо сказать что такой подход, с моей точки зрения, потребовал от аборигенов не дюжей смекалки. Ничего подобного лично мне бы в голову не пришло. Что значит многовековой опыт охоты на мамонта. Несмотря на определенные потери со стороны охотников и трубный рев мамонта который у меня вызывал ассоциации с Иерихонской трубой, способной в щебень разрушить не только абстрактные стены, но и конкретные окружающие скалы, охота подходила к своему логическому завершению.

Неожиданно я получил от Блинка мысленный посыл. Котенок буквально дрожал от негодования, возмущаясь тем, что эти тупые двуногие столько времени без толку тыкают в бока Носатого своими палками с каменными наконечниками. И это вместо того чтобы запрыгнуть Мохнатому на спину и одним точным ударом клыков в место у основания черепа резким рывком головы вскрыть защиту позвоночника, вырвав кусок плоти вместе со шкурой. И уж потом обнажив белую кость позвонков вторым ударом клыков и еще одним рывком головы завершит охоту, убив Мохнатого.

Получив этот мысленный посыл я тут же уверовал, что лет через пять-десять, когда Блинк наберет нужную кондицию, мы этих мамонтов пачками заготовливать будем. Можно будет сделать неплохой бизнес на продаже бивней.

А пока мне предстояло принять нелегкое решение. Дело в том, что отправляясь в одиночное плавание я предполагал по пути встречать отдельные группы троглодитов. И мысленно выработал для себя схему будущих контактов.

Планировалась кратковременная инфильтрация в группы аборигенов, сроком от недели до нескольких месяцев, с тем чтобы за это время поделиться с троглодитами основами собственной мудрости и сориентировать их развитие в направлении прогресса. Ну, типа,

заложить основы разговорной речи, сначала хотя бы с помощью языка жестов, основные элементы которого я предполагал разработать непосредственно на месте. Или более продвинутых троглодитов познакомить с концепцией всеобщего равенства и зубной щетки. Как получится. В конце-то концов, нельзя же все внимание уделять личному самоусовершенствованию. Надо бы и о народе подумать. Почему бы по ходу дела и не создавать в разных местах зародыши цивилизации.

Вот только в основе этого подхода лежало предположение, что Аномальная энтропия будет всегда со мной. И ежели неразумные аборигены с маху не смогут оценить то, как им повезло, встретив меня, то всегда можно будет привлечь этого союзника на свою сторону, потребовав у «неразумных» лечь на землю, руки за голову а плечи расставить на ширину ног. Причем ноги раздвинуть пошире. А ежели кто будет против, то кто же ему доктор. Тем более что до изобретения докторов еще шагать и шагать.

Вот только после эксперимента с телекинезом полагаться на Аномальную энтропию не приходится. Возможно энергетический ресурс и восстанавливается, но не слишком быстро и совершенно незаметно. О чем однозначно свидетельствует здоровенная шишка на лбу, которую я приобрел когда по указанию Блинка пытался протиснуться в узкий лаз, ведущий в небольшую, но темную пещеру, вернее даже пещерку в скале, в которой мы провели прошлую ночь. Мало того, что лоб себе расшиб, так еще этот наглец обозвал меня тупым и неповоротливым Винни. Похоже имя Винни у котенка стойко ассоциируется с идиотом.

Правда в оправдание своему напарнику должен сказать, что у него обнаружилось уникальное умение — практически в любом месте искать и находить отличные места для ночевки. Так что за эти три недели мы буквально пару раз ночевали на ветках деревьев, либо просто на земле, разложив костер для отпугивания зверья покрупнее. Мелкие хищники боялись к нам подходить, учуяв запах смилодона.

Возвращаясь к аборигенам. Без гарантированной защиты обусловленной эффектом Аномальной энтропии мне не слишком-то хотелось знакомится с первыми попавшимися встречными, рассчитывая исключительно на их доброжелательное отношение. Не выглядели эти волосатые мускулистые троглодиты с звероподобными физиономиями достаточно дружелюбными для простого человеческого контакта. Рассчитывать же на ментальную магию которую я в последнее время неплохо освоил, регулярно используя мыслеречь в общении с Блинком и вовсе не приходилось. Поскольку в ее основе лежало предварительное употребление собеседником моей крови. Мы с Блинком давеча эту гипотезу достоверно подтвердили научным экспериментом. Для чего случайно подбитой птице, напоминающей ястреба, но все еще живой (Ястреба подвела жадность, поскольку он позарился на добычу, которую Блинк, не без основания, числил своей), я разрешил клюнуть себя пару раз. С тем чтобы капелька моей крови попала птице на язык.

После чего попытался вступить с ястребом в мысленный контакт. Попытка оказалась успешной. Меня буквально захлестнуло мешаниной образов. Да так, что я от неожиданности выпустил птицу из рук. Похоже, ястреб тоже получил свою порцию. И увиденное ему настолько не понравилось, что он внезапно обрел тягу к жизни и и рванул вертикально в верх со скоростью, способной поставить в затруднительное положение любого ученого натуралиста. Поскольку птица ну никак не способна в своем полете преодолеть звуковой барьер. Мысленный контакт разорвался практически мгновенно, по удалению контактеров на расстояние, превышающее десять метров. Что, кстати, соответствовало предельной дальности мыслеречи между мной и Блинком.

А вот интересно, мелькнула в голове внезапно мысль. Почему так и не удалось установить мысленный контакт между мной о Любавой? Все-таки девушка не одно ведро крови у меня выпила за время совместной жизни. Но кровь, это в переносном смысле. А вот обмен другими биологическими жидкостями совершался периодически на регулярной основе. Начиная от слюны при поцелуе и заканчивая иной жидкостью, уже после поцелуев. Вряд ли одна только кровь содержит специфичный агент, обеспечивающий ментальную связь. По идее, все должно быть завязано на генный материал. А его в той же сперме несравненно больше. Впрочем, от магии можно всего ожидать. Вернусь назад в родное племя, напою Любаву своей кровушкой.

Так вот, возвращаясь к охотникам на мамонтов и попытки установить с ними контакт за счет ментальной магии. Явно не проходной вариант. Вряд ли мне удастся уговорить троглодитов начать наше знакомство с облизывания моего, предварительно укушенного пальца. Возможно мою кровушку они и попробуют, но я скорее всего буду в это время прибывать в виде отдельно нарезанных кусков и к мыслеречи совершенно не расположенный. К тому же и смилодон является отягощающим фактором для такого знакомства. Аборигены дружбу с хищником могут не понять.

Поэтому обходим место охоты по широкой дуге, стараясь не попадаться никому на глаза и продолжаем свое путешествие на Север. Хотя в последнее время у меня стали возникать сомнения, касательно правильности выбранного направления движения. Судя по всему приближалась зима. Вот и сейчас с неба начала срываться мелкая снежная крупа. И это только первый звоночек. А у нас с Блинком как поется в песне:

Ах, мама, мама, что мы будем делать,
Когда настанут зимни холода?
У тебя нет тёплого платочка,
У меня нет зимнего пальта!»

Похоже, не я один совершаю длительное путешествие. Но и охотники на мамонта пребывают в стадии странствия. Только в отличии от меня движутся они с Севера на Юг, в преддверии зимы. Подтверждением тому служит тот факт, что не прошло и полу часа с того момента как мамонт прекратил дергаться, как вокруг туши собралось едва ли не все племя. А скорее всего все. Учитывая многочисленных женщин, детей и немногочисленных стариков. Буквально за считанные минуты был разбит табор с кострами и вигвамами и все население скопом принялось разделять мамонта.

Я я еще раз окинул взглядом открывающиеся горизонты. Именно это место идеально подходило для строительства моего замка с донжоном. Густой непролазный лес закончился южнее, в двух днях пути отсюда. Вдалике протекала река, проложив извилистое русло сквозь хаотически разбросанные скальные выступы. Не слишком широкая но достаточно полноводная, как для обеспечения водоснабжения, так и для того, чтобы сплавляться к Великой Реке, притоком которой она несомненно являлась. И самое главное, именно в этом месте залегали столбы черного базальта. Материала из которого я и предполагал построить свой замок. К тому же нравится мне здесь. Я совершенно ясно представил, как вон на той площадке, в отдалении, плоским столом возвышающейся над окружающим пространством, встанет грандиозное сооружение. Мой Черный Замок.

— Ладно, Блинк, в деталях рассмотрим все это на обратной дороге. Тогда-то и выберем себе подходящий участок по строительству. А сейчас вперед. На Север. Нам еще на моржей надо поохотиться и янтарь собрать.

Глава двадцатая. Черный Замок

Глава двадцатая. Черный Замок.

В которой главный герой обзревает свершенное, перелистывает страницу, а то и вовсе закрывает книгу, и в который раз предполагает начать новую жизнь, причем, желательно, без баб

Я стоял на вершине скалы, откуда открывался изумительный вид на долину и любовался своим Замок. Ослепительно черное, грандиозное сооружение расположенное в центре долины восхищало и подавляло своим видом. Особенно красочным представлялся вид на закате, вот как сейчас, когда неприступные черные стены и центральная замковая башня подсвечивались багровым светом заходящего солнца. Многочисленные дороги, густой сетью покрывающие долину, по ходу дела прорезающие рощи и форсирующие многочисленные речушки, казались отсюда тонкими ниточками, сплетенными в замысловатое кружево и тем самым подчеркивающие масштабность архитектурного исполина. Недаром мой Черный Замок считался одним из чудес света. Пятьсот лет ушло на его строительство. Не так уж и много. Учитывая то, что тот же собор Петра в Ватикане, на моей прежней Земле, возводился сто двадцать лет. А по самым скромным прикидкам в моем Замке можно без труда разместить штук двадцать подобных соборов.

К тому же стартовые условия строительства христианской святыни и моего красавца существенно различались. В Европе к тому времени сложилась развитая цивилизация. Блистали Рафаэль и Микеланжело, архитекторы давно решили проблему возведения арочного купола, а строительная индустрия испытывала бум, обеспечивая в том же Вечном

Городе жильем почти миллионное население.

Я же начинал строительство своего замка во времена когда по этой самой долине бродили небольшие группы охотников на мамонтов, облаченные в звериные шкуры и вооруженные копьями с каменными наконечниками.

И все-таки я смог. В моем Замке есть все В том числе и копия Собора Петра, украшенная тысячами скульптур, мозаичными фресками и росписью, которую не стыдно сравнить с творениями того же Леонардо. Правда судить о том, насколько корректно такое сравнение, приходится исключительно по воспоминаниям тех кто когда-то видел, хотя бы на иллюстрациях, и собор святого Петра и ту же Монну Лизу. А таковых на всей нынешней Земле насчитывается всего-то трое. Я, Юрка да Жека. Причем никто из нас не грешит особым художественным вкусом. Да и в памяти, после первого цикла реабилитации, осталось не слишком-то многое, касательно Земли Изначальной. Хочешь не хочешь, но с каждым циклом воспоминания утрачиваются. Неудивительно, что мы устроили однажды яростный спор на тему входит ли фонтан в архитектурную композицию центра Ватикана, или, как пытался настаивать Юрка, этот элемент украшал Версальский дворец. Фонтан я на правах Генерального заказчика и идеолога строительства отстоял. Пусть будет. У меня в Замке много места. Впрочем, называть Замком сооружение, расположенное на площади в триста тысяч квадратных метров, и в котором проживает без малого пятьдесят тысяч человек, язык не поворачивается. По нынешним временам не всякое государство может похвастаться таким населением.

Целых пятьсот лет. Люди так долго не живут. Но это когда речь заходит о людях. Из класса Млекопитающих, отряда Приматов, семейства Гоменидов, рода Людей и вида Человека Разумного. Поскольку касательно собственной само идентичности, у меня есть определенные сомнения. И общепринятую классификацию я вспомнил не случайно, а с целью разобраться на каком участке эволюционной цепочки произошло мое отклонение от общепризнанных норм. Хотя гадать особенно не приходится. Наличие двух рук двух ног, головы и прочих атрибутов, присущих среднестатистическому мужчине не о чем не говорит. Будь у меня да хотя бы шесть рук, как у той же богини Кали, религию которой Юрка активно проталкивает в регионе Юго Восточной Азии, это бы принципиально ничего не поменяло. Мало ли у кого могут быть какие недостатки. Тот же Блинк со своим куцым хвостом живет и не слишком комплексует. И продолжительности жизни, достигающей к нынешнему моменту 500+, тоже не показатель. Если вспомнить первоисточники, то Сын Адама Сиф прожил 912 лет. Внук Енос — 905. Правнук Каинан — 910. Праправнук Малалеил — 895. Прапраправнук Иаред — 962. Следующий потомок Енох — 365. Мафусаил и вовсе — 969! Рекордсмен-долгожитель планеты. Правда там было одно отягощающее сопутствующее обстоятельство. Все они держали строгий пост на протяжении всей своей жизни. Такого и врагу не пожелаешь.

Но я несколько отвлекся. Отличительной особенностью, не позволяющей мне отнести себя к виду *Homo sapiens*, это то, что Человек Разумный — он и есть Разумный. Не даром же он *Sapiens*-ом называется. В отличии от меня, которому больше бы подошло определение: *Homo moron* — в вольной интерпретации придурок. И то что у меня с возрастом, по прошествии первого цикла реабилитации, внезапно прорезалась феноменальная память и я начал вспоминать такую дичь, которая ни одному нормальному человеку и в голову не придет — да тот же возраст Масуфаила, ни о чем не говорит. Значит не просто придурок, а придурок с отличной памятью.

Иначе, как еще можно назвать человека который целых пятьсот лет убил на сооружение «хатынки», которую в ближайшее время собирается покинуть, для того, чтобы никогда сюда больше не возвращаться.

Любава так и сказала: «Если сейчас уйдешь, то можешь не возвращаться!». А кто я такой, чтобы с женщиной спорить. К тому же и Блинк так осуждающе на меня посмотрел. По принципу: «Ну и куда ты собрался, болезный?». И если бы только посмотрел, но еще и подумал. А учитывая то, что со временем моя мыслеречь со смилодоном приобрела четкость, яркость и насыщенность, то вид убогого калеки с палкой в руке, волочащего ноги по каменистой пустыне под лучами раскаленного солнца, особого настроения не добавил. Сам же Блинк последние сто лет из Замка ни ногой. Исходя из принципа: «Нахрена нам ваша Таити. Нас и тут неплохо кормят». Хотя смилодона жалко. Поскольку его вид таки вымер. Полностью и окончательно. Причем по историческим меркам буквально мгновенно. Лет за сто-двести. К тому же, судя по всему, одновременно на всей планете. Поскольку ни попытки Жеки, который таки организовал экспедицию в Южную Америку, ни усилия Юрки в регионе Юго Восточной Азии, успехом не увенчались. Им так и не удалось найти подружку для моего саблезубого тигра.

И положив руку на сердце я этому необычайно рад. Только всячески стараюсь скрыть эту свою мысль от многовекового напарника.

Все дело в той самой магии.

Несмотря на обоснованные опасения, что со временем Земля 2, а именно так мы в конце — концов решили именовать наше нынешнее пристанище, превратится в полигон для выясняющих между собой отношения всемогущих магов и колдунов, одним небрежным движением руки ровняющих горы и поворачивающих реки вспять, ничего подобного не произошло. Магия несомненно присутствовала, только проявляла себя достаточно редко, причем в совершенно неожиданных местах и в странной форме. Типа того, что тот же Абдула в конце своей не слишком короткой стопятидесятилетней жизни, полностью посвященной вбиванию в тупые головы подрастающего поколения элементов дисциплины и порядка, научился пускать из изо рта кольца дыма самых причудливых форм и любых цветов — от ослепительно оранжевых до иссиние фиолетовых. О чем говорить, если даже Любава с ее непрошибаемым упорством и многолетними тренировками смогла свои фаерболы прокачать разве что до уровня, способного представлять угрозу для белок. И то исключительно пьяных. Потому как в трезвую белку, насколько я знаю, девушке так до сих пор попасть и не удалось. Впрочем Любаву это мало беспокоит. На мое несчастье, боюсь что не только на мое, она ознакомилась с биографией Мирины — царицы амазонок, и проникшись идеями первобытных суфражисток, создала нечто подобное у себя в племени, а затем распространила свое влияние и на гораздо большую территорию, центр которой находился в моем Черном Замке. Впрочем, в последнее время, я не слишком и уверен, что в моем.

Мои робкие возражения о том, что Мирина персона сугубо вымышленная и не следует так уж сильно уподобляться литературным героям сомнительных художественной ценности источников, Любава парировала тезисом: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». В последнее время моя пятисотлетняя девушка освоила стрельбу из лука и верховую езду, после чего в сопровождении отряда рыжеволосых дочерей, между прочим и моих дочерей, которые в грош не ставят своего биологического отца, гасает по отдаленным окрестностям, пугая мирных обитателей, и отдельных особей случайно выживших пещерных медведей.

Что-то у меня в голове образовалась полная каша из мешанины образов, воспоминаний, концепций и событий. Наверное это нервное. По случаю расставания с целой эпохой в собственной жизни. Попытаюсь все расставить по полочкам.

Пожалуй начну все-таки с магии. В принципе она есть. Но не слишком заметна. Так по мелочам. И еще однозначно притягивается к нашей троице погруженцев, поскольку в непосредственной близости от Меня, Жеки и Юрки встречается значительно чаще.

Главным и неоспоримым фактом ее проявления служит наличие эффекта Аномальной Энтропии. Эффект Аномальной энтропии, судя по всему, абсолютен. Жека утверждает, что даже в той давней истории, когда я полностью растратил свой энергетический источник, задействовав телекинез, случись со мной что фатальное, все равно бы рано или поздно я бы возродился. Даже из пепла. Вот только время восстановления существенно зависит от сопутствующих обстоятельств. И если бы меня тогда сожрали какие-нибудь каннибалы, воспользовавшись моей временной ограниченной дееспособностью, то и тогда бы я восстановился. Разве что срок возрождения мог бы занять временной период сравнимый с временем существования Солнечной Системы. Спрашивается, и кому я в этом случае нафиг буду нужен, весь такой красивый?

С Аномальной энтропией понятно. Похоже ее присутствие и привязка к погруженцам, создают некую благотворную ауру, распространяющуюся на наше ближайшее окружение. Наглядным эффектом, подтверждающим этот феномен, служит то, что меня окружают сплошные долгожители. Средний срок жизни обитателей того самого моего первого племени приближался к ста годам. Абдула, как уже упоминалось ранее, дотянул до ста пятидесяти, не намного при этом пережив того же Лохматого, Ахмеда и деде Мазая. А что касается Любавы, то по прошествии пятисот лет она и сейчас живет всех живых. Причем многочисленные дети от нашего совместного проживания, замечу исключительно дочери, судя по внешнему виду дорастают до периода полового созревания и на этом этапе взрослеть совершенно прекращают. А ведь старшенькой уже за двести перевалило. Никуда не денешься — поздний ребенок. Приходится все эти капризы с амазонками и суфражистками терпеть.

Первые совместные с Любавой дети у нас появились после того, как я закончил свой первый курс реабилитации. Лет через триста после попадания на Землю 2.

Тогда мне впервые на практике пришлось осуществить процедуру, которую я совместно с друзьями погруженцами теоретически разработал, отталкиваясь от рекомендаций жителя Атлантиды. И хотя к этому времени Ахмет окончательно обжился в новых условиях и о своей изначальной родине вспоминал исключительно с использованием нецензурной лексики, идея том, что нам периодически нужна полная мозговая перезагрузка показались нам не лишённой смысла. Поскольку участь Вечного Жида слюнявого и безумного, веками слоняющегося между людьми, пугала всех до одури. К тому же к исходу третьего столетия мы все, включая Ахмета, реально почувствовали некое психологическое выгорание.

Особая сволочность ситуации заключалась в том, что та же Любава, которая по прошествии трехсот лет совместной жизни, стала практически нашей ровесницей, подумаешь, что такое двадцать лет разницы на фоне трех веков, не испытывала ни малейшей необходимости в процедуре очистки памяти. Скорее всего, по предположению Юрки, со временем превратившегося в откровенного женоненавистника, все дело заключалось в том, что у женщины, по определению, и мозгов-то нет. Поэтому нечему и портится. В качестве подтверждения этого спорного тезиса он приводил пример того же Блинка. Смилодону тоже на днях исполнилось пятьсот лет, и что называется: «ни в одном глазу». Все так же радуется

жизни и периодически мне хамит. Вот разве что с половой жизнью не заладилось.

Так вот, разработанная методика реабилитации сводилась к тому, чтобы загрузить все свои воспоминания, как можно детальнее и в мельчайших подробностях, на некий сторонний носитель. А затем на протяжении пары-тройки лет, путем медитации и слияния с космосом очистить свой разум до младенческого состояния. Это когда особь способно только жрать, спать и гадить, да и то проделывает все это в бессознательном состоянии. После чего предстояла обратная закачка. Предполагалось, что при этом мозг младенца усвоит все действительно ему необходимое, отбросив всяческий шлак. Понятно, что процентов девяносто воспоминаний при этом терялись, но во всяком случае всегда твердо можно было рассчитывать на то, что при необходимости всегда сможешь назвать собственные Фамилию, Имя и Отчество.

Я решил для себя модернизировать методику и воспользоваться фишкой связанной с мыслеречью, то бишь с проявлением той самой ментальной магии. Кстати, ни Юрка, ни Жека так и не смогли освоить это умение.

Для чего в очередной раз напоил Любаву своей кровушкой, так, исключительно в профилактических целях, поскольку впервые эту процедуру осуществил сразу же по возвращению в родное племя, по окончанию приснопамятного путешествия, и мыслесвязь у меня с Любовью была не хуже чем с Блинком.

А потом начал ей транслировать картинки из своей жизни, начиная от сопливого детства и далее в хронологическом порядке. Периодически проверяя качество усвоенного материала. Все-таки гораздо эффективнее, нежели то, как организовал этот процесс тот же Юрка. Который десять лет подряд заносил свои воспоминания на скрижали. Исписав при этом пару сотен тысяч табличек.

После чего, убедившись в том, что моя память в надежных руках, занялся медитацией.

Подход сработал, причем как при прямой загрузке, так и при обратной. Любава вывалила на меня все то, что я ей передал.

Вот только я не учел одно маленькое обстоятельство. Моя девушка слишком многое узнала. Причем не только обо мне, но и о мире в котором я раньше жил. И принялась руководствоваться полученными знаниями в своей личной жизни. И если бы дело ограничивалось одной только Камасутрой, ну или, в крайнем случае, желанием установить матриархат и созданием отряда агрессивных амазонок. Она заинтересовалась концепцией развития цивилизации как таковой. Причем выработала на этот вопрос свою точку зрения, принципиально отличающуюся от той, которую мы погруженцы пытались воплотить в жизнь. Хорошо хоть физика элементарных частиц ее не слишком заинтересовала. А я ведь и это ей в память загрузил. Не хватало только того, чтобы Любава стала конструировать ядерный реактор у меня, вернее уже у нее в Черном замке. Зато мои отношения с Марго стали для нее наглядным примером того, как надо держать своего мужчину на коротком поводке. В последнее время, я смотрю, что она и в одежде стала использовать стиль а ля Марго.

Пришла пора, когда я ощутил потребность в новой реабилитации. Снова натикало больше двух столетий со времени предыдущей. Вот только еще один раз я эту ошибку не допущу. И не стану посвящать супругу, введение института брака, чуть ли не первая реформа, которую Любава осуществила по окончанию моей реабилитации, касательно того, как я провел эти последние двести с лишним лет.

Поэтому я и покидаю Черный замок. Отправляюсь в Крым, туда, где на Земле

Изначальной, располагалась Балаклава. Места знакомые. Найду себе подходящую пещеру, подберу ученика, которому потихоньку передам свои знания, ну а далее как получится. Благо неподалеку раскинулась прекрасная Исса. Город созданный совместными усилиями всей нашей четверки и в настоящее время отпущенный в свободное плавание. Пусть развивается без нашего участия Посмотрим что получится из этого.

Глава двадцать первая. Прекрасная Исса

Глава двадцать первая. Прекрасная Исса.

В которой главный герой ожидает своего будущего ученика, о чем последний даже не подозревает, и в считанные минуты просматривает огромный кусок воспоминаний из жизни последнего, а еще обнаруживает у того в голове нечто странное

Прошло почти десять лет с того времени, как я покинул свой Черный Замок. Все это время жил отшельником, обустроив пещеру внутри скалы под место, в котором собираюсь провести свою вторую реабилитацию. Впрочем, слово реабилитация мне не слишком-то нравится. В данном случае больше подходит термин реинкарнация. Поскольку по прошествии цикла мозголомных процедур от старого меня мало что останется. Разве что тело. Бессмертное и неуничтожаемое. Впрочем не будем о печальном. Тем более в такую прекрасную ночь.

Вход в мою пещеру располагался в скале, вертикальной стеной стоящей почти вплотную к морю. От воды ее отделяла узкая лента песка, обильно усеянная валунами разнообразных форм и размеров. Если быть корректным, то моя скала и не скала вовсе, а отвесная стена огромного каменного плато, возвышающегося над морем на высоте в сотню метров.

Где-то там, далеко, на этом плато несмотря на ночь кипит жизнь. Одни сжигают себя в горниле страстей, а для других жизнь представляет из себя монотонную цепочку, в которой прожитый день ничем не отличающегося, как от предыдущего, так и от последующего. Для кого-то этой ночью жизнь оборвется, а кто-то впервые появится в этом мире. Все как всегда.

Но это там, далеко. А здесь царит первозданная тишина. И плеск волн вовсе не нарушают эту тишину, а наоборот подчеркивают ее грандиозность. Тишина. Почти такая же как та, с которой я столкнулся впервые попав на Землю 2, расположившись ночью на своем троне в центре стойбища первобытных людей и глядя на бездонное ночное небо усеянное триллионами звезд. Вид, который мгновенно устанавливает приоритеты, демонстрируя полную ничтожность отдельного человека в сравнении с бесконечной Вселенной.

Что-то меня снова на праздные размышления потянуло. Так недолго и без ужина остаться. Мясо нанизанное на две тонкие металлические спицы, висящие над затухающим костром, почти готово. Надо снимать. Еще немного и пересохнет. А моего гостя до сих пор нет. Сегодня у меня праздничный ужин. Окрестные жители не часто балуют меня мясом, оставляя по утрам у входа в мое убежище, как правило хлеб, овощи и фрукты. Реже рыбу. И уж совсем редко кусок мяса, завернутый для пущей сохранности в капустные листья. Все-таки репутация великая вещь. Мне она позволяет безо всякого напряжения решить продовольственную проблему. Правда эта самая репутация появилась не на пустом месте. И хотя кости неудачников, попытавшихся выяснить: не прячет ли пришлый отшельник у себя в пещере что нибудь ценное, несомненно более необходимое этим достойным людям, нежели убогому старику, давно растворились в море, но людская молва, как говорится, зла.

Так что сегодня пирую. Где же его черти носят? То что сегодня я, буду ужинать не один, я почувствовал еще пару часов назад. Можно было бы предположить, что с возрастом у меня появился дар предсказателя. Но вряд ли. Думаю дело в другом. У моей крови, которая является совершенно необходимым компонентом для установления мыслеречи и использования ментальной магии, со временем обнаружилось одно недокументированное свойство. Оказалось, что она работает не только по отношению к разумному, которого я этой самой кровушкой напоил, но эффект проявляется и по отношению к потомков этого самого контактера. Причем не только к потомкам первой руки, но и к потомкам потомков. Соображаете, чем это грозит. К тому же сам эффект мыслеречи в поколениях не угасает, а сохраняет свою исходную интенсивность, присущую контактерам первого поколения.

Нечто подобное случилось на Земле Исходной, когда освоив экспресс диагностику генома ученые с удивлением обнаружили, что на планете проживает шестнадцать миллионов прямых потомков Чингисхана. Причем никого не интересовало, сколько там у тебя на самом деле с Чингисханом общего генома. Одна миллионная доля или вообще одна десяти миллионная. Главное прямой потомок. И этим все сказано. Вот только причастность к великому завоевателю способна дать разве что чувство морального удовлетворения. В моем же случае, носители крови способны были обмениваться со мной образами. А со временем я освоил еще парочку любопытных умений из арсенала ментальной магии. И если бы не возможность полностью заблокировать свой мозг от многочисленных контактеров, все бы для меня могло кончиться бедой. Выдержать в своей голове мешанину из мыслей тысяч человек, такое не всякая психика в состоянии. Уж моя, так точно. К тому же со временем расстояние, на котором я мог вступить в мысленный контакт с собеседником выросло до многих километров. Где те счастливые времена, когда Блинк мог обругать меня Тупым Вилл максимум на расстоянии десяти метров.

Наверное ничего бы страшного не случилось, даже в перспективе, и число контактеров росло бы, но медленно, значительно при этом в динамике отставая от роста численности населения Земли 2, если бы я сам случайно и многократно не ускорил этот процесс. Одно время я увлекся созданием некоего тайного Ордена. Всех членов которого награждал своей

кровью. До сих пор с удовольствием вспоминаю, как была обставлена процедура посвящения. Став контактером, неопит испытывал огромный эмоциональный шок и с учетом некоторых дополнительных воздействий, опять же из арсенала ментальной магии, навсегда становился моим преданным вассалом. Так вот потомков членов этого тайного ордена оказалось до неприличия много. Так что скоро я смогу превзойти рекорд Чингизхана. И нельзя сказать, что эта перспектива меня слишком уж радует. Не дай бог случится мутация и контактеры смогут обмениваться мыслями не только со мной. Но и друг с другом. В этом случае, по Юркиным оценкам, немедленно наступит полный звиздец. Большая часть человечества быстро окажется под пятой у избранных, а со временем Homo sapiens и вовсе вымрет, уступив свое место Homo mentis loqui — человеку общающемуся мысленно.

Впрочем до этого, надеюсь, не дойдет.

А сейчас я ожидаю, когда к моему костру на огонек заглянет один из потомков членов того самого моего Тайного Ордена, который третий час несется от самой Иссы с прытью, способной удивить скаковую лошадь.

Ради любопытства я установил с беглецом мысленную связь и начал просматривать его воспоминания — то новое умение из арсенала ментальной магии, которое я освоил в последнее время. Все-таки немного времени еще есть. К моему костру ему бежать минут десять. Какой интересный юноша. Возможно, именно он мне и нужен для того, чтобы стать промежуточным носителем информации периода новой моей реинкарнации. В самом-то деле, не к Любаве же мне обращаться. Плавали, знаем.

Картинка получилась необычайно четкой. И я с удовольствием погрузился в чужие воспоминания.

Прекрасная Исса погружалась в ночь. Город тысячи дворцов и бесчисленного множества убогих халуп. Город великолепных храмов, славящих сотни богов и город могучих башен, построенных неведомо кем и когда. Отблески заходящего солнца еще освещали верхушки самых высоких башен, а в домах зажигались волшебные лампы, свечи, а кое-где и просто лучины. Праведные горожане спешили закончить свои повседневные дела и побыстрее добраться домой, освобождая улицы для ночных патрулей и неприметных слуг ордена Тишайшего, собравшего под крышей своей воров и грабителей. Вдали раздалось, наверное последнее за день, славословие.

Счастливы, живущие в городе тысячи дворцов, под сенью величайшего и мудрейшего Юсуп-али великого и непогрешимого, мудрость которого сравнима лишь с его красотой, а могущество не знает меры. Визгливый голос монаха ордена Голубой чаши, славящий нынешнего правителя Иссы, затих вдали, а Борс, невольно ухмыльнулся, вдумавшись в смысл услышанного. В отличие от большинства жителей города ему несколько раз доводилось видеть Юсуп-али великого и непогрешимого. Если мудрость последнего сравнима с его же красотой, то получается законченный идиот. Конечно, всякое слабоумие можно компенсировать могуществом, а здесь правитель многим владыкам фору даст. Одни Серебряные Волки чего стоят. Но впрочем, монах не очень искажил истину, сравнивая красоту Юсуп-али с его мудростью. Умом тот не блистал. Интересно, чего это в последнее время вместо привычных — величайший владыка всех времен и народов, чаще стали упоминать красоту и мудрость, подумал Борс. К крикам, славящим правителя, жители Иссы давно привыкли. С тех давних пор, как Алли-паша мудрейший и справедливый, предшественник нынешнего владыки, даровал ордену Голубой чаши право славить себя

великого, каждый горожанин слышал подобные крики монахов не менее дюжины раз в день. Деятельность ордена хорошо оплачивалась пятничными подаяниями, когда каждый мужчина, посетивший один из храмов ордена, обязан был бросить на жертвенный алтарь хотя бы медную монету, а смельчаков, пропускающих недельную мессу без уважительной на то причины, во всем городе можно было по пальцам пересчитать. Да и кто в здравом разуме, не будучи прикованным к постели, решится на такое. Один, два раза может и прокатит, а потом боги непременно отвернутся от безумца. И хорошо если отделаешься просто сломанной рукой или разбитой головой. Хуже, когда за тобой придет стража и препроводит во Дворец Веры. А уж каково там, никто доподлинно не знает, поскольку никто оттуда не возвращался. Но знание заменялось воображением и слухи о творящихся во дворце Веры ужасах служили надежной опорой приверженности вере. Борс относился к тем немногим избранным, кому была известна правда. На самом деле правителям всегда нужны были бессловесные рабы, способные добывать лунный камень, основу богатства провинции. Много рабов. И все время новых рабов. На рудниках больше года никто не выживал. После семидневной войны, когда маги по приказу владык, чуть было не отправили всех к праотцам, войны между провинциями поутихли. С пленными, которых раньше отправляли на рудники, возникли трудности. Преступников всяких — воров, убийц много не наловишь. Опять же девять из десяти требуют суд Праведника, имеют право. А Праведнику не укажешь, какой приговор выносить. Праведники и самому правителю не подвластны. Тут-то к Алли-паше мудрейшему и справедливому настоятель ордена Голубой чаши и подвалил. Орден в то время был вовсе захудалым. Ни своего бога покровителя, ни монастырей, ни храмов толковых. Так одна обитель в глуши да земли с десятков наделов. А предложение правителю сделал такое, что Алли-паше мудрейший и справедливый отказаться не смог. Оказывается, монахи ордена могли из человека делать тварь бессловесную. Без памяти, без чувств. Послушную и работающую. Хватай безбожника и через седмицу на рудники, лунный камень рыть. С тех пор орден Голубой чаши и воспрял. В одной Иссе храмов полтора десятка настроили. А дворец Веры немногим в размерах уступает дворцу правителя. Да и с богами покровителями разобрались. Оказывается и Нелана Ясноликая и Кали Неукротимая и Перен Огнебородый, все из Голубой чаши силу черпают. А кого из богов от чаши отлучают, тот и катится в Гиену огненную, словно и не бог вовсе, а последний грешник. Во всяком случае именно так объясняли свои деяния изумленным прохожим монахи ордена Голубой чаши, когда громили храм Путса Короткорукого. Правда злые языки шептали, что верховный жрец бога цветов, пытался через Великого Визиря прищучить чашечников. Да на то они и языки, чтобы их вырывать. Сотни монахов, вооружившись массивными бревнами, просто разнесли по камням небольшой храм бога цветов, а многочисленных жрецов связали и уволокли во Дворец веры. Но видно хитрый бог припрятал где-то толику силы и в наказание за святотатство той же весной не позволил зацвести оливковым деревьям. Сам Алли-паша мудрейший и справедливый разгневался несказанно. Торговля оливковым маслом весомо пополняла казну. Храм Путса Короткорукого отстроили заново, жрецов призвали из других провинций, тем все и закончилось. Но с тех пор монахи Голубой чаши на чужие храмы не зарились. Впрочем и жрецы иных богов в своих проповедях старались Голубую чашу не поминать. А что до простых горожан, те твердо уяснили, с орденом Голубой чаши лучше не ссориться. Вот и набивается толпа в храмы Голубой чаши по пятницам на недельную мессу. Другие храмы тоже не пустуют. Мало ли какие проблемы у человека бывают. Кто на службу в

стражники попасть хочет, вот к Перену Огнебородому и взывает, у кого дитя малое заболело, Нелану Ясноликую ублажить надо, а уж о Кали Неукротимой забыть, такого не всякому врагу пожелаешь. Да и Путса Короткурокого зауважали изрядно.

Обо всем этом размышлял Борс, верный адепт ордена Тишайшего, удачливый вор и законопослушный горожанин. Заунывный вопль монаха Голубой чаши, славящий правителя, заставил вора задуматься о том, что все главные события в его жизни так или иначе связаны с чашечниками. Вот и сейчас, когда предстоит совершить самую дерзкую кражу за последнюю дюжину лет, да что там дюжину — сотню — украсть Лунный браслет, величайшую драгоценность провинции. Впрочем, предстоящую кражу мог бы назвать дерзкой, только человек, непосвященный в детали. Заказчик, пожелавший заполучить Лунный браслет, жрец ордена Голубой чаши и далеко не из последних, судя по тому каким надменным голосом он цедил условия и порядок ограбления. Не вызывало ни малейшего сомнения, что монах говорит от имени кого-то, гораздо более значимого, возможно даже Верховного Владыки, главы совета наместников. И уж совершенно очевидно, что разговор проходил при одобрении Верховного жреца ордена. А когда жрец проговорил все детали, стало понятно, что без согласия наместника провинции Юсуп-али великого и непогрешимого, такую кражу совершить нельзя. То есть украсть можно все. В этом я был твердо убежден и готов был отстаивать свои убеждения личным примером. Но зачем же воровать так бездарно. Похоже, предполагается вовлечь в предстоящую кражу, в качестве соучастников, добрую дюжину посторонних, не имеющих ни малейшего отношения к ордену Тишайшего. И зачем тогда использовать такого специалиста как Борс. Не проще ли Юсупу-али великому и непогрешимому просто передать Лунный браслет нужному человеку, а затем во всеуслышание объявить о краже. Опять же никаких проблем с дознанием,

потому как и спросить не с кого. Сам Юсуп-али великий и непогрешимый, так вообще никакому и ничему неподсуден. На то он и непогрешимый.

А всякий другой подозреваемый тут же суд Праведников потребует, попробуй откажи, коли дело идет о главной святыне целой провинции и с чистой совестью заявит, нет не воровал. Вот и свободен. Суд Праведников это не дознание, где нюансами интересуются, брал ли браслет в руки, кому передавал, и восторженный ли у тебя образ мысли, а не задумал ли какую каверзу против власти богом данной. На суде Праведников всегда только один вопрос — какие преступления ты совершил в своей греховной жизни. А дальше всегда свершается чудо, ради которого собирается толпа восторженных и одновременно испуганных горожан. Всего один вопрос и взгляд Праведника прямо в глаза. И подозреваемый громко коротко и внятно говорит — украл или нет. Один вопрос и два вердикта — виновен, невиновен. Ежели виновен, так позавидуешь тем несчастным, которые умерли от боли, корчась в щупальцах Боевых Калганов. Ну а коль невиновен, никто тебе слова худого сказать не посмеет. А Праведники они не могут ошибаться. Да только вопросы у них простые и решения простые, если украл, виновен, не украл — не виновен. Только при таком раскладе и браслет украсть можно и виновного никогда не найдешь.

Ну а если такой вариант не подходит, значит виновный должен быть и станет этим козлом отпущения он, знаменитый и удачливый вор Борс, тело которого, подвешенное за шею, вывешат на площади Неприкаянных, а то что браслет при теле не найдут, так это воровской фарт. И никто из мирных горожан не усомнится, что только такой негодяй, как Борс и мог посягнуть на святыню, а те немногие, кто знали вора поближе, своими сомнениями ни с кем делиться не станут.

Похоже, все на самом деле еще интереснее, чем я мог себе предположить. А мясо все-таки надо снимать с огня. Иначе точно пересохнет. Оказывается мы что-то упустили. Надо бы разобраться, что это за Праведники появились в нашем городе. Может быть и не стоило отпускать развитие Иссy в настолько уж автономное плавание. И надо было бы хотя бы изредка присматривать за ней. Пожалуй мне придется заняться устранением этого упущения.

Глава двадцать вторая. Лунный Камень и любимая жена Юстус-арги

Глава двадцать вторая. Лунный Камень и любимая жена Юстус-арги.

В которой главный герой продолжает наблюдать за перипетиями истории, которая приключилась с его будущим учеником и сподвижником, сожалея при этом только об отсутствии попкорна и пива.

А между тем история, которую я последовательно извлекал из памяти Борса, обрастала неожиданными поворотами и драматичными элементами. Никогда прежде чтение чужой памяти не давалось мне так легко и не обеспечивало такую четкую и красочную картинку. Этот парень настоящий уникум. Единственное, что меня настораживало, так это то, что складывалось впечатление присутствия в голове у Борса какого-то чужого сознания. Это чужое сознание давало о себе знать буквально отдельными, едва различимыми намеками. Не сказать, что оно демонстрировало враждебность, либо конкурентность по отношению к Борсу. Скорее этакое своеобразное любопытство. И, судя по всему, второе сознание прибывало в некоем полукоматозном состоянии, возможно даже не до конца себя само осознавая. Не будь у меня за спиной сотни, тысячи сеансов чтения чужой памяти, я бы ничего и не заметил. Да и нынешний случай привлек мое внимание не самим фактом раздвоение сознания, а тем, что ментальность чужака совершенно не соответствовала жизненным реалиям послушника Ордена Тишайшего. Гораздо больше чужой своим образом

мыслей напоминал мне бывших институтских коллег. Еще оттуда, с Земли Изначальной.

Я настолько увлекся просмотром памяти Борса, что таки пересушил мясо и теперь чертыхаясь стаскиваю куски с металлических спиц на блюдо.

Ладно, с мясом, судя по всему, все в порядке. Приступим к просмотру второй серии.

Конечно, ежели по уму, то бежать мне надо было бы сломя голову, куда глаза глядят. Но это ежели по уму. Да только воровская жизнь приучила, что не все то правильно, что из расчетов получается. Вот не лежит на душе бежать, и все тут. Хоть вроде бы давно про запас все подготовил и денег с камнями самоцветными припрятал, так что забрать незаметно можно, и путь тайный, в храме Флора Сипатого — этакая ниша неприметная а там дверца потайная. Да будь соглядатаи хоть в трех локтях, за колонну зашел и исчез, а объявился в овраге версты за две от городской стены, ищи тебя потом. Да гложет что-то, неправильно это бежать, хуже будет.

Сейчас, судорожно хватая воздух запекшимися губами, я уже не был так уж убежден, что в поступках надо следовать велению сердца а не холодному расчету. Пойди я вчера на поводу у разума, наверняка бы ворочался в душной каюте, прислушиваясь к скрипу такелажа и утешаясь мыслью что через пару недель свершится заветная юношеская мечта. Перед глазами откроется благословенная земля Захары. Земля прекрасных девушек и чудесного вина. Земля могучих магов и несметных сокровищ. Обетованная земля для авантюристов и конкистадоров, каждый десятый из которых, судя по слухам, возвращался через несколько лет богатым и успешным. Остальные девять не возвращались никогда, устилая своими костями знойные пустыни и неприступные горы. Впрочем кому какое дело до неудачников. Да и наверняка лучше сдохнуть в пустыне, чем попасть в руки Чистильщиков. Тем паче один из десяти это куда больше, чем четыре шестерки при броске четверки костей. А я мог исполнить такой фокус хоть десять раз подряд. Правда только своим набором костей ну и желательна без свидетелей из числа игроков. На публике такой номер исполнялся не чаще чем раз за игру и то, когда в банке собиралась изрядная сумма, иначе и побить могли а скорее и вообще убить.

Такими нехитрыми размышлениями я пытался отвлечься от чувства запредельной усталости и преодолеть под покровом ночи как можно большее расстояние. Понятно, что даже окажись я на землях благословенной Захары я все равно не буду достаточно далеко от Иссы, чтобы чувствовать себя в безопасности. А уж на территории провинции лишняя лига не имеет никакого значения. Но я привык делать все возможное и невозможное ради сохранения своей ненаглядной жизни. И не раз в воровском ремесле самая малость как раз и переворачивала все в мою пользу.

Я бежал вдоль кромки воды внимательно всматриваясь в узкую полоску песка, отделяющую воду от скал, стараясь разглядеть в тусклом лунном свете валуны изредка торчащие из песка. Сейчас самой большой опасностью для меня были не городские стражи и даже не монахи ордена Голубой чаши, а эти камни об которые так легко споткнутся и вывихнуть ногу. А свою надежду на спасенье я сейчас возлагал только на собственные ноги ну и немного на свое легендарное везение.

Из последних сил я бежал вдоль кромки воды. Под ногами хрустела мелкая галька. Иногда встречались островки крупных валунов, выползающих из воды и врастающих в скальную стену, отстоящую от воды в двух трех метрах. Камни тускло чернели в лунном свете, волшебным образом искажающем размеры, расстояние и форму окружающего мира. Тогда приходилось замедлять бег и осторожно переступить с одного мокрого и

необычайно скользкого валуна на другой, чтобы не дай бог не подвернуть ногу. Только этот многочасовой бег оставлял мне призрачную надежду на спасение. Этот бег да тень от скалы, дающая шанс укрыться от острых глаз Ночных Ведьм. Иногда казалось что свист, которым перекликались между собой твари смещался куда то далеко в сторону, но потом снова возникал совсем рядом и только то, что Ночные ведьмы, мягко говоря, не очень любили летать над морем не позволил им до сих пор меня обнаружить. Хотя совершенно очевидно, поднимись я на плато и через несколько минут о моем существовании в этом мире свидетельствовала бы только куча тщательно обглоданных костей. Владыка приказал убить. Об этом совершенно однозначно говорил тот азарт и возбуждение, с которой Ночные Ведьмы меня преследовали. Не часто этим тварям разрешают полакомиться беглецом. Как правило их задача найти и остановить жертву. К счастью четырехметровый размах крыльев не позволял охотникам пролететь вдоль кромки воды и они могли только догадываться, что я где то там, пытаюсь убежать подальше, или просто забиться в щель и спрятаться. Только твари обладали прекрасной сообразительностью, они знали, что перед восходом солнца начнется прилив и вода зальет прибрежную кромку. И я непременно выберусь на плато, потому что оставаться в воде, когда на тебя идет охота, когда боевым Калганам разрешили полакомится человеческим мясом, не рискнет не один самый отважный герой, не один самый безумный сумасшедший. Поскольку попасть в щупальца боевым Калганам это не просто больно, это не просто ужасно больно, это невообразимо больно. Самые искусные палачи Владыки не приблизились и в малой степени к той боли, которую доставляют морские дьяволы своей жертве в процессе пожирания. Ходят слухи, что калганы питаются не мясом а страданиями своих жертв. И только это побудило Правителей запретить скармливать им своих врагов. Твари могут слишком размножиться и выйти из-под контроля. Просто удивительно, как Правителям удастся держать в покорности Ночных ведьм и боевых Калганов. Ни в уме, ни храбрости этим тварям не откажешь. А дойди дело до прямой драки, так ведь манипулы не хватит, чтобы остановить тройку ведьм. А в воде Калган без труда потопит боевую галеру. Счастье, что твари так ненавидят друг друга. Пролетай Ночная Ведьма над морем на высоте ниже чем пять метров и гибкое щупальце вырвутся из пучины с быстротой молнии. Боль летуна насыщает морских дьяволов ничуть не хуже, чем человеческая.

Перебирая ногами из последних сил, запредельно уставший, я сохранил остаточную способность удивляться той власти, которой обладали Правители над летающими и плавающими тварями. Я знал, что в воде рядом со мной медленно плывет Боевой Калган. Он плывет с того самого момента, когда я спустился с плато, плывет, потому что знает, на меня разрешена охота, плывет и надеется, что настанет прилив, меня с головой захлестнет волна и тогда пробьет его час. Я стану законной добычей. А до этого надо терпеть и ждать. Хотя пятиметровые щупальца в любое мгновение могли бы утащить меня под воду. Только когда настанет прилив я непременно выберусь на плато. Стать кормом для Ночных Ведьм это совсем не то, что попасть в щупальца Калгана. Эта даже гораздо милосерднее, чем повисеть на дыбе у палача Владыки извиваясь от боли и умоляя о возможности рассказать писцам о собственных злодеяниях, предать друзей и осквернит святыни. Владыка милосерден. Разве не милосердием руководствовался Великий, когда отдал приказ найти и убить. Понятно, что о милосердии Владыки можно говорить только на пятничной молитве. И Юстус-арга великий и непогрешимый пожалуй был бы даже готов поймать меня и отдать Калганам, хоть это и запрещено Правилами и может выйти

боком даже Великому. Да только есть одна неувязочка. Не дай бог, кому придет в голову поинтересоваться, а чем собственно так провинился незначительный человечушка: то ли мелкий купец, то ли наемник, то ли просто бродяга. К чему весь этот сыр-бор. И тогда Юстус-арга великий и непогрешимый может попасть в весьма неловкое положение, ну не бывает рогатых великих и непогрешимых. Об этом даже в Книге Откровений Зинода сказано. И угораздило же меня согласится украсть из дворца Владыки Лунный браслет.

Браслет срочно понадобилось одному важному вельможе при дворе Правителей. По слухам, в нем таилась колоссальная энергия, совершенно необходимая для некоторых ритуалов. Законным способом получить драгоценность не удалось, и меня наняли его украсть. Никогда еще мне не доводилось воровать в таких комфортных условиях. Вельможа, по видимому, обладал неограниченной властью, а может быть браслет понадобилось самим Правителям. Поэтому со стены окружающей замок свисала веревка, по плану расположения комнат меня снабдили, а после того как стража, вопреки всяческому разумению, открыла парадный вход и покинула пост, я окончательно уверовал, что ограбление согласовано на всех инстанциях, вплоть до Владыки. Наверное отдать браслет нельзя, а украсть его можно. Все же парадным входом пользоваться не стал но минут через десять уже был в спальне у любимой жены Юстус-арги великого и непогрешимого. Лунный браслет было надет как ножное украшение на щиколотку красавицы. Правда о красоте женщины я мог судить только на основании части ноги выставленной из-под шелкового покрывала. Угадывалось, что фигурка под алым пологом сжалась в комок и затаив дыхание ожидала, когда же я наконец сниму браслет и покину комнату. Браслет в виде двух переплетенных змей матово серебрился на белоснежной коже. Я прикоснулся к Лунному браслету и браслет неожиданно оказался у меня на ладони, а когда я удивленно начал вертеть его в руках с мягким звоном защелкнулся у меня на запястье. Услышав звон, фигурка под покрывалом испуганно вздрогнула, спрятала обнаженную ножку и казалось совершенно перестала дышать. К этому времени мне все до чертиков надоело, стража, покидающая свой пост, веревка на стене, жертва, помогающая ограблению. В конце-концов для такого дела можно было направить юного придворного щеголя, поразив его воображение грандиозностью поручения, а не меня- прожженного циника, которому к несчастью много лет назад встретился отшельник. Обычный сумасшедший отшельник, питающийся кузнечиками и задающий неправильные вопросы — имеет ли Владыка право владеть, а Правители Править и так ли совершенны Правила, которым мы не задумываясь подчиняемся. Со временем я тоже научился задавать, к счастью только самому себе, неправильные вопросы и давать в уме на них верные ответы. Вопрос, зачем выбрали для ограбления меня, да еще и обещали приличное вознаграждение, выдав аванс на который можно безбедно жить целый месяц. Ответ — другого, например дворцового щеголя, жалко, да и не будет он прилично смотреться во время публичной казни. А казнить кого-то непременно надо, должен же кто-то отвечать за исчезновение реликвии. Ведь Лунный браслет главный амулет целой провинции и только кровью виновного можно смыть позор его потери. Пустить сюда меня пустили, только вот назад вряд ли выпустят. Лунный браслет поменяют на копию, а отсутствие в нем энергии объяснят тем, что реликвия побывала в руках грязного осквернителя. Конечно эта мысль пришла мне в голову сразу же после разговора с заказчиком. Да только я знал, что отказываться нельзя. Я мог и ошибаться, только встретится с заказчиком для того, чтобы отдать добычу, мне ужасно захотелось в месте и во время выбранными мною. А уж если кто-либо решил устроить

публичную казнь, то этому есть эффективное противоядие. Кинжалом из-за угла — пожалуйста, арбалетной стрелой — нет возражений, если удастся попасть, а вот в присутствии любопытствующей толпы, когда Пророк смотрит тебе в глаза и задает вопрос: «какое преступление ты совершил, грешник?» И ты не можешь отвести глаз, и язык помимо твоей воли громко и внятно отвечает: «я украл Лунный браслет». Потому, что Пророку можно отвечать только правду и только по существу. Значит во избежании публичной казни, правда должна быть разглашению не подлежащей. Вряд ли Владыка допустит прилюдное оглашение: «я переспал с женой Владыки и украл Лунный браслет». Эти соображения показались мне достойными интереса и я резко сорвал покрывало с жены Юстус-арги великого и непогрешимого.

Судя по всему, Ночные Ведьмы это птеродактили, сходные с тем, который подхватил меня при падении из пещеры Святого Августина в во второй день пребывания на Земле 2. Вот только не подозревал, что их можно приручить. Да и мысленное управление тварями заставляло усомниться в моей личной монополии на ментальную магию. Интересно, что из себя представляют эти самые боевые Калганы. А с Праведниками вообще сплошной абзац. Складывается впечатление что меня снова куда-то не туда перенесло. Поскольку прибывая на Земле 2 я раньше никогда не слышал ни о Ночных Ведьмах, ни о Боевых Калганая, а уж тем паче об этих странных Праведниках. Буду смеяться, ежели они окажутся каким-нибудь побочным продуктом моих экспериментов с Тайным Орденом, или Юркиных изысков, который в последнее время увлекся созданием структуры, навроде той, которую на Земле Изначальной приписывали Отцу Гор.

Зато какой красочный фильм я только-что посмотрел. К тому же с элементами эротики. Надо будет позже Борса за все это дополнительно отблагодарить. А заодно и подумать, нельзя ли каким-нибудь образом эти видения сохранить на физическом носителе. С возможностью последующего воспроизведения. Надо бы с Жекой посоветоваться. Хотя он тут же, наверняка, вернет алаверды, заявив, что спасение утопающих, дело рук самих утопающих. А технарем среди нашей троицы перемещенных числюсь именно я. Зато если получится, на этом можно будет сделать огромные деньги. Возможно не сейчас, а попозже, когда культура повсеместно внедрится в массы, да и массы станут побогаче.

К тому же, если речь идет о просмотре кино, непременно надо будет озаботиться массовым производством попкорна, чипсов и пива. Без охлажденного пива, в железных банках, зрелище лишается половины своего удовольствия. А до баночного пива еще ох как далеко. Мы и алюминий до сих пор не научились выплавлять. Так что время на решение задачи с переносом воспоминаний на материальный носитель еще есть.

Успокоив себя подобным образом и оценив, что с мясом, несмотря на все мои опасения, все в порядке, я приготовился смотреть третью серию приключений Борса.

Глава двадцать третья. Пещера Алладина

В которой главный герой продолжает получать удовольствие, в отличие от других разумных, которые силой обстоятельств оказались вовлечены в водоворот событий, а его будущий ученик сначала восхищается пещерой Алладина, а потом приходит в ужас, сообразив куда попал...

На этот раз в воспоминаниях Борса доминировало чувство безнадежности и запредельной усталости. Причем настолько сильное, что даже мне на секунду захотелось просто присесть на камень и хотя бы минуту отдохнуть. Это при том, что последний час самой большой физической нагрузкой для меня стало нанизывание кусков мяса на шампуры

Скоро все закончится. Мне не удалось оторваться от Ночных Ведьм. А пройдет еще полтора часа и начнется прилив. И тогда непременно нужно будет подняться на плато. Похоже богиня Нелана милосердная наконец меня оставила. Да и не мудрено. За прошедший день эта капризная жена Перена Огнебородого сделала для меня столько, что хватило бы на десять лет удачливой работы всегоордена Тишайших, к столичной пастве которого я

имел непосредственное отношение с того самого момента, когда еще в отроческом возрасте впервые срезал кошелек с пояса растяпы купца. Невредимым убраться из дворца Владыки. Затеряться среди трущоб. Пройти мимо городской стражи за десять рй до того, как все выходы из города будут закрыты. Сбить со следа Бешеных Псов. В одиночку справиться с тройкой стражей, засевших в засаде на тропе, по которой последний раз прошел караван лет десять назад. За день пробежать сорок лаг и выйти к берегу Великого моря. И все для того, чтобы быть учуянным Провидицей.

Ее прикосновение я почувствовал сразу. Обучены распознать, а при надобности и глаз отвести. Только амулет заговоренный я в горячах подарил жене Юстус-арги великого и непогрешимого. Ничего другого под рукой не оказалось. Много лет тому дал себе зарок — каждой своей женщине оставлять на память безделушку. Зарок дал в шутку, спьяну, да только потом сообразил, нельзя нарушать слово, данное богам. Особенно ежели занимаешься воровским ремеслом. Оно может ничего и не случится, а не дай бог. А вот ведь как вышло. Мой зарок против меня и сыграл. Я как почувствовал Провидицу, грешным делом понадеялся, не по мою душу, да только сразу к воде бросился, со скал спустился и к камням прижался. Может пронесет. А когда свист Ночных Ведьм услышал, бросился бежать изо всех сил. Провидица долго видеть не может, устает быстро. Один раз место указала и все. Одного не учел. Ночным Ведьмам разрешили полакомиться жертвой. Они такую охоту не бросают. Звезды, ярко блестевшие над морем и отражающиеся искорками в воде начали тускнеть. Вода, влекомая приливом отчетливо подымалась, ежеминутно сокращая и без того узкую прибрежную полосу, прижимая меня к скале. Со стороны моря подул прохладный ветер. Уже совсем скоро утро. Все, хватит, вот сейчас обогну этот скальный выступ и буду искать дорогу наверх. Я медленно шел по берегу. Дыханье успокоилось, а мышление приобрело некую ненормальную ясность. Ясность свойственную тому, кто уже перешагнул грань и не причисляет больше себя к миру живых. Я физически чувствовал, как утекают последние мгновения моей жизни в этом мире. Береговая линия делала резкий излом. Скала вплотную приблизилась к воде, закрывая очередную бухточку. Все произойдет за этим уступом. Я глубоко вдохнул и сделал несколько быстрых шагов вперед. Предчувствия оправдались только частично. За уступом скалы скрывалась аккуратная бухточка с ровным песчаным пляжем. Скальная стена отступила на несколько метров, оставив идеальную площадку. В центре площадки, где по всем предположениям беглеца должен был стоять отряд лучников аджерийцев, горел небольшой костер, рядом с которым возилась человеческая фигура, судя по всему, готовящая на огне нечто жареное, мясное.

Похоже воспоминания закончились. Борс пошатываясь вышел из скалы, отделяющей мою бухточку от береговой линии. Впервые взглянул на гостя собственными глазами. Тот визуально оставлял приятное впечатление. Высокий юноша, скорее даже молодой мужчина, темноволосый шатен, хорошо сложенный, с приятными европеоидными чертами лица. Короче надежда и опора родителей и гроза всех незамужних девиц. Таки не скажешь что вор.

Мне почему-то не захотелось разрывать с ним мыслесвязь. Я вспомнил про стрим которым с подачи Ленки увлекся еще там, на Земле Изначальной, пытаюсь раскрутить свой блог, посвященный проблемам одинокого холостяка пребывающего в поисках той самой, единственной. Когда Ленка узнала, сколько юных дурочек мгновенно согласились оказать мне посильную помощь в облегчении моих душевных страданий, тут же заявила, что шутка

зашла слишком далеко. От блога пришлось отказаться. Была мысль отказаться от самой Ленки, но угроза со стороны Марго, остановила меня от этого необдуманного шага.

Поэтому я позвал Борса к костру, не обрывая с ним мыслесвязь. Было странно и любопытно наблюдать за самим собой со стороны, чужими глазами. При этом используя собственные органы чувств. Сознание как будто разделилось не два параллельных потока. Причем интерпретация одних и тех же событий временами различалась, вплоть до диаметрально противоположной.

И это действительно был интересный эксперимент, который я захотел довести до какого-то логического конца.

— *Давай сюда, фигура призывно помахала мне рукой, приглашая к костру. Я жутко рад тебя видеть. Тут достаточно безлюдно, а у меня в голове в последнее время появилось несколько занимательных идей, хотелось бы с кем ни будь поболтать на эту тему.*

— *Боюсь, — опешил я, с недоумением рассматривал фигуру у костра, — что поболтать нам вряд ли удастся. Высокий, жилистый мужчина неопределенного возраста, от тридцати до пятидесяти, Загорелый до черноты, длинные космы волос, неопрятная рыжеватая борода, из одежды набедренная повязка. Вот и все, что можно было разглядеть в прерывистом свете костра. А впрочем, более чем достаточно. Похоже Карма — богиня судьбы решила здорово повеселиться на мой счет, подсунув в последние минуты жизни встречу с этим чудачком. Ведь именно похожая встреча много лет назад на берегу другого очень далекого от этого места моря и сделала в конечном счете меня важным государственным преступником. Тогда другой отшельник так же радостно пригласил меня к костру и начал делиться своими соображениями о смысле жизни, о свободе духа и бренности плоти, и, главное, о том, являются ли Владыки на самом деле богоизбранными. Неудивительно, что я заканчиваю так свою жизнь. Такие рассуждения доводят до петли со стопроцентной гарантией. И вот финал, а в качестве десерта еще один чудак отшельник с философскими заморочками. Интересно, его прикончат вместе со мной, так просто за компанию, или потащат на божий суд к Владыкам, как подозрительного субъекта, имеющего контакт с опаснейшим государственным преступником. Владыки не очень жалуют философов отшельников, а тут и повод для обвинения найдется. Может и не повесят, но на каторгу точно отправят. А там думай, что лучше, сразу стрелу или сгнить заживо на рудниках.*

— *Не удастся нам поговорить, святой отец. Я ведь опасный государственный преступник. Меня бояться надо. Слышишь, Ночные Ведьмы свистят, это по мою душу. Так что хватай свое варево и беги, прячься, может боги смилуются, живым останешься.*

Все-таки я в нем не ошибся. В наше испорченное время Борс демонстрирует чудеса человеколюбия. Он мне точно подходит. И это вор. Какие же моральных вершины в таком случае должны быть доступны тем же среднестатистическим горожанам? Понятно какие. Продадут, купят и снова продадут. Но это по большей части купцы. Остальные сделают любую подлость даже не слишком полагаясь на возможный профит.

— *Не беспокойся добрый человек, успокоил меня отшельник, чертовы птицы сюда не доберутся. От скал до воды тут всего ничего, им развернутся негде, а над водой они не летают. А тебя я не боюсь, зла в тебе нет, душа чистая, хоть и не всегда ты по закону*

поступал. Да ведь законы люди пишут, людям их и нарушать.

И тут такое зло меня разобрало, сам диву даюсь, уж и не припомню, чтобы кто меня смог так задеть. Тут жить осталось двадцать ри от силы. Нет, чтобы о душе подумать богам помолится, так я с сумасшедшим отшельником пререкаюсь. Не хватало еще философский диспут затеять о природе добра и зла. Заорал я на него во всю глотку: «Слышь ты, старый хрыч. Ночных Ведьм не боишься, может тебе и Боевой Калган нипочем. А как насчет манипулы лучников — аджерейцев. Ты стрелы зубами ловить умеешь. Да тебе и стрела не понадобится, я тебе сам шею своими руками сверну, если ты сейчас же не уберешься в свою нору». Покричал и вроде легче стало, уже спокойно говорю: «Уходи отшельник, прячься. Убьют тебя вместе со мной, считай из-за меня, мне еще один грех на душу. А у меня и так своих грехов хватает, как по Мосту Праведников перебираться стану с такой ношей».

А экспрессии то сколько!!! мне как-будто адреналиновую инъекцию сделали.

Похоже, мои увещевания не произвели на отшельника ни малейшего впечатления. Наоборот, он как-то особенно гнусно захихикал и начал радостно подпрыгивать.

— Что ты, добрый человек, я не умею ловить стрелы зубами. Только меня обижать нельзя: ни лучникам-аджерейцам, ни Боевым Калганам, ни государственным преступникам. Я ведь святым считаюсь, могу и проклясть.

От такой наглости я просто опешил.

— Да что твое проклятие воинам Владыки, которые приказ выполняют. Ты и рта открыть не успеешь, как станешь похож на горного еegu, только вместо иголок из тебя стрелы торчат будут. А как ты существо морское безмозглое проклинать станешь.

Сказал это и сам себе удивился. Зачем что-то доказать пытаюсь. Ясно же, что отшельник не сполен разумом. От того наверное и числится святым. Завещала же Нелана Яснолика чтить ущербных телом, а особо убогих духом. Видно судьба у меня такая, окончить жизнь свою в компании с праведником.

Небо взорвалось слепящей голубизной. Все стало отчетливо видно только цвета приобрело такой немислимой красоты, что за такое и умереть не жалко. Пурпурное море, алмазный переливающийся песок, иссиня черные скалы, а наверху серебристые фигурки лучников. Луки натянуты, кефаровые стрелы нацелены точно в меня и все застыло, ждет приказа, одна команда и туча черных молний понесется вниз. А я еще на плато взбираться собрался. Да вдоль всего обрыва куда достигает взгляд, а видно в сторону где берег уходит в море лиг на десять, с интервалом в два локтя стоят аджерейцы. Здесь же их не меньше легиона. И утра ждать не стали, зажгли святой полог. Я такое только раз в жизни видел, на коронации нынешнего Правителя. Боги, сообразил я. Да святой полог на десять лиг должен стоять дорожке дворца Юстус-арги великого и непогрешимого вместе с самим Юстус-арги. Это что, все ради меня затеяли. Да что же им надо. И тут меня проняло. А ведь Лунный браслет я так заказчику и не вернул. Вот он, браслет на руке как влитый сидит, не снять. А в свете полога по браслету волны зеленые на лазоревом бегут и рунами вспыхивают. Так бы и смотрел, пока стрелами не прикончат. А медлят потому как офицер дальше стоит, еще не рассмотрел меня. Сейчас доложат и даст приказ. И все это в голове у меня за мгновение промелькнуло и даже гордость какая то возникла, не каждому дано умереть под святым пологом. Может и спишется за это мне пара-тройка грехов полегче.

Все проще будет через Мост Праведников перебираться. Может и дойду на другую сторону.

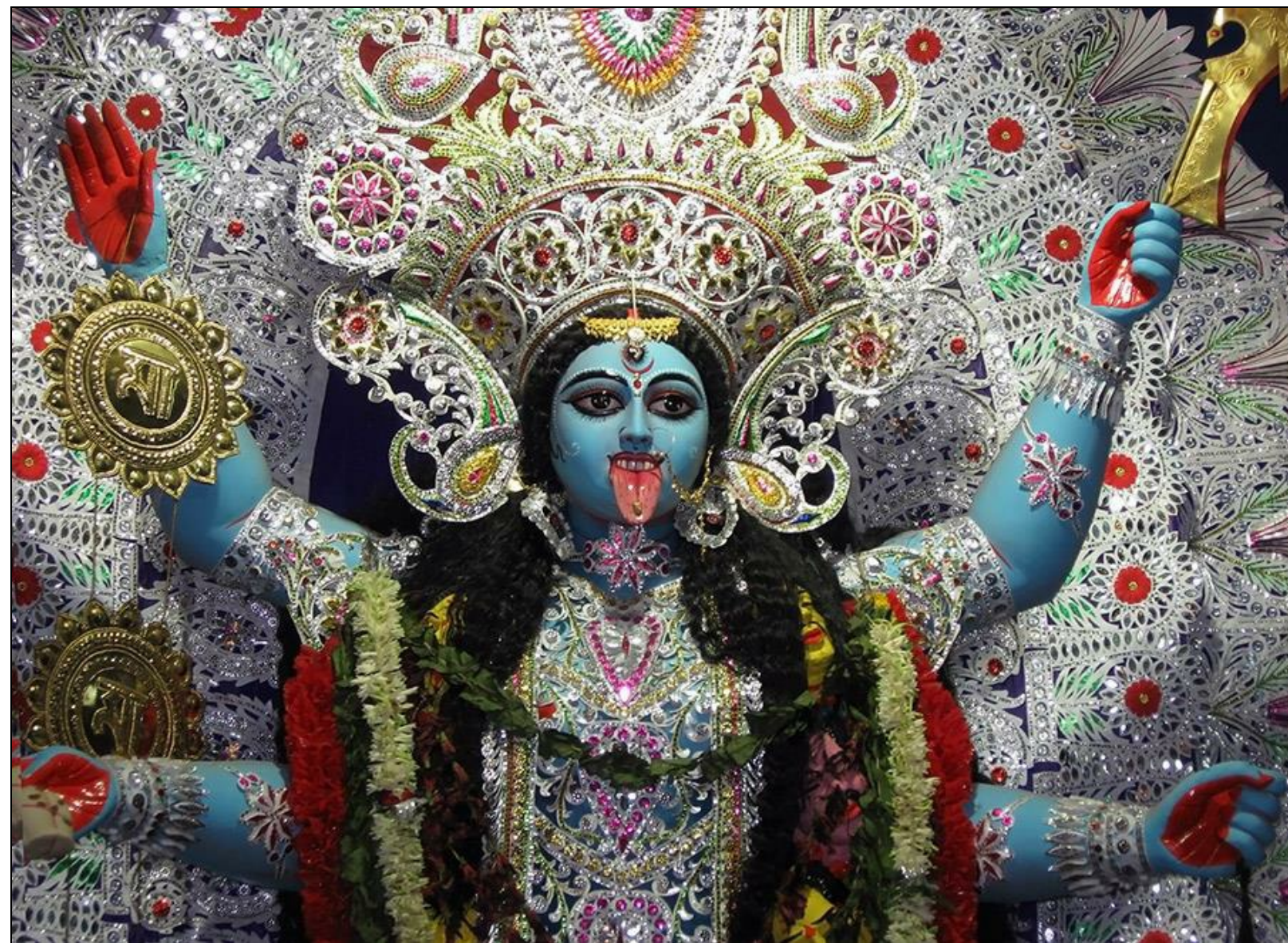
Да только мысли светлые сумасшедший отшельник развеял.

— А ведь и вправду, — говорит здесь не удастся вволю поболтать, — Пошли ко мне. И так спокойно это говорит, как будто и нет вокруг красоты неземной, которую ой как немногим за всю жизнь увидеть удастся. И странно как-то, все вокруг цвета поменяло, божественным переливается, а отшельник как был загорелым да косматым так и не изменился вовсе. Короче махнул я рукой, что с убогого взять и говорю, ладно пошли, а сердце в голове барабаном бьет, бух, бух вот сейчас раздастся приказ, запоют стрелы и все, не станет Борса. Отшельник этак бодренько в одну руку котелок с костра подхватил в другую корягу горящую, зачем только нужна, и так светлее чем в полдень, а она горит под пологом светом неземным — красота несказанная, и засеменил к скале, мне рукой машет, зовет. Я за ним, а сам приказа жду. Да только миг и святой полог погас. И такая тоска на душу навалилась. Куда идти, лучше стражников на берегу подождать, враз все и кончится. Да только отшельник пристал как пиявка, пошли за мной, зовет и горячей корягой расщелину в скале подсвечивает, словно знал, что святой полог погаснет. Расщелина в скале узкая, под углом вниз спускается, едва протиснутся удалось и голову наклонять все время приходится. Длиной локтей сто, а как закончилась, отшельник мне говорит:

— Постой здесь, — а я и сам шагу сделать не могу. Увидел, куда попал и ахнул, ахнул сначала от восторга, это когда рассмотрел зал красоты необыкновенной. Пещера гранитная небольшая, локтей двадцать в ширину и под сорок в длину. Красоту эту природа создала, но и человек руку приложил. Дно ровное- ровное мозаичными плитками выложенное. Потолок высоко едва виден, а с потолка десяток колонн сталактитовых спускаются. Сталактиты обычные известняковые, только сверху покрыты наплывами горного арениита. Арениит порода мягкая, как мел и редкая как самородное серебро. Только стоит раз в десять дороже золота по весу. А все потому что светится в темноте, никакие светильники не нужны. Свет у арениита особый. Видно все, но только будто в дымке, в тумане, а приглядишься, все четкость обретает. И алтарь виден в центре зала и ложе отшельника в глубине пещеры и родник, что из стены бьет, потом вода в чашу каменную резную собирается и стекает вниз сначала по желобу, а потом в провал, что в углу пещеры расположился. И рисунки мозаичные на полу видны. Посмотрел я пол и ахнул во второй раз. Только теперь не от восторга, а от собственной глупости. Попутал таки меня Глухой Сапожник. Не хотел же идти за отшельником, понимал, что не в своем разуме тот, так нет же, пошел. Сейчас бы уже лежал спокойно на берегу, и мучился бы не долго, стражники свое дело знают, подняли бы на мечи, кисть перерубили Лунное кольцо забрали, может быть даже тело песком присыпали или в воду сбросили на корм рыбам. Вряд ли потащили бы тело в город на опознание. Лунное кольцо лучшее подтверждение. А что делать сейчас и представить не могу. Жить мне и так осталось от силы десять ри. Из расщелины, ведущей к пещере, уже слышно команды офицера и чертыханья стражников. А душу свою бессмертную я загубил навеки. Теперь не то что на Мост Праведников нечего соваться, теперь молить Перена Огнебородого, чтобы в Гиену огненную пустил. Да и то, мыслимо ли вообразить, чтобы ничтожный отшельник перед самой смертью, когда ни хадж совершить не успеешь, ни пожертвование богатое сделать, притащил меня в Ложный Храм Кали неукротимой. А Кали неукротимая не та богиня, которая оскорбления прощает. Это про других богов можно гадать, есть ли они на самом деле или святоши

выдумали, чтобы деньги с паствы стричь. А в храм Кали в столице каждый может зайти да и попытаться сесть на трон Избранного. Кто на трон усядется да живым останется тот тут же Верховным Правителем станет. Только прежде чем до трона добраться надо через ленту Кали переступить. Она трон окружает. Обычная линия из трех полос, краской на полу нарисованная синяя, красная и зеленая полосы. Перед праздником искупления жрецы старую линию стирают, и тут же новую рисуют. Одни скребком стирает, а другие тут же рисует, что бы не дай бог зазор не шире ладони был. Кистью по полу водят, в ведро с краской кисть макают и рисуют. Каждый подойти может, посмотреть, особо смелые пальцем в не высохшую краску лезут, потом этим пальцем точку на лбу ставят. Благодать Кали получить хотят. Жрецы на это глаза закрывают, у них свой резон. Сами то жрецы через эту линию туда — сюда снуют, вроде как по делу. То светильник поправить, то метелкой пыль со статуи стряхнут. Посмотрит на это дело какой простофиля, а много их в храме перед праздником ошивается, да и решит сигануть через линию, чтобы на трон стало быть сесть, Верховным правителем стать. Вот тут то чудо и свершается. Страшное чудо. Сам видел. Простофиля сначала застывает на месте в локте от линии, которую переступил. Потом кричать начинает. Страшно кричит. Словно в щупальцы к Боевому Калгану попал. Потом падает и умирает. Я грешным делом одно время думал, что подстава. За хорошие деньги я и сам покричать могу, а уж смерть изобразить, любой покойник позавидует. Да только довелось однажды рядом со смельчаком оказаться, который через ленту Кали перешагнул. Он не просто умер. Он прямо на глазах в прах превратился. Сначала одежда в труху рассыпалась. Лежит тело голое. Потом кожа посерела, начала отваливаться, глаза лопнули, мышцы под кожей показались, почернели, закручиваться стали и осыпаться. Один костяк белый лежать на полу остался, будто зверьем диким добела обглоданный. Да и тот в одночасье хрустнул и пылью осыпался. Жрец подошел, молча скребком прах сгреб, из храма вышел и по ветру развеял. Такое не сыграешь. Это тебе не паралитиков да незрячих исцелять. Одного я не понимаю. Чего бы какому жрецу самому на трон не взобраться. И угораздило же меня в ложный храм Кали неукротимой попасть. На полу лента Кали нарисована была. В десяти локтях от входа, да не кругом вокруг трона как в Храме Истинном, а от стены до стены. Оно понятно, что святости в этой линии никакой, да только жрецы Кали так плетями отделают если у кого в одежде синий красный и зеленый цвета наличествовать одновременно будут. А уж за такую линию шкуру живьем спустят, солью присыпят и умереть седмицу не дадут.

Глава двадцать четвертая. Привет для Александра Николаевича

ю ее

Глава двадцать четвертая. Привет для Александра Николаевича.

В которой главный герой пользуется своим высоким служебным положением в Тайном Ордене, а в конце обнаруживает, что Земля 2 стала популярным местом для всякого рода попаданцев и не слишком этому удивляется

Вроде и смирился я со смертью, а глаза так и рыскают по пещере, нет ли где выхода другого. Подумал было в провал прыгнуть, вода то утекает куда-то. Может промыла дыру, наружу да так что не застряну, выберусь. Какой никакой шанс. Да только вовремя сообразил, что вода только в море стекать может, а уж там меня точно Боевой Калган встретит. Пока я так в начале пещеры стоял и по сторонам пялился, да к мату из расщелины прислушивался, похоже застрял кто-то из стражников, я и сам с трудом налегке протиснулся, а стражники в доспехах боевых да и набирают в войско детин ростом немаленьких, отшельник котелок на алтарь водрузил, как будто и не святое место, хоть и в ложном храме, но алтарь все же, потом ко мне подошел, за руку взял, пошли, говорит, я тебя через ленту Кали переведу. Сам не знаю, что на меня нашло, как ребенок послушный отшельнику за руку уцепился и пошел к

алтарь. И понимаю умом, что не может та трехцветная линия на полу быть лентой Кали, а все равно страшно. Только, когда через линию перешагнул и ничего не почувствовал, меня и отпустило. Вырвал руку из руки отшельника и говорю так грубо, ты старец не в своем разуме, сейчас стражники появятся, жрецов позовут, что делать станешь, а сам на отшельника гляжу, присматриваюсь. Вроде и не старый, чтобы очень, только заросший весь. Высокий, жилистый, рыжеволосый, борода всклокоченная, нос длинный. И глаза из под мохнатых бровей голубые, такие редко встретишь, разве что у детей изредка. Смотрит на меня, улыбается. Да не надо ничего делать, говорит. Кто же жреца Кали обидеть посмеет. Это ты, что-ли жрец, спрашиваю. Нет, отвечает. Жрец ты. Я тебя через ленту Кали перевел, вот в жрецы и посвятил. Тебя как зовут, спрашивает. Борс. Ну вот, стал ты братом Борсом. А хочешь, я тебя святым сделаю, вместе будем чудеса творить, я научу. Вдвоем веселее. Не успел я ничего ответить, тут из расщелины вояки повалили. Как горошины из стручка один за другим. Не меньше четверти манипулы. И не простые стражники, а самые натуральные белые барсы. Мечи наизготове, на лапшу всякого порубить готовы. А впереди старшина, сразу видно из бывалых вояк. Он как линию трехцветную увидел, так и замер. Потом своим скомандовал, все враз застыли, стоят, молчат, ждут чего-то. Дождались наконец. Из расщелины еще двое появились, один офицер, да не простой, судя по доспехам чином не ниже центуриона, а второй, батюшки свет Глухой Сапожник, сам наместник пожаловал. Конечно не *Юстус-аргавеликий* и непогрешимый, но его правая рука, а по слухам зловредным еще и левая вместе с головой. Наместник огляделся и ну визжать, в смысле почему государственный преступник вместе с сообщником живы еще. Да только старшина тертый попался, его на крик не возьмешь. Глаза выпятил, стойку принял и так браво офицеру докладывает, в соответствии с пунктом 4 параграфа 76 Войскового Кодекса при обнаружении мест проявлений колдовства, магии, других языческих гнусностей надлежит вызвать жрецов из ближайшего храма, место непотребное окружить, никого не впускать и не выпускать, ждать указаний. А сам на ленту Кали косится. И убогому понятно, что в другой ситуации было бы старшине на Кодекс наплевать, мечи все спишут, да уж больно не хочется через ленту Кали переступить и воинов своих посылать. И понимает же, что в линии той святости нет вовсе, и смерти не то чтобы очень боится, рубака тертый, да вот не лежит душа душу бессмертную риску подвергать. Вот и ломает комедь, служаку тупого изображает. Офицер тоже не из парадных попался. Враз все скумекал. Наместнику и говорит. Жрецов вызывать надо. Тут в двух лигах монастырь Неланы милосердной. Если Ночными ведьмами весть передать, то через час жрецы и будут. Да только наместник часа ждать не захотел. Выхватил из-за пояса самопал, прицелился в меня, да и рычаг спустил. Как от стрелы уворачиваются, сам видел. Но свинцовый кругляк не стрела. От него не увернешься. Да видно помог *Перен Огнебородый*. Свинцом щеку опалило да чашу для воды каменную, резную вдрызг расколотило. Вдруг отшельник как закричит, ты тварь мерзкая, на кого руку поднял, жить надоело. Да громко так закричал, с раскатом, будто и не человек вовсе, а медведь шатун человеческой речью изъясняться стал. Меня аж в дрожь от этого голоса бросило, да и вояки растерялись. Тут и не захочешь, а вспомнишь про горных дэвов, которые человеческий облик принять могут, да так, что только по голосу и распознать их можно. А отшельник деревянную поварешку из котелка с варевом выхватил, да и запустил в наместника. Нелепо так бросил, всей пятерней. Так обезьяны сучьями да комками грязи в обидчика швыряются, ежели их раздражить сильно. Глупее и придумать ничего нельзя было бы, от самопала да мечей ложками отмахиваться. Да только вместо смехом залиться все от

ужаса застыли, глядя как наместник на пол оседает, а из глаза у него черпало поварешки торчит, а черенок из затылка выглядывает. Офицер первым опомнился, скомандовал что-то тихо. Старшина в расщелину метнулся. Солдаты вдоль ленты Кали выстроились, мечи в нашу сторону выставили и замерли. Так все и застыло, солдаты молчат, офицер на отшельника так пристально смотрит, самопал с опущенной руке держит, ждет чего-то. Да понятно чего, за жрицами старшину послал. Я тихо стою, не жив, ни мертв. Только отшельник спокойно так котелок с алтаря убрал. Нормальным голосом чертыхнулся, поесть спокойно не дадут, Глухой сапожник побери. Потом стал у алтаря и заунывным таким голосом негромко что-то на незнакомом языке затянул. Может и вправду жрец какого божества тайного, языческого. Так и не сдвинулись все с места добрых полтора часа, жрецов ожидая. Все кроме меня. А что, солдаты люди привычные, они часовыми двухчасовую смену выстоять должны, глазом не моргнув. У офицера закалка не хуже. Отшельник, ежели он жрецом был, так молитву должен уметь при надобности несколько дней без остановки читать. А я пару минут постоял, пошевелиться опасаясь, пока ноги не затекли, потом и сообразил. А терять то мне нечего. Я уже и так покойник. Только покойник неправильный, все кончину оттягиваю. Сначала во дворце у *Юстус-аргивеликого и непогрешимого*, потом на дороге, при выходе из города. Совсем было на берегу все и закончилось, так надо же, еще и наместника впереди себя на Мост Праведников пропустил. Вот теперь жрецов ожидаю. А может, меня кто из богов под особое покровительство взял. Тогда, может и с жрецами все обойдется. Размышляю так и по пещере прохаживаюсь, картинки мозаичные на полу рассматриваю, колонны светящиеся руками щупаю, на солдат и отшельника поглядываю. Потом надоело. Сел на топчан каменный и начал с лунным браслетом забавляться. Интересная вещь. Как она у меня на руке оказалась придумать не могу. Снять нельзя, только руку отрубить разве что. Не может она через кисть пролезть, размер не позволяет. Наверное все же обод разъемный, только ни зазора, ни замка не видно. А только сделал что-то и начал браслет огнями переливаться, да так, что блики по стенам замелькали. Потом погасло все. И как раз из расщелины старшина вывалился. А за ним, батюшка свет, Глухой Сапожник. За ним жрец, да только не жрец Неланы милосердной, а жрец самой Кали неукротимой. Да не простой жрец, а из высших иерархов. А с ним, два святых послушника. Если есть в мире, что-нибудь страшнее Боевых Калганов, так это святые послушники. Про них много всяких врак рассказывают. Я бы и не верил особо, ежели бы сам не увидел, на что святые послушники способны. Я в Аджере случайно оказался, когда увидел их в деле. Тогда Аджерский Владыка против Правителей взбунтовался. Людей на площадь перед дворцом Владыки сгонять стали, декреты зачитать. И я в облаву попался, да особенно и увильнуть не пытался, резать горожан вроде никто не собирался, Владыка то свой, это когда войска Правителей появятся, да станут измену выкорчевывать, тогда держись. А так любопытно поглазеть. Площадь перед дворцом огромная. Народу нагнали тысяч тридцать. А перед самым дворцом два легиона черных медведей выстроилось. Дворец охраняют. Страшные вояки. Наемники, варвары из севера. В руках секиры тяжеленные, за спиной дротики. Доспехи бегемотной кожи, не всякая стрела пробьет. На балконе второго этажа сам Владыка стоит. Смотрит, слушает. Между толпой и наемниками пустое пространство, локтей тридцать. Туда глашатай вышел, свиток развернул, читать собрался. Вот тогда то я святого послушника и увидел. Он из толпы вышел и к глашатаю пошел. Весь в балахоне черном, лицо шарфом закутано, только щелочки для глаз оставлены. Спокойно так идет. Все замерли, растерялись. А святой послушник к глашатаю подошел, толкнул его так легонько, а когда глашатай мертвым на землю валился, свиток из

рук выхватил. Свиток развернул, посмотрел мельком, потом порвал и головой так укоризненно покачал, на Владыку глядя. Тут кто-то и скомандовал варварам. Первый ряд дротики из-за спины выхватили и в святого послушника метнули. А тот черным пятном размазался и исчез. Только на балконе рядом с Владыкой и объявился. Длань на голову владыке опустил, тело подхватил и аккуратно так с балкона сбросил. Потом совсем исчез. Говорили, что святой паломник из одного места в другое силою мысли и чарами божественными перенестись может. Только я не верю. Мог бы перенестись, не оставлял бы за собой просеку из трупов черных медведей. Как раз в аккурат от глашатая до балкона Владыки дорожка из мертвых тел пролегла шириной в два размаха рук. Так переворот и закончился.

Признаться, я впервые вижу эффективность работы святых послушников моего Тайного Ордена. Не напрасно я их на курсы повышения квалификации, к Юрке, в его школу ассасинов под патронатом Отца Гор приказал всех отправлять. Вот этих двоих, сопровождающих местного бонзу, я лично не знаю. Наверное из последних наборов. Впрочем не проблема. Заодно и проверю, как работают ментальные закладки на абсолютное подчинение Главе Ордена, которым я по факту и являюсь, при условии, когда внедряю ее не лично, а через своих доверенных лиц. Из числа руководства Тайным Орденом. Наверное, надо все же пойти Жеке на встречу и придумать своему Тайному Ордену какое-нибудь название. С другой стороны именных Орденов вокруг расплодилось немеряно. А Тайный Орден один. Это как «Бог». Сказал Бог и не надо уточнять о ком идет речь. А ежели кого этот вопрос интересует, так тот богоотступник и лжепророк. Хотя я наверное неправильный пример привел. Поскольку вопрос божественного пантеона мы как-то тоже упустили. И этих богов расплодилось поболее, нежели Тайных Орденов. Я из всего того, что тут Борс вспомнил: какая-то Нелана милосердная, Флор Сипатый, Перен Огнебородый, еще и культ Голубой Чаши сюда каким-то боком приплелся, одну только Кали Неукротимую и знаю. И то, поскольку Юрка ее культ всячески проталкивает. Зато стало понятно, куда он приспособил мой электрический стул, который таки слезно у меня выщиганил. Сейчас даже не могу вспомнить в обмен на что. Довел бульжник до полной кондиции, вырезав из него настоящий трон и установил в центре Храма своей любимицы.

А насчет того, что я бросаюсь предметами, как обезьяна банан, я с Борса еще взыщу. Но это потом.

Новый Владыка от Правителей назначенный, через два дня дворец занял. Даже не стал всем головы рубить. Так, каждого десятого на кол посадил и все. Да свиту прежнего Владыки на костре вместе с телом господина сожгли. Человек до тысячи. Костер прямо на площади развели. Бревен натаскали, четверть площади заняли поленицей высотой в рост человеческий. Бревна маслом полили. Изменников живых связали, штабелями уложили, сверху тело Владыки прежнего положили и подожгли. Горожан, кто живой остался, снова на площадь согнали. На балконе Владыка новый, а перед дворцом те же черные медведи выстроились. Охраняют. Про это мне года через два случайный попутчик рассказал. Сам я в Аджере задерживаться после смерти Владыки не стал. Но святого паломника на всю жизнь запомнил.

Столько лет прошло, а как увижу где черную рясу, так мороз по коже и пробегает, а ноги сами норвят в другую сторону пойти. Как чувствовал, что добром для меня встреча с

паломниками не закончится. Таки сбилось. Жрец как линию Кали увидел, так его и перекосило. Слова в горле от ярости застряли, рычит и клешнями к отшельнику тянется, вроде и не человек вовсе а демон какой-то. Наконец пробило, хрипло так просипел взять отступников, живыми взять, в храм их, в подвал. И паломникам рукой махнул в нашу сторону. Конечно, сейчас перед послушниками не стояла стена черных медведей. Как в аджере. И спешить им было некуда. Вот они и не спешили За то время пока послушники пещеру пересекли я много всякого передумать успел. Сначала про то что отшельник мне снова удружил. Будь жив Наместник он бы меня от гнева Кали неукротимой точно бы спас. Хотя бы на этом свете. Уж он бы не допустил, чтобы я живым попал в храм. Настоял бы, чтобы прикончили меня на месте. А на гвардейцев надежды никакой. Они хоть и получили приказ в живых преступника не оставлять, да не станут противиться жрецу. Себе дороже. Потом подумал, что может чудо случится и послушников остановит линия Кали. Храм хоть и ложный, но храм все же. Может какой силой и наполнен. Только чуда не случилось. Медленно, не размазываясь в серое пятно, а так со скоростью обычной арбалетной стрелы, послушники перетекли через пещеру и застыли у алтаря. Я за это время вон сколько передумал и сердце успело один раз ударить, да громко так. На второй удар сердца слышал резкий такой крик отшельника только не разобрал, что крикнул, потом снова послушники перетекли через пещеру только в обратную сторону. Хруст костей раздавался, сначала такой как если ребра трещат, а потом как если позвоночник ломается, как если голову резко повернуть и шею сломать.

Таки все в порядке. Работают ментальные закладки. Кодовое слово и святые послушники становятся совершенными лапочками, готовыми безусловно выполнить любой приказ своего шефа.

Потом послушники исчезли и сердце как раз во второй раз ударить успело. Да еще громче прежнего. А в пещере тихо- тихо, только жрец в агонии на полу дергается. Все таки бравые ребята эти гвардейцы. Другие бы крик подняли, начались в истерике биться, а эти так тихонечко даже без команды вдоль стеночки и на выход. Впереди офицер, а замыкает сержант. Так бы тихонечко и исчезли, да только отшельнику это не понравилось. Куда пошли. А ну стоять всем — скомандовал. Все так и замерли, как в детской игре замри-отомри. Кто ногу приподнял, так на одной ноге и застыли, боятся шаг закончить. А отшельник уже спокойнее говорит — вы этих захватите и идите с миром. На жреца с наместником показал. А когда мы вдвоем в пещере остались, мне и говорит. Все теперь отсюда уходить надо. И побыстрее. А то не дай счастья Глухой Сапожник, кто еще в гости заглянет. От всего не отмашишься. Вот только браслет оставь здесь. Нечего его с собой таскать. Я тебе тайник покажу. Давай браслет сюда. В следующий раз забереешь. И передай привет Александру Николаевичу. И конкурс выиграй обязательно. Так нужно. А сейчас возвращайся к себе. Я недоуменно смотрел на отшельника и ничего не понимал. Глубокая ниша, открывшаяся в колонне при касании ладонью, браслет который сам по себе растянулся, непонятные слова, непонятные имена. А потом все исчезло.

Ну насчет Александра Николаевича, это я схулиганил. Разобрался таки, что там за второе сознание у Борса в голове притаилось. Вот и передал привет и намекнул, чтобы валил отсюда, да побыстрее. Еще один попаданец. Вот только не с Земли Исходной, то из мира,

здорово ее напоминающего. Вполне техногенного и продвинутого. Правда присутствует на Земле 2 не в материальном виде, а ментальным слепком. Будь времени у меня побольше, обязательно бы вступил в контакт. Только, чувствую, не до того сейчас. Надо торопиться с ре инкарнацией. Совсем поджимает. А для этого сознание Борса мне нужно в первозданном состоянии. Иначе из моих воспоминаний и мыслей прошлого такая каша может получиться, что потом не расхлебаешь.

Глава двадцать пятая. Пятая реинкарнация

эxЧ

Глава двадцать пятая. Пятая реинкарнация.

В которой главный герой прокликает весь мир, за то, что до сих пор не существует эффективного средства от похмелья, заодно пытается оценить масштаб проблем, стоящих перед ним, а по ходу дела обменивается нелюбезными репликами со своим конем.

Мы с Черным медленно тащились по размокшей проселочной дороге, окруженной с

одной стороны полями, а с другой чернеющим лесом, проклиная мелкий занудный дождик, способный испортить настроение и гораздо более флегматичным разумным, нежели я и мой конь. Правильно было бы сказать не мы с Черным, а я на Черном, но кому нужны эти детали. Тем более, что мой вес для чистокровного шайра, все равно, что шарик наполненный гелием в руках у великовозрастного хулигана, забравшего этот шарик у симпатичной девочки. Естественно, для того, чтобы таким своим поступком вызвать у девочки интерес к своей особи.

Впрочем то, что мой Черный вовсе на шайр, несмотря на твердые гарантии барыги, который мне его всучил, я сообразил сразу же, как только узнал, что обязательным атрибутом шайра является фризы — пышные, обычно белого цвета обросль в районе скакательного сустава, мягкие аллюры и, самое главное, добрый уживчивый норов. Судя по всему, именно последнее качество Черного и стало тем доводом, который позволил мне за дешево приобрести прекрасного жеребца вороной масти и потрясающего экстерьера. Поскольку норов у этого монстра твердо свидетельствовало о его прямой родословной непосредственно от адских гончих. Что однозначно подтверждалось тяжелыми переломами у трех его предыдущих владельцев. Как ни странно, мы нашли общий язык с жеребцом. Я его поил, кормил и холил, правда не непосредственно, а силами специально обученных для этого людей- конюхов. Он же меня возил и периодически пытался угробить, что доставляло обеим сторонам дополнительное развлечение, превратившись в этакую игру ума и сообразительности. Ну типа: «В живых останется только один». В последнее же время мы с удовольствием стали общаться друг с другом, обращая внимание собеседника, в первую очередь, на его полную моральную деградацию.

Жуткое похмелье и хмурое небо, а так же неторопливая походка Черного настроили меня на философский лад и я впал в маразм размышлений.

Заканчивался пятый цикл нашего прибывание на Земле 2. Именно такими, трехсотлетними циклами я привык отмечать прожитые эпохи. В конце каждого цикла мы все — троица попаданцев с Земли Изначальной и единственный местный, чудом выживший Атлант — Ахмет, вынуждены были совершать мучительную процедуру полного обновления личности. Процедуру, которая предполагала складирование текущих воспоминаний и эмоций, всего того, что и составляет основу личности, куда-то на внешний носитель. После чего полную очистку памяти и последующую обратную выборочную загрузку воспоминаний.

Непонятно, что при этом служило тем самым фильтром, который напрочь лишил меня знаний об философах эпохи Возрождения — по утверждению Юрки ранее я обожал ставить собеседника в тупик цитатой из того же Мишеля Монтея или Томмазо Компаннеллы- и деталях сохранило в мозгу образ глубоко мною нелюбимой Марго. Вплоть до нюансов кройки ее обычной юбки — карандаша.

Теперь же имена Монтея и Компанеллы мне совершенно ни о чем не говорят, и узнал я о них впервые, исключительно со слов того же Юрки.

Да бог с ними, с философами. Каждая реинкарнация приводит к потери большей части знаний, которые не были использованы в текущем цикле. Так что от Андрея, который попал на Землю 2 около полутора тысяч лет тому назад, считай что и ничего не осталось. Нельзя сказать, что новая личность мне была чем-то неприятна. В конце-то концов, плохо относится к самому себе — это какое-то извращение. Вот только складывается впечатление, что при всех этих трансформациях личности сохраняется неприкосновенным некое ядро, которое и дает оценку новому я. Оценка не эмоциональную, типа нравится-не нравится, а

скорее функциональную. И эта оценка заставляет настораживаться. Эта оценка намекает на то, что я со временем утрачиваю свежесть восприятия и впадаю в состояние этакое безразличия, свойственного скорее машинам, нежели людям. Вот смеху то будет, ежели цикле этак на десятом я превращусь в аналог андроида, которому по ночам станут сниться электрические овцы.

Впрочем не будем о плохом. Поскольку есть и хорошие новости. Жека утверждает, что еще немного и он таки найдет способ нас убить. Окончательно и безвозвратно. Чем не повод для радости. Правда прозвучавшее из уст моего приятеля «еще немного» может составлять и сто лет и десяток трехсотлетних циклов. А люди, как говорят на Земле Изначальной, так долго не живут. Так ведь то люди.

Есть и еще одна оптимистическая новость. Попав на Землю 2, тогда еще мы думали что находимся на Земле Изначальной, только в прошлом, мы поставили перед собой задачу форсировать прогресс, так чтобы пройти двенадцати тысячелетний период в десять тысяч лет. Вот эту задачу нам точно выполнить удастся. Причем со значительным опережением графика. О чем говорить, ежели за полторы тысячи лет по местному летосчислению мы от первобытно общинного строя, с его каменными орудиями труда, каменными же наконечниками у копий и охотой на мамонтов, добрались до эпохи раннего феодализма. Характеризующийся наличием баронов и графов, а так же прочей аристократией, вплоть до Королей и Императоров, отягощенной распущенностью нравов и неумеренным алкоголизмом масс, особенно в среде маргинальных слоев общества. Последнее меня особенно возмущало. Поскольку после вчерашней пьянки и сопутствующего ей мордобоя, отчаянно трещала голова и я в который раз зарекся пить с карточными шулерами на спор — кто кого перепьет. Тем более, что я был один, а их пятеро. Правда последнее положительно отразилось на моем бюджете, поскольку кошельки своих оппонентов я конфисковал по праву победителя в поединке. Что позволило мне не только рассчитаться с хозяйкой гостиницы, но и оплатить счет, выставленный конюхом за содержание Черного. А тот жрет овса как не в себя. К тому же сломал денник, пытаясь ночью проникнуть к красотке Алхакетинке, белой масти, случайно оказавшейся поблизости.

— Нет я конечно понимаю, — попытался урезонить я Черного, — Шуры-муры. Любове морковка. Но надо же и о последствиях думать. А ежели жеребята появятся. И хорошо, если мастью в отца или мать. Ну а не приведи черт, станут пятнистые. Как далматинцы. Белые в черных пятнах.

Черный возмущенно подо мной фыркнул, демонстративно отнеся мои претензии к разряду гнусных инсинуаций. Типа, ты на себя лучше посмотри. Сам пьяница и распутник. И туда же. Корчит из себя зеркало добропорядочности.

Я, после некоторого осмысления афронда со стороны собственного коня, был вынужден согласиться с его доводами. И предложил заключить временный нейтралитет. Во всяком случае до того момента, когда мы попадем в замок моего старого друга — Графа Сугана. А такими темпами нам еще часа два плестись по старой грунтовке, рассчитывая, что погода над нами сжалится и мелкий назойливый дождик не перерастет в полноценные хляби небесные.

Я же снова в своих мыслях вернулся от частного к общему. Передо мной во всю ее монструозную высь встала проблема. Пришло время для очередной реинкарнации. Образ Вечного Жида, пускающего изо рта слюни и столетиями слоняющегося среди людей, пугая тех своими завываниями и безумным взглядом, оставался тем надежным жупелом, который

и сподвигал всех нас-попаданцев на эту не слишком — то приятную процедуру. Альтернатива выглядела удручающе. Или периодическая мозговая клизма, или Вечный Жид в аутентичном исполнении. За это время каждый из нас разработал и опробовал свою методику реинкарнации. Юрка начал с глиняных табличек, куда тщательно заносил малейшие детали из своей памяти. Сейчас это целая библиотека состоящая из тысяч томов рукописных книг, выполненных на самом настоящем пергаменте тщательно оберегаемых в его тайном логове Отца Гор. Причем я не поручусь, что часть материала, используемого для выделки пергаментов, не представляет из себя человеческую кожу. Ахмет и того проще, разработал этакий краткий справочник из основных событий, предыдущего периода, в которых принимал непосредственное участие, густо дополненного вставками рецептов по изготовлению своего любимого пойла, а так же описанием ближайших друзей, куда входили Я, Жека и Юрка. Возникшие при таком подходе изъяны в памяти бывший Атланд предпочитал заполнять историями преимущественно литературного характера, черпаемыми из источников сомнительного художественного достоинства. Неудивительно, что одно время он на полном серьезе утверждал в, что в предыдущей жизни его звали Одиссеем и он здорово стреляет из лука. Как в этот мир попала легенда войне за Троию, не слишком понятно. Возможно, что именно я в свой цвет цветочно-конфетный период и рассказал ее Любаве.

Свои наработки были и у Жеки. Оказалось, что наш друг обладает неким поэтическим даром, что позволило ему создать набор саг и поэм, которые охотно заучивали дамы из его ближайшего окружения. А таких в гареме у Жеки насчитывалось не один десяток. С тем чтобы впоследствии вернуть все это поэтическое богатства своему повелителю. Для меня всегда оставалось тайной, как Жеке удавалось сохранять свою власть над многочисленными подданными, в том числе и гаремом, в то время, когда сам он находился в полубессознательном состоянии. С Юркой понятно. Фанатики Отца Гор неукоснительно выполняли все заветы своего Гуру. Ахмет в период реинкарнации просто перебирался под Юркино крыло. А вот как Жека обеспечивал лояльность своего окружения для меня всегда оставалась тайной.

Сам же я в подобных случаях находил себе преданного ученика и изображал впавшего в маразм отшельника. Правда свою первую реинкарнацию провел с помощью Любавы. После чего закаялся иметь дело с женщинами. Особенно с такими, которые в тебе души не чают.

О своей первой девушке в этом мире я не слышал уже два цикла. Последние новости — это то, что она где-то на востоке таки создала Империю амазонок и пошла войной на весь мир. Правда добиться славы Чингисхане ей так и не удалось. Просто растворилась во времени и пространстве вместе со своими амазонками, оставив после себя разве что мифы и легенды. Я потом, во время путешествия по Восточной Сибири, несколько раз встречал выбитые на скалах изображения, символизирующие ее Империю. Герб, можно сказать. Смилодон на фоне Черного Замка. Причем сделано все с невероятным художественным вкусом и тщательностью. Самого Черного Замка уже давно не существует, а вот эти наскальные рисунки возможно проживут еще не одно тысячелетие.

И Блинка жаль. Он бы пригодился сейчас за компанию. А что саблезубый тигр и черный жеребец — мутант переросток. Интересно, они бы подружились, или попытались бы убить друг друга. Скорее второе. Причем я не уверен, что поставил бы на Блинка в этой борьбе на не на жизнь, а на смерть. Пусть смилодон в бытность свою и охотился на мамонтов и для него какой-то конь, так, на один укус, зато Черный необычайно умен. В отличии от того же Блинка. Который особым умом никогда не блистал.

А вот Любава всегда умом отличалась. Особенно после того как я ей перекачал всю свою память с Земли Изначальной.

Спрашивается, и почему дуре в Черном Замке не сиделось. Впрочем и от самого Черного Замка остались одни только руины, поросшие травой.

Просто удивительно. Ну никак не могло такое грандиозное сооружение разрушиться за тысячу лет. Та же Пирамида Хеопса на Земле Изначальной стояла без малого четыре с половиной тысячи лет. И ничего. Почти как новенькая. Разве что декоративное покрытие на верхушке кто-то содрал. А ведь мой Черный Замок посolidнее будет.

Я давно уже заметил, что события на Земле 2 проистекают в каком-то ускоренном формате. То что на Земле Изначальной занимало несколько тысячелетий, втискивается здесь в сотни лет. Раньше думал, что речь идет только о социально-экономических преобразованиях. К тому же предполагал, что фактором, ускоряющим прогресс, являемся мы — погруженцы. Похоже таки нет. И печальная судьба моего Черного Замка тому свидетельство.

Скорее всего первопричиной всего стала магия. Именно магия и завела меня в тупик на нынешнем этапе, сделав невозможной использование наработанной схемы реинкарнации.

Вернее не магия а отсутствие таковой. Раньше моей фишкой была мыслесвязь. Я перекачивал в память своего ученика факты и эмоции собственной жизни, а потом возвращал их себе назад. Помню как прекрасно сработал этот метод с Борсом. Ох и повеселились же мы тогда. Всю Иссу на уши поставили. А Борс и вообще впоследствии власть над городом захватил. И гарем Юстус-арги великого и неподражаемого себе забрал. Я грешным делом одно время даже думал, что всю эту бучу Борс и заварил ради гарема. Уж больно часто он ту девочку с Лунным браслетом на ноге вспоминал. Веселые были деньки. Куда только и ушло все.

А вот теперь у меня с мыслесвязью проблема. Вернее не с мыслесвязью, а с отсутствием таковой. Ментальная магия, верой и правдой служившая мне полные четыре цикла, взяла и исчезла. Как отрезало. Так что нынче я не властелин дум и великий маг, а среднестатистический полунциций ветеран последнего палестинского похода — никак не могу вспомнить, какого по счету- в потертом камзоле. Правда все еще владеющий прекрасным жеребцом, неплохим мечом, и дорогущими доспехами, работы кузнецов Миланской школы.

— Стоп, а где доспехи? Черт, из головы напрочь выпало. Все-таки надо побыстрее реинкарнацию провести.

— Черный, ты не помнишь, куда мы доспехи подевали. Что значит пьянь подзаборная? Это я всю память пропил? Зато стены не ломаю, когда к чужим бабам на свидание бегаю.

И то верно нашел у кого спрашивать. Только на грубость в ответ и приходится рассчитывать. А все-таки интересно, куда я доспехи подевал.

А вообще Черный в чем-то и прав. Как-то не камильфо бывшему Императору влачить существование никому не нужного неудачника. Но это не про меня. Поскольку Императором я так и не стал. Не хотелось. А вот пить мне хочется. Как там поется: «Хоть поутру, но за свои». Так что пошли вы все ...

Нет, точно психика в разнос пошла. Еще пару лет и все. Неужели к тому же Юрке за помощью обращаться придется. Не хотелось бы. Вот только ежели ничего путного за пару лет не придумаю, то придется.

В рамках поиска такого собственного пути я и решил навестить своего старого

однопольчанина по Палестинскому походу, графа Александра Сугана. Который непонятно каким чудом узнал о том, что я провожу свое время в этом провинциальном городке, как же его, кажется Лансбург, и пригласил к себе в гости. В другое время я бы непременно отказался. Все-таки с момента Иллинойской битвы прошло без малого тридцать лет. В то время Александр Суган был еще молодым юношей, а я зрелым, умудренным опытом мужем. Только вот по истечению этих тридцати лет Александр Суган наверняка превратился в пожилого мужчину, а я все тот же умудренный опытом муж, ничуть не постаревший. Этот факт может вызвать нездоровый интерес. А я не хочу привлекать внимание к своей персоне. Особенно в период, когда являюсь наиболее уязвимым. Накануне реинкарнации. Ладно, что-нибудь придумаю. Сейчас мне нужно место, где бы я на законном основании мог бы легализоваться. А в этом плане старый товарищ подходит как нельзя лучше. Интересно, что ему от меня нужно. Надеюсь, не просто потрепаться о прошлых славных деньках.

Глава двадцать шестая. Новый старый мир

Глава двадцать шестая. Новый старый мир.

В которой главный быстро совершает ознакомительную экскурсию в параллельную Вселенную, по итогам которой приходит к выводу, что ему и здесь хорошо, но тем не менее проявляет добрую волю к продолжению сотрудничества.

Внезапно меня как обухом по голове ударило. Я всегда с определенной долей скепсиса относился к этому высказыванию, предполагающему возможность впоследствии детально пояснить свои ощущения... Во всяком случае после того, как узнал, что обух это вовсе не доисторический аналог бейсбольной биты, после удара которой по голове оставался шанс восстановить ясность мышления — обычно после длительного и интенсивного медикаментозного лечения- а металлическое тупое окончание топора, противоположное лезвию. Здесь по любому без вариантов. Труп он и в Африке труп. Вот только ничего другого кроме как: «Обухом по голове» мне в этот момент не пришло. Интенсивные душевные ощущения, сопровождаемые запредельной головной болью, дополнялись чувством полного паралича не только опорно-двигательной системы, но и всего сенсорного аппарата. Эти заумные фразы, возникшие в голове, я отношу к разряду некоторой психологической защитной реакции на то, что ты мало того, что не рукой ни ногой пошевелить не можешь, но одновременно ничего не слышишь и не видишь. Почти как в той песенке поется:

Ничего не вижу

Ничего не слышу

Ничего никому не скажу

А сказать хотелось многое. Тем более, что через некоторое время боль прошла — вот так, только что была и мгновенно полностью прекратилась — и я ощутил себя беззащитным пациентом, которому доктор монстра Франкинштейна отрезал голову и поместил ее в герметично закрытый сосуд, наполненный питательным раствором, к тому же совершенно непрозрачный. Предварительно, на всякий случай выковыряв мне глазки и пробив гвоздиком барабанные перепонки. После непродолжительного размышления я пришел к выводу, что подобная процедура со стороны Виктора Франкинштейна представляется не слишком рациональной, поскольку требует дополнительных усилий по фиксации языка, блокады осязательных и обонятельных рецепторов. Гораздо проще не связываться со всем этим внешним интерфейсом, а просто извлечь мозги и поместить их в горшочек. А что, мозги в горшочке, это именно то, как я себя ощущаю. Память вытащила из какого-то закоулка воспоминание о том, что дефицит сенсорной информации непременно приводит к психологической деградации, причем в сравнительно короткое время. Просто удивительно, как такой мусор мог остаться у меня в голове, после четырех реинкарнаций. И это вместо того, чтобы детально помнить процесс выплавки стали в доменной печи.

Чтобы хотя бы немного себя утешить, я попытался ощутить себя Чистым Разумом по Канту, потом вспомнил, что Кант как раз эту самую концепцию и критиковал и быстро свалил лет на двести вниз по временной шкале, сразу к Декарту, который утверждал: «Я мыслю, значит я существую». Не помог и Декарт. Обращаться к древним грекам не решился, поскольку ничего подходящего из их фольклора вспомнить не смог. Хотя у того же Диогена Синопского наверняка нашлось бы что-нибудь подходящее к моему случаю.

Не знаю как долго бы продолжались мои бессмысленные метания в чертогах разума, если бы с голову не пришла мысль задействовать ментальную магию. И хотя после четвертой реинкарнации я напрочь лишился этой способности, но как говорят: «Чем черт ни шутит». Мне повезло. У представителя преисподней в этот день было игривое настроение и шутка, что называется, удалась. Я установил устойчивую мыслесвязь — ни мало ни много — с самим собой.

Больше всего это напоминало тот случай, когда я подключился к Борсу. Вот только на этот раз место Борса занимал я сам, собственной персоной. Вернее почти я. Тело точно мое: руки там, ноги, прочие органы. И камзол мой и меч и даже сапоги. Хотя сапоги не плохо было бы под это дело получить и другие, новые. Поскольку правый совершенно прохудился. А вот с головой все не так однозначно. На первый взгляд голова тоже моя. Вот только ее внутренне содержание внушает определенные сомнения. Поскольку в моей личной голове прибывает явно чужое сознание, которое именно в этот самый момент с недоумением оглядывается вокруг, демонстрируя всем своим видом расхожее: «Куда я попал и где мои вещи?». Сначала я было возмутился наличием в собственной голове чужого сознания. Тем более, что именно это наверняка и стало причиной того, что я потерял управление над собственным телом. И даже было начал строить планы по его немедленному искоренению. А потом резко успокоился. Спрашивается, ну чего я кипишую. Проблема дефицита сенсорной информации решена даже не на сто, а на двести процентов, поскольку я не только все вижу и слышу, но и получил доступ к памяти, в виде эмоций и воспоминаний моего квартиранта. А там всего разного, что называется: «Мама нет горюй».

Походу дела отметил для себя, что в процессе серии реинкарнаций мой лексикон потихоньку вырождается от образчиков достойных Гёте и Гомера до уровня уголовной

лирики. Отсюда и «Мама нет горюй» и «Мозги в горшочке». Наверное, это связано с тем, что сложные лексические конструкции теряются в первую очередь, а им на смену приходит что попроще.

Но возвращаясь к своему партнеру по мыслесвязи. К младшему партнеру, поскольку я то все слышу и вижу, и при желании могу извлечь информацию из любых закоулков его памяти, а он даже не подозревает о моем существовании и о том что мы сейчас ближе друг к другу, нежели самые преданные любовники. Тьфу-Тьфу-Тьфу. Откуда такая гадость только в голове и появилась. При всей своей толерантности, а я глубоко убежден, что каждый может трахаться с тем, кто не возражает, это точно не для меня. Я даже сквозь пальцы смотрел на то, как одна из амазонок Любавы с вожделием заигрывала с моим Блинком. Да так, что довела саблезубого тигра до нервного срыва. После этого, конечно пришлось вмешаться. И я единоразово снял со смилодона ограничение охоты на разумных, проживающих в Черном Замке. После чего конфликт был устранен в силу отсутствия одной из сторон конфликта. И тем не менее. Толерантность, толерантностью, но как говорится: «Могут быть и дети». Неужели это квартирант мне подобные мысли навеял? Быстро просмотрел ключевые моменты памяти, посвященные этому вопросу и пришел к заключению, что помимо излишней склонности к групповым развлечениям, правда в рамках тесно спянного коллектива друзей и постоянно меняемых подруг, в остальном все в порядке. Чистый гетеро с элементами гомофобии. Почти как я.

К тому же поверхностное сканирование памяти подтвердило мои предположения, что я уже сталкивался с этим перцем. Именно это сознание вторым планом скрывалось в мозгу у Борса, когда я впервые столкнулся с послушником Ордена Тишайшего. Вот только тогда оно прибывало в полукоматозном состоянии, практически себя не осознавая. А сейчас распорядилось моим телом на всю катушку. Интересно, как нам удалось снова пересечься. Это при наличии пары сотен миллионов разумных на Земле 2 и при том, что со времени первой встречи прошло без малого тысяча лет, нас угораздило снова встретиться. А ведь появление нового погруженца событие наверняка уникальное. Что-то я не слышал про массовые эпидемии одержимых. К тому же, если для меня с тех пор и прошла тысяча лет, то для моего нового партнера события в Иссе произошли как бы не в текущем десятилетии. Оказывается этот тип прекрасно помнит Борса. А ведь прикидывался коматозником.

Как-то все это трудно осознать. Единственный рациональный довод, который тут же пришел мне в голову, имеет отношение к лженауке — Гомеопатии. Которая совершенно бездоказательно утверждает, что подобное притягивается подобным. Ладно, пусть над этим вопросом у Жеки голова болит. Она у него большая. Шестидесятого размера шляпу носил на Земле Изначальной.

Последним штрихом, окончательно примерившим меня со сложившейся ситуацией стало то, что при необходимости, я вполне, через тот же канал мыслесвязи, мог вернуть контроль над собственным телом. В этом я убедился после того, как мой визави вытащил меч. Долго и недоуменно его рассматривал, а потом попытался им взмахнуть, чуть было тем самым не нанеся моему телу ущерб не совместимый с жизнью. Тут рефлекс лучшего фехтовальщика Европы не выдержали, а я заслуженно после Палестинского похода ношу этот титул, и я продемонстрировал салаге, как надо обращаться с мечом. Похоже здорово того впечатлил при этом.

После чего решил отпустить своего партнера в свободное плавание, с тем чтобы самому наконец расслабиться и немного отдохнуть от окружающей суеты.

А сам тем временем погрузился в его воспоминания. Мир моего вселенца всего на пару десятилетий опережал в своем развитии Землю Изначальную. Вот только к ним зеленые человечки так и не прилетели. И не стали расстреливать планету из плазменных пушек. Зато они столкнулись с другой гадостью. Условно называемую — Разрушением реальность. И сейчас, так называемые погруженцы из Земли 3, а именно так я решил назвать *alma mater* моего квартиранта — в данном случае я имел ввиду не учебное заведение, а фундаментальный смысл этих слов — Мать Кормилица — шастают по различным веткам Мультиверса и собирают различную гадость в параллельных вселенных. Эту самую гадость тащат себе на базу, в надежде на то, что украденная вещь предотвратит расползание Пятна Хаоса на собственной Земле 3.

Сам же мой вселенец — сотрудник института, чем-то напоминающего мой родной, там на земле Изначальной.

Боже, как я по этому по всему соскучился. Соскучился по цивилизации, по небоскредам, по институту, в котором царит атмосфера любви и зависти, коварства и простодушия, а так же отдельных, весьма редких, проблесков научного мышления. Я просто обалдел от счастья, когда увидел с высоты птичьего полета картинку города, стоящего на берегу моря, и плотно застроенного стоэтажными небоскребами.

Я с упоением гурмана, дорвавшегося до вкусной и вредной пищи, после месячной диеты, состоящей из вареных овощей и овсяной каши, погрузился в воспоминания Андрея. И да, вселенец оказался моим тезкой.

Второй десяток лет, мы как последние бараны, собственными тупыми головами испытываем прочность нашей Вселенной.

Мои неоднократные попытки достучатся до мозга, или по крайней мере до той субстанции, которая заменяет мозг у людей, полномочных принимать необходимые решения, встречают полное непонимание.

Да и что можно ожидать от небожителей, привыкших руководить и живущих по принципу — чего думать, трясти надо. Вот и трясем, вытаскивая отовсюду энергетические ядра.

Вся наша деятельность по перетаскиванию артефактов из параллельных вселенных в нашу ветку мультиверса, просто направлена на повышение энергетики нашей реальности, за счет других миров. Что может быть проще, чем отправить в параллельную вселенную бравого погруженца, который лом узлом завязать может, и воспользовавшись неосведомленностью аборигенов купить, выменять, а чаще просто украсть некую странную безделушку — не представляющую серьезной ценности в глазах местных жителей.

Не будь у сильных мира сего объективного ограничителя, мы бы давно выпотрошили весь мультиверс в свою пользу, собрав все 1023 ядра и спрятав их в хранилище типа Форт — Нокс. Да вот только Вселенная в силу то ли мудрости своей, то ли общей вселенской безалаберности, прописала на должность погруженцев всего то пять человек из восьми миллиардов людей, проживающих ныне на Земле. Среди этих счастливиц, вернее несчастных, и ваш покорный слуга.

Впрочем особых навыков от нас и не требуется. В силу непонятных причин погруженца тянет к энергетическому ядру чужого мира как железную гайку к магниту. Теоретики выдвигают различные гипотезы касательно этого феномена, потом опровергают их, короче развлекаются в свое удовольствие за государственный счет.

По жизни это притяжение проявляется в том, что выстраиваются цепочка событий, часто совершенно нелепых, иногда просто невероятных, которые бульдозером подталкивают погруженца на встречу с артефактом.

И в итоге сердце чужого мира в кармане у героя, которого тут же выбрасывает назад в родной ему вселенную.

Это обеспечивает нашему миру дополнительную стабильность и препятствует распространению иррационального хаоса.

В принципе я понимаю озабоченность представителей власти имущих. Возникающие время от времени на поверхности Земли аномальные зоны, настроения никому не поднимают.

С другой стороны спрашивается, ну кому мог помещать лес, который внезапно вырос в Сахаре. Там и площади то всего километров десять на десять. Песка жалко стало? Нафиг надо было лес танками атаковать. Теперь сразу две проблемы, как ржавые танки отволочь куда подальше и как уговорить танкистов прекратить прыгать по деревьям и вернуться назад на службу. И просто себе проблема, на самом деле так себе проблемка, превратилась в нечто глобальное, способное разрушить не одну политическую карьеру

Отсюда и произрастает желание натаскать себе как можно больше энергетических ядер и защитится от хаоса.

Да вот только стабильность нашего мира достигается за счет дестабилизации альтернативных веток, из которых мы самым бессовестным образом ворует артефакты, тем самым провоцируя их коллапс. При этом никто не хочет задуматься о том, что когда рванет, когда сколлапсирует хотя бы одна ветка, начнется цепная реакция слияния и мало никому не покажется. Все закончится всеобъемлющим Ничто. Великим Зеро.

Я сидел в кресле, опутанный с ног до головы датчиками и с безысходностью ожидал того момента, когда мой зам. Сергей Олегович, в обиходе Серый, он же еще один неудачник, причисленный к сонму погруженцев, наденет мне на голову шлем биообратной связи. Лучше бы он мне на голову терновый венец одел и руки к деревяшке гвоздями приколотил. Люди далекие от проблемы просто не представляют, какой ужас испытывает подопытная крыска, из числа тех самых пятерых Избранных, когда растворяется в чужой личности, а затем, по возвращению, пытается восстановить самоидентичность.

Казалось бы, а кто собственно мешает мне проявить гражданскую позицию и послать все это к едрени фени. Сама по себе потеря одного из пяти погруженцев пробьет изрядную брешь в процессе присвоения энергетических ядер в пользу родной ветки мильтиверуса. А учитывая то, что из оставшихся четырех — один мой друг — Серый, которого при должном желании я смогу подбить на любую авантюру, а трое других — на всю голову отмороженные америкосы, от которых даже их непосредственное начальство старается держатся подальше — нравятся мне эти ребята, нам с Серым еще долго предстоит эволюционировать до их уровня неадекватности. Так вот, учитывая все это, сама программа погружений вполне может накрыться медным тазом.

Только, как говорит еще один мой друг, он же кандидат каких то там наук, а по совместительству научный сотрудник лаборатории, которую я имею несчастье возглавлять, Слава Кузнецов:

— Всякая хрень имеет много гитик.

И я с сожалением вынужден признать, что одна из этих чертовых гитик не позволяет мне послать все эти погружения нахрен.

Вся эта сумятица мыслей и ощущений медленно шевелилась в моей голове, отвлекая от того факта, что через некоторое время мне таки придется взять из рук Серого злополучный шлем. Надеть его на голову и оказаться в незнакомом месте, в неопределенном времени и самое гнусное — в теле совершенно чуждого мне человека. «Ладно, нечего тянуть кошку за хвост» — буркнул я смирившись с неизбежным. «Если речь идет о Славкиной Матильде, то я не возражаю» — парировал Серый, помогая водрузить мне на голову шлем биообратной связи.

Больше книг на сайте - Knigoed.net